

Мириам Хейли

Ветры судьбы

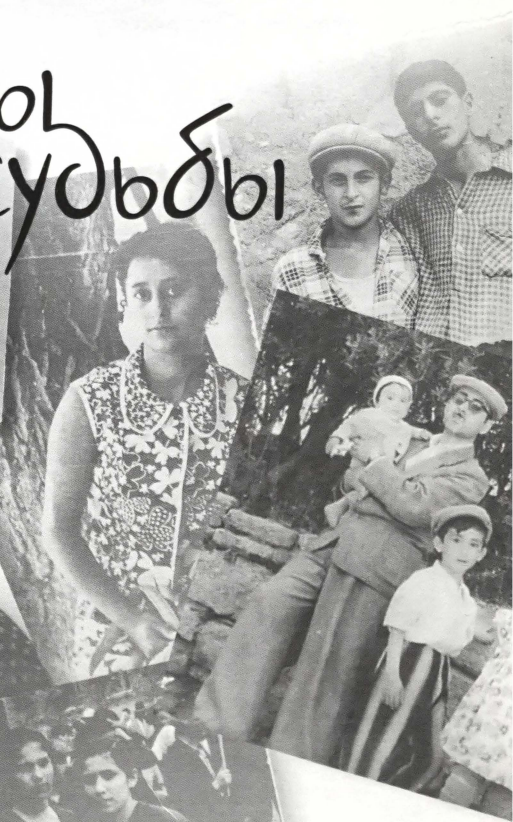

Мириам Хейли

Ветры судьбы

Мириам Хейли

Ветры судьбы

Нью-Йорк 2010

Мириам Хейли
Ветры судьбы
Сборник рассказов

ISBN 978-0-578-06659-2

На земле были времена, когда люди из поколения в поколение жили в одном и том же доме, деревне, городе. Но периодически вихри истории поднимали целые народы с насиженных мест и разбрасывали по всему свету. Так и нас в конце двадцатого столетия ветры судьбы раскидали по разным уголкам планеты, оказавшейся, в сущности, такой маленькой. И вот у нас уже другой дом, другая улица, другой город, другая Родина... Но разве могут наши сердца забыть дома, стены которых помнят наши радость и горе, улицы, на которых навсегда остались следы наших ног, города и страны, за которые сложили головы наши деды? Нет, не могут. Они просто бережно вбирают в себя каждый прожитый миг и идут туда, куда уносят их Ветры Судьбы.

Главный редактор: Ноберт Евдаев
Введение: Эфраим Баух
Редактор: Савелий Перец
Дизайн: Галина Блейх

Руководитель издательского проекта: Жанна Азарьева

В оформлении обложки использованы фотографии из частных архивов семей Азарьевых, Евдаевых и Хаимовых.

Издательство «Новый Рубеж»
347 Ocean Parkway,
Brooklyn, New York,
11218, USA
Tel: 718 940 27 70
www.newfront.us

© Мириам Хейли, 2010

Тираж 1000 экз.

Напечатано в Израиле

*Книга издана
при финансовой поддержке*

**Жанны Азарьевой,
Компания
ILMARK GROUP Ltd.
(Израиль)**

Содержание

Э. Баж. Предисловие / 7

Абрамовы

- Бакинский дворик / 10
- Симон / 12
- Шифра / 29
- Рувин / 37
- Ася / 45
- Тайна бумажных голубей / 53

Истоки

- Пролог / 58
- Родники / 60
- Мельницы / 65
- Хлеб / 69

Женщины

- Зеленщица / 74
- Везучая / 81
- Надежда / 88
- Сердце матери / 94

Ветры судьбы

- Городской зять / 99
- Новый год / 108
- Урок истории / 115
- Судьба / 122
- Гора с горой не сходится, человек с человеком сойдется / 130
- Параллельные прямые / 135
- Жизнь прожить – не поле перейти / 158
- Отчего болит сердце / 182
- Ошен парковая / 195

Предисловие

Эта книга повестей и рассказов, принадлежащая перу Мириам Хейли, при том, что события в ней происходят не только в разное время, но и в разных городах и странах, где жили и живут ныне горские евреи: в городе ее рождения и детства – Баку, в Израиле и за океаном, насквозь пронизана единым ветром.

Это не тот ветер, который выдувает память, а тот, который сам становится памятью прожитой жизни. Он вылепляет не только лица и судьбы, но и вереницу образов обыкновенных людей, именно тех, на которых держится мир.

Такова «роза ветров» времени и мест повествования Мириам Хейли: куда бы ни разбросало героев, глубокие корни дают о себе знать.

Доверительное обращение автора к читателю во втором лице перекрывает те части, в которых идет повествование в третьем лице.

Более того, автор обладает умением как бы мельком, подобно тому же соавтору – ветру, вылепить внешний облик и характер человека, но так, что это не только запомнится читателю, но и станет неким типом, выражающим поколение и проливающим свет на время и нравы.

Только коротенькая история о коте Боцмане чего стоит и насколько говорит о не часто встречающемся писательском умении.

Кажущаяся скучной проза жизни, под пером талантливого автора оказывается не менее, если не более, интересной и привлекательной, чем детективные истории или любовные романы, о которых весьма иронически отзывается одна из героинь книги – Ася.

Мнение, которое никогда не станет расхожим, о том, что «Бог – в деталях», напрямую применимо к прозе Мириам Хейли.

Специфика места и времени, называемая в современной литературе «гением места», не меняет их устоявшиеся с

детства характеры. Автор улавливает эту нестыковку, придающую особый колорит героям книги.

«...Если вы пройдетесь по Ошен парк-вэй, то поймете, что в основном здесь проживают "наши" люди: из России и Украины, из Ташкента, и Баку, и других городов нашей бывшей коммунальной квартиры. Они привезли сюда свои привычки и традиции, языки и культуру, смешали с местным колоритом и... Что получилось? Что получилось, то получилось...»

А получилась повествовательная проза с языком, своеобразии которому придают вкрапления слов на горско-еврейском и азербайджанском, навсегда осевших в памяти неповторимым местным колоритом, проза, передающая, главным образом, жизнь и нравы горских евреев, о которых с таким художественным вкусом и сдержанной, но нескрываемой любовью повествует Мириам Хейли.

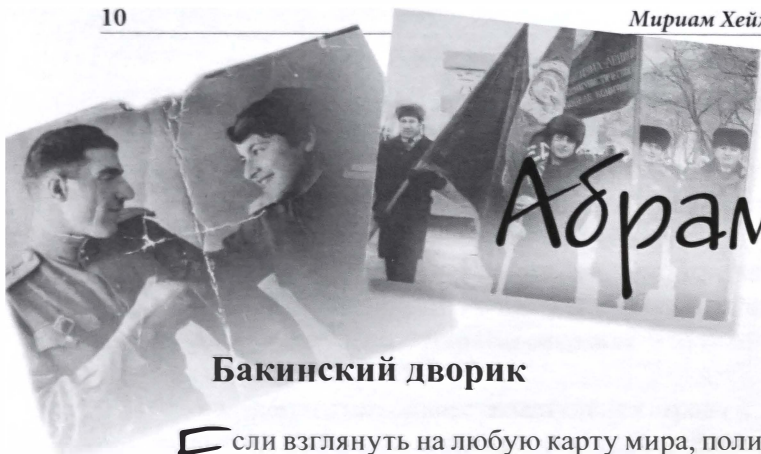
Пожелаем же этой книге попутного ветра.

Эфраим Баух
Председатель Федерации союзов писателей
государства Израиль

*Мне много не надо –
Хоть лопать чурка
И гроздь винограда
Из прошлого века.*

Ноберт Евдаев

Бакинский дворик

Если взглянуть на любую карту мира, политическую или физическую, подробную или схематичную, плоскую или объемную, то можно найти любой город мира. Точно... или приблизительно.

Но есть города, которые можно очень быстро отыскать на каждой карте. Вы хотите знать какие? Я не могу привести весь список. Но знаю наверняка: на любом глобусе или карте можно в два счета найти Каспийское море – озеро, напоминающее шахматного коня небесного цвета. В самой его середине с левой стороны и ребенок без труда найдет аппендикс Апшеронского полуострова. А теперь – ткните в крайнюю правую точку. Куда вы попали? Ну, конечно же, в город моего детства и моей юности. В город Баку.

Как переводится название города? Точно никто не знает. Но по одной версии – Бад-кубэ, что на древнеперсидском языке означало «Обдуваемый ветром». Возможно, вы хотя бы однажды почувствовали на себе пронизывающий бакинский зимний ветер, или были обласканы пахнущим цветущими тополями и акациями – весенним, или осыпаны желтым горячим песком, что подхватывает и несет во все стороны обжигающий летний, или застиг вас проказливый осенний ветер, норовящий проникнуть за воротник плаща и намочить одежду каплями противного моросящего дождя, не способного, в сущности, даже напоить иссушенную летним зноем землю.

Если так, то вы знаете точно: это не версия. Это – достоверное название.

Северный «хазри», южный «гилавар». Они обдували древнюю Бакинскую крепость на протяжении столетий. Сменялись властители, религии. Менялся облик города и облик его жителей. А ветры дули себе, пока...

Пока по улицам и проспектам города, его бульварам и садам не пронеслись иные – неведомо какие – ветры. В конце двадцатого столетия они разбросали по планете часть его жителей. Вместо них – таков закон природы – те же ветры занесли сюда других.

И теперь в разных частях света чужие ветра обдувают нас. Никого не будем судить или винить в этом. Такова была «роза ветров» в это время и в этом месте. Да и нам, вроде бы, хорошо там, где мы есть.

Только иногда, забросив ушедшие в прошлое атласы и глобусы, мы включаем электронных друзей и загружаем компьютерную программу Google Earth, где с высоты птичьего полета можно увидеть любую точку планеты, «кликнув» мышкой в нужной точке нарисованного ярко-синего глобуса. Двадцать первый век. Космическая съемка. Вот и узнаваемый сразу голубенький силуэт Хазара, Каспийского моря.

А теперь можно поблуждать по самому городу. Знакомые и не очень знакомые очертания районов, до боли родные и абсолютно чужие названия улиц...

Но где же он? Где же наш бакинский дворик? Умная программа дает разные проекции и объемное изображение. Почему же она не дает проекцию во времени?

А давайте представим, что у нас с вами есть такая программа. Мы выбираем время: вторую половину двадцатого столетия, примерно семидесятые годы, мы выбираем точку: бакинский дворик на улице Чадровой-Мирза Алиева. Может, на Бондарной-Димитрова? А может, на Камо? Хотите – на Крупской? На Ази Асланова! Мы не будем никого обижать. Это будет просто бакинский дворик. Но не из тех, что уставлены безликими хрущевскими коробками или серыми панельными монстрами-многоэтажками – воплощением решения лозунга партии «К 2000 году каждой семье – по квартире». И даже не из тех, где пленными немцами в

послевоенное время построены отделанные лепкой и колоннами дома, по-своему украсившие древний город. Нет-нет, – обычный бакинский дворик-колодец, построенный еще в девятнадцатом столетии и состоящий из сдвинутых впритык в небольшой прямоугольник двух-трехэтажных домов. По внутренней стороне всех домов пробегали общие деревянные балконы, спускающиеся во внутренний дворик пролетами скрипучих ступенек, словно порогами деревянного водопада. Здесь, как в детском теремке, жили представители разных народов, и жизнь маленького двора отражала жизнь всего большого города.

Нам будет сложно рассказать обо всех обитателях двора. Ведь только о дворовом псе по кличке Алабаш и хитрющем коте Боцмане можно написать целый рассказ, не говоря уже о людях.

А знаете что? Давайте-ка выберем одну семью и расскажем об одном дне, прожитом ею в своем уютном бакинском дворике.

СИМОН

Вы не знаете Симона? Да не смешите меня! А кого вы тогда знаете? Его знаменитая будка так вписалась в пейзаж города, словно стояла здесь всегда. Она совершенно не теряется даже от соседства с шикарными, украшенными мозаикой домами, построенными в прошлом веке на деньги миллионера Тагиева.

Симон сидит в этой будке с того времени, как вышел на пенсию, но никто не помнит, кто сидел там до него, потому что он сам является достопримечательностью города.

Остановившись около его будки, горожане могли не только купить билетик спортлото, но и узнать последние городские новости. Нет-нет, вы только не подумайте, что он был старый сплетник. От него вы никогда не узнаете новостей типа: кто с кем, когда и где. Напротив, такие новости надеж-

но хранились в тайне. Если он, например, видел, как уважаемый семейный человек шел под ручку с молодой красивой девушкой, он только улыбался и говорил: «Халол-ю! Что б ему было на здоровье!» А если кто-то и пытался ему что-то рассказать на эту тему, Симон переводил беседу на другую. Он слишком хорошо знал, во что могут вылиться такие разговоры. Из-за таких сплетен семейная жизнь, а заодно и судьба его друга Кеши разбилась в одночасье.

Но зато Симон мог рассказать вам куда более важные новости: что «выкинут» сегодня в Старом универмаге, за чем уже с утра выстроилась очередь в ЦУМе, что в Продмаг сегодня завезли чудную селедочку и синих цыплят. Приезжие получали от него полнейшие инструкции: что посетить, что купить, на что обратить внимание. Здесь же он не только переводил туристам названия районов: Беш мартаба, Арменикенд, Ичери Шахар, Черный город, но и рассказывал, откуда они пошли. Если у него не сильно болела нога, он мог рассказать и об истории домов, которые в народе называли «под монолитом», и о том, как стал богачом бедный батрак Тагиев...

Иностранцы тоже часто останавливались возле его будки. Английского он не знал, но на немецком, который он учил в школе, а затем доучивал на военных дорогах, изъяснялся довольно прилично.

Вот он идет с работы на обед: невысокий, коренастый, чуть сутулый, припадая на правую ногу. Когда-то черная шапка кудрявых волос, орлиный нос и черные лихие усы делали его похожим на гордого джигита. Но старость, припудрив шевелюру и усы, сгорбив гордую осанку, сделала его похожим на того, кем он был на самом деле – на старого еврея. Прожитые годы превратили взгляд его больших карих глаз из веселого и восторженного – в грустный и всепонимающий.

Вот, прихрамывая, он заходит в свой дворик. Кешка – сосед, что уже третий день в запое, как обычно, сидит на балконе и поет песни о том, что приходит в голову или о впечатлениях от окружающего. Он уже спел про камыш, про тополя, про черного кота. Увидев Симона, он затынул:

– Идет Симон, несет лимон, вай-вай-вай...

Симон живет в нашем дворе с самого детства, а если учитывать, что он уже пенсионер, можно сказать аксакал нашего двора, он помнит все важные события, которые пережили его жители.

Но Симон помнил не только это. По вехам его жизни можно было изучать историю страны: полуголодное детство, семилетка, комсомол, армия, фронт, партия, работа на заводе, пенсия и как завершающий жизненный этап – будка «Спортлото».

Ну, а если уж быть совсем точными – по изменениям, что претерпевало на всех этих этапах его мировоззрение, можно было проследить, как менялись приоритеты и взгляды на жизнь у всего народа.

В неспокойные двадцатые босоногий мальчишка утром, съев горбушку хлеба, выбегал из дома и вечером возвращался. Родители, занятые своими делами, воспитанием детей почти не занимались. Их воспитывала улица. И потому часть его друзей продолжили свое образование в местах не столь отдаленных.

Но Симон, болтавшийся по разным митингам и обожавший кино, стал жертвой пропаганды, как и многие его сверстники. Подростком, он один из первых во дворе, вступил в комсомол, за что в округе его долго звали «Симон-комсомол». Закончив семилетку, он пошел работать на завод и там стал одним из активных членов комсомольской ячейки завода.

Они не были карьеристами. Просто искренне верили родной партии. Верили, что доживут до эпохи коммунизма.

Даже в страшные тридцатые они ничего не поняли. Комсомольцы горячо обсуждали постановления любимой партии, принимая на «ура!» все ее решения и выкрикивая придуманные сверху и спущенные в народ лозунги. Им казалось – это они творят историю.

Впоследствии, сидя за прилавком своей будки, он, вспоминая, скажет:

– Раньше я думал, что мы – всего лишь пешки в чужой

игре... Но сегодня я понимаю, что пешками и шахматными фигурами здесь были полководцы и маршалы, политические деятели и литераторы. А мы были просто их игровым полем. Когда нужно – шахматным, нужно футбольным – пожалуйста! Были также полем битвы и кладбищенским...

– Упал Симон, разбил лимон, вай-вай-вай...

Он был в армии, когда началась знаменитая чистка врагов народа. С удивлением и ужасом получал он письма, в которых друзья писали имена тех, с кем вместе работали и митинговали, добавляя страшное слово «забрали». Больше ничего, без всяких комментариев.

Сначала Симон возмущался: как это он не разглядел в этих людях врагов. Но список ширился. И в его душу стало проникать сомнение. Нет, не в любимом отце народов. Это все равно, что сомневаться в солнце, освещающем землю. А в коммунистах на местах, которые, по его мнению, в соответствии с русской пословицей: «Заставь дурака богу молиться – он и лоб расшибет», – вместе с сорняками выпалывали из грядки и лучшие плоды.

Истинное сомнение возникло, когда, дойдя со своей частью до середины Европы, они увидели чужие города. Да, разрушенные войной, да, с несчастными и голодными жителями. Но, с удивлением разглядывая незнакомые детали быта, одежды, они невольно восстанавливали в воображении разрушенное, и сомнений почти не оставалось: эти города жили много лучше наших. Капитализм не загнивал, что бы там ни говорили пропагандисты.

На подступах к Германии он получил ранение, после которого чуть не лишился ноги, а потом его комиссовали, и победу он встретил в поезде по дороге домой.

После войны он честно и самоотверженно работал, но на партийных собраниях не выступал, а только голосовал и хлопал.

Разоблачение Сталина после его смерти пережил, себе на удивление, очень легко: только напился вместе с другом Кешей.

– Плачет Симон, нету лимон, вай-вай-вай...

Во времена Хрущева при Симоне уже можно было рассказывать анекдоты. При Брежнев, когда Симон, по состоянию здоровья пересел в будку «Спортлото», он уже вовсю использовал дремавший все эти годы и теперь пробудившийся в нем необычайный талант рассказчика анекдотов.

– Не плачь Симон, куплю лимон, вай-вай-вай...

– Кеша, меняй пластинку, что у тебя там – заржавел патефон и пластинка заедает?! – крикнул Симон, подняв голову.

– Понимаешь, брат, душа у меня заржавела. А вино ей – как масло ржавчине.

– Да, в нашем поколении у всех ржавые души. Мы думали, что их закаляют как сталь, но технология была неверной, вот и произошла «усталость металла». И как следствие – трещины и ржа в наших душах.

Симон поднимался по лестнице, продолжая негромко говорить. Он заметил, что Кеша уже сменил мотив и не слышит его. Но разве ему нужен был собеседник?

– И кого могло родить такое поколение? Только детей с замороженными душами и трухлявым телом...

Он открыл дверь и зашел в дом.

– Чуть что: у них все болит. Зуб под наркозом выдергивают, потом три дня дома лежат. Тьфу-ты! В мое время мужчине было стыдно под наркозом зуб удалять. В перерыве в заводской поликлинике дернут «на живую», и ты опять бежишь к своему станку. А главное – ни в Бога не верят, как наши отцы, ни в партию и правительство, как мы. Для чего живут – сами не знают...

Он устало сел на диван, вытянув правую ногу. В последнее время она стала болеть все чаще и сильнее. Верно предупредили его, что так и будет. Тот самый военврач, брат рыжего Левки.

Симон прилег на диван и прикрыл глаза.

...Он старался сдержаться и не показать сгрудившимся над ним врачам свою боль. Он почти не слышал их. Потом все ушли, и остался один, самый молодой.

– Доктор, мне хотят ампутировать ногу? – Симон говорил, стиснув зубы, чтобы не выдать стоном боль.

Молодой военврач склонился над его бумагами и что-то сосредоточенно читал.

– Доктор, у меня нога почти не болит. Клянусь вам!

– Аджун ки? – врач был явно доволен произведенным эффектом. – Аджун баба-холу? Врач говорил на его джуури – языке горских евреев:

– Кем клянешься? Дедушкой?

Симон не сумел вымолвить ни единого слова.

– А я тебя помню, Симон-комсомол. Я жил на Чадровой. Ты постоянно дрался с моим младшим братом – Левкой Рыжим.

– Левка Рыжий? – Симон резко сел на кровати, забыв про боль. – Конечно, помню. Мы с ним, кстати, только в детстве дрались.

Конечно, он помнит его, Левку Штейна. Боевой был парень.

– А Левка где?

– Воюет, – пожал плечами военврач. – Как всегда, в своем репертуаре: в самом пекле, в военной разведке.

– Все будет хорошо.

– Дай-то Бог!

– Доктор, а как же с ногой?

– Главврач советует ампутировать. Военное время: решения принимаются скоро и споро. Но, мне кажется, можно будет подлечить. По крайней мере, я попробую. Ну, а если не получится, тогда...

– Получится, доктор, получится. Аджун баба-холу!

...После войны он взял бутылку тутовки, привезенных с собой трофеев: пару банок тушенки, кусок хозяйственного мыла и пошел к Левке домой.

Они встретились как близкие друзья. Левка повредил на фронте руку, и она висела у него на бинте. Он был полупьяный и злой. Злой на то, что из-за этого идиотского ранения он не сможет стать, как хотел, летчиком.

Они выпили. Симон стал рассказывать военные байки, чтобы развлечь Левку.

– А братишка-то мой на фронте погиб, – сказал вдруг тот посреди беседы. – Глупо как-то погиб, – он говорил спокойно, стараясь не смотреть на приоткрытый от удивления рот собеседника. – Они уже в Германии были. Поехал куда-то на срочный вызов, и их машина подорвалась на mine.

– Смерть на войне не бывает глупой, – Симон разлил тутовку по стаканам. – Глупо – забывать такого брата и плакать по всего-то искалеченной руке.

Они помолчали.

– Ты это... Отнеси все эти гостинцы его семье. Они живут в районе Беш мартаба.

Еще несколько лет после этого, пока жена врача не вышла снова замуж, Симон отвозил гостинцы его детям два раза в год: на Новый год и на Нисану.

А Левка Рыжий стал инженером...

Он заглянул в холодильник и вынул кастрюлю с обедом, поставив греть себе миску, пошел умываться. Аромат буглама наполнил квартиру.

«Надо будет тарелку обеда Кешке отнести, – подумал он. – Он, конечно, непутевый, но все-таки – друг детства».

Кешка за окном жалобно выводил:

– Где же ты, Маруся?

С кем теперь гуляешь?

Одного целуешь,

А меня кусаешь...

Ну, не повезло Кешке с женой. А ему, Симону, ох как повезло с Шифрой.

..Перед самой войной Симон часто по вечерам дежурил дружинником на танцплощадке. Там в один из вечеров познакомился с веселой девушкой Капитолиной. Ее светлая голова в желтых кудряшках напоминала огромную хризантему.

Девушка была приезжая и жила в общежитии.

Голубые глаза, кружащий голову морской бриз, светло-серый песок с белыми ракушками. Необычный подъем в душе, когда хочется свернуть горы, видя устремленный на тебя горящий девичий взгляд, слыша ее звонкий смех после каждой твоей фразы и взрыв хохота – даже от самой неудачной шутки.

После недолгого знакомства Симон, как честный комсомолец, решил жениться.

– Только попробуй, – сказал отец, снимая очки и отрываясь от чтения старинной книги, написанной на святом языке. – Женишься только на своей.

– Отец, вы не забывайте. Сейчас другие времена. Мы – интернационалисты.

– Я тоже – за интернационал. Ты же знаешь, что у меня есть прекрасные друзья разных национальностей. И я за них в огонь и в воду готов. Но жениться надо на своей.

Симон молчал.

– Ты пойми, – продолжал отец, поглаживая седую бороду, – есть много вещей, о которых ты по молодости и неопытности не догадываешься. Любые чувства проходят со временем, и остается жизнь. Простая жизнь. Нелегкая в наше время. И тогда при любой ссоре ты рискуешь услышать кроме всего прочего короткое слово, которое по-русски звучит «жид!», по-азербайджански – «джууд». Но и не это главное. Есть что-то высшее, необъяснимое, что объединяет людей одной крови. Это когда у вас одинаковые вкусы в еде, одинаковый взгляд на жизнь, на распределение ролей в семье, на воспитание детей... Когда тебя понимают, потому что у вас одно и то же воспитание, одни и те же духовные ценности, и вам порой не нужно говорить, чтобы принять решение. Вы понимаете друг друга без слов. Вино не мешают с молоком. А куриный бульон с айраном. Каждое из них хорошо само по себе. Я понимаю, ты уже взрослый парень и тебе пора жениться. Завтра же пошлю мать искать тебе невесту.

– Только у меня условие. Во-первых, она должна хорошо говорить по-русски, чтобы мне не позориться перед друзьями,

и, во-вторых, я должен до обручения увидаться с девушкой, поговорить с ней без свидетелей. Все-таки мы в двадцатом веке живем. Мне дикарка не нужна.

– Как скажешь, – отец, довольный, встал из-за стола.

Видя, как его Капа уже через три дня заливаётся своим звонким, как колокольчик, смехом с другим остряком, он еще больше убедился в мудрости отца.

... Это была уже четвертая попытка найти девушку по вкусу.

– Она не такая красавица, как предыдущие, – сказала мать, кладя ему в руки сверток. – Но, по словам соседей, – умная, воспитанная, чистоплотная и учится на отлично. Значит, и по-русски хорошо говорит.

– Так она – школьница?

– Заканчивает техникум в этом году.

Вот и знаменитая Бондарная, то бишь, по-новому, Димитрова. Он зашел в нужный дворик. Когда он стучался во вторую дверь первого этажа, то почувствовал на себе по крайней мере десяток изучающих глаз.

– Здравствуйте, – юная миловидная девушка невысокого роста смотрела на него просто, без всякого кокетства. Смуглая, худощавая, черные вьющиеся волосы, разделенные четкой стрелкой прямого пробора, были заплетены в две не слишком длинные косы.

Смутившаяся от пристального взгляда незнакомого юноши, она вспыхнула, на секунду опустила взгляд, но потом снова подняла. Теперь она старалась не смотреть на него.

– Вам кого?

– Меня мама попросила передать этот сверток тете Рахели.

– Это моя мама. Но ее сейчас дома нет. Она будет примерно через час. Если хотите, вы можете оставить ваш сверток. Я передам маме.

Мать Симона договаривалась с матерью Шифры, что он только передаст сверток и уйдет. Но ему захотелось поговорить с девушкой подольше.

– А можно я ее здесь подожду?

Девушка внимательно посмотрела ему в глаза, затем кивнула головой.

– Заходите, – она пропустила юношу в открытую дверь, а сама, не закрывая двери, вышла во двор и постучала к соседям.

– Лия, – сказала она вышедшей на встречу маленькой полной девушке, – ты можешь на полчаса зайти ко мне?

Судя по тому, какой интерес был в глазах у девушки, когда она еще только заходила в дом, было ясно: эта пара глаз была одной из того десятка, что наблюдали за ним.

Шифра подперла входную дверь табуреткой, зашла в дом, зажгла керосинку и поставила чайник. Он оценил ум девушки, ругая себя, что поставил ее в неловкое положение.

Симон, который по его мнению имел немалый опыт обольщения юных дам, взял инициативу в свои руки.

– Девушки, а давайте знакомиться. Меня зовут Симон.

– Шифра, – коротко бросила хозяйка из кухни.

– А я Лия, – толстуха зарделась. Но любопытство взяло верх, и она продолжила: – Мы с Шифрой учимся в техникуме. Только я не очень люблю учиться, – и, вздохнув, добавила на джуури, – моя голова математику и физику не воспринимает.

– А Шифра, – она вновь перешла на русский, – и учится на отлично, и староста класса.

– Да хватит тебе, болтушка, – Шифра опустила взгляд.

– А вы где-нибудь учитесь? – обратилась Лия к Симону.

Слегка закрутив свои ухоженные усы, словно проверяя, что он во всеоружии, Симон пошел в атаку.

– Да нет, милые дамы. В данный момент я работаю на заводе. Ударник труда, член комитета комсомола завода. Подал заявление на вступление в партию. Что касается образования, то я закончил киро-топтательный техникум и теперь учусь заочно в заборо-строительном институте.

Шутка не выстрелила. Ни одна из девушек не засмеялась. Лия от удивления приоткрыла рот, а Шифра... А Шифра усмехнулась той самой снисходительной усмешкой, которую он будет видеть не один десяток лет.

– Трудно там учиться? – Лия была обескуражена ученостью собеседника.

– Ай Лиё, – Шифра покачала головой и впервые улыбнулась нежной улыбкой, которая осветила ее серьезное лицо. В обычное время ее большие, цвета спелого тёрна глаза были опущенные внешними уголками вниз, что придавало ее лицу печальное выражение. Но вот, волшебная улыбка приподняла уголки глаз, они заискрились, стали темно-синими и из них полился мягкий приглушенный свет. Симон почувствовал, будто тоненькая иголка плавно вошла в сердце. И осталась там навсегда.

– Разве ты не видишь, молодой человек шутит.

Лия засмеялась. Словно очнувшись от наваждения, он встал.

– Чай мы выпьем в следующий раз, – обратился он к серьезневшей вновь Шифре. – Когда за этим столом будут сидеть кроме нас и наши родители. Она вспыхнула, поняв его намек, но не произнесла ни слова.

«Вот мои друзья удивятся, – думал он по дороге домой, – а то они думают, что все горско-еврейские девушки – чушки и дикарки. А моя Шифра, – в том, что она уже его, он не сомневался, – и скромная, как наши девушки, и умная и образованная, как самые образованные русские».

Об иголке в сердце он не вспоминал. Она саднила его долгие годы, но он не умел говорить о любви.

...Обручение назначили на конец июня, после того, как Шифра сдаст выпускные экзамены, свадьбу – на осень.

В воскресенье двадцать второго мать с утра стала готовить подносы для подарков к предстоящему обручению.

– Посмотри, какой табах я готовлю для твоей невесты, – сказала она, посыпая конфетами подносы с подарками.
– Вся Бондарная умрет от зависти.

– А, дадай, мамочка, не убивай никого, – Симон дотронулся пальцем до утюга. Он гладил выходные брюки. Это важное дело он не доверял ни сестре, ни матери. – У нас на Бондарной куча друзей и родных. Пусть живут.

Вдруг со всех сторон их дома-теремка раздались крики и плач. Отец с балкона вбежал в дом.

– В субботу, когда не надо, у вас радио орет, как ненормальное. А в воскресенье вы радио включить не можете!

Симон обо всем догадался: война невидимой тучей уже давно висела в воздухе... Но – накануне обручения!.. Впрочем, так будет лучше. Завтра же он пойдет в военкомат и запишется добровольцем на фронт. А вдруг его убьют? Что же он девушке голову будет морочить? Когда вернусь, если вернусь, там посмотрим...

Он продолжал сосредоточенно гладить ставшие ненужными выходные брюки. Вокруг него плакали мать и сестра, брат с отцом спорили о чем-то, соседи вбегали и выбегали. Он не слышал ничего. Завтра же они встретятся, и он все ей скажет.

Тогда впервые иголка заставила сердце тоскливо заныть.

– На сегодняшний вечер назначено обручение, – они сидели на скамейке в Губернаторском саду. Эта скамейка под фонарем напротив фонтана станет на долгие годы их любимым местом. – Но обручения не будет. Завтра утром я иду в военкомат.

– Обручение будет! – строгое лицо девушки казалось суровым. – Пусть без гостей и подарков. Но будет!

Он впервые позволил себе взять ее тонкую ладошку в свою, мозолистую от работы на любимом фрезерном коне. Она не отняла своей руки.

– Война не может продолжаться долго. Ты знаешь это сам. Но говорят, если солдат знает, что защищает свою Родину и свой дом, он сильнее во сто крат... Если он знает, что его ждет дома девушка, его шансы выжить в самых безвыходных ситуациях увеличиваются многократно...

– А если я вернусь калекой?

– Не говори так! Не подавай дьяволу идей! Что бы ни было – значит, такова наша с тобой судьба. На все Божья воля, – добавила она на джуури.

Косынку и кольцо она приняла. Подарки вернула до его возвращения. А конфеты раздала соседским детям.

После войны они подождали год, соблюдая траур по погибшим у него и у нее братьям, и поженились.

Когда он был на фронте, она пошла работать на ткацкую фабрику. Да так и осталась там по сей день.

А какие замечательные сыновья у них выросли!

Симон сел за стол и, отломив чурек, начал есть.

– Только у любимой могут быть такие необыкновенные глаза, – Кешку опять потянуло на лирику.

...Его друзья удивились его выбору. Шифра умела располагать к себе людей, сохраняя при этом дистанцию. Панибратское отношение было ей чуждо. Даже с женами его друзей она не стала чересчур сближаться. Сначала Симон с гордостью наблюдал, как она легко могла поддержать разговор о звездах и о стихах, о цене картошки на базаре и об интересном рецепте пирога. Знайте, мол, наших. Но потом он вдруг обнаружил, что не только женщины: его мать, его сестра, жены друзей, соседки, но и мужчины стали спрашивать у нее совета в сложных жизненных ситуациях. Даже отец назвал ее царем Соломоном в юбке.

Она вела дом. А он ходил на партсобрания, водил сыновей на футбол, болел с ними за родной «Нефтчи» на стадионе и у телевизора, играл с друзьями в нарды во дворе. Правда, он, в отличие от многих еврейских мужчин, помогал жене. По пятницам он ходил с ней на базар, крутил баллоны с солениями летом, не считал зазорным вымыть посуду или почистить картошку. Крутить фарш жене не позволял: или делал сам или заставлял сыновей.

И что удивительно! Несмотря на то, что характер у обоих был нелегкий, они никогда серьезно не ссорились. И Симон и Шифра как-то интуитивно чувствовали в любом споре грань, после которой даже сотая градуса приводит к кипению страстей. Ему помогала чувствовать это саднящая боль в сердце, и он хотел бы верить, что она тоже улавливала эту боль не только женской интуицией.

...С возрастом круг его друзей менялся. Он стал, не стесняясь, ходить по праздникам в синагогу. Часто появлялся в об-

любованном горскими евреями Молоканском саду, где, сидя на лавочках вокруг фонтана с тремя женскими фигурками, мужчины хвастались, сплетничали, рассказывали друг другу байки, делились новыми идеями по части зарабатывания денег, словом, – общались. Они не всегда были искренними и почти никогда – честными. Но, воспитанный пропагандистскими фильмами и комсомолом, Симон верил всем и всему.

– Значит так, – заявил он однажды, придя домой из Молоканского садика, – тут мне один предложил быть хармагом – напарником в одном деле. У меня и так есть неиспользованный отпуск. Я получу отпускные, вложу свою долю и поеду в Россию. А мой хармаг за это время привезет товар из района, и я его быстренько продам на базаре. Он за это время привезет еще одну партию, и уже будет продавать сам. Я с ним рассчитаюсь, получу свою долю и вернусь домой. Так я по-быстрому заработаю на свадьбу сыновьям.

– А, Симон, не смеши людей! Тебя на нашем базаре любой кендчи объегорит. Тот, кто рожден волом, скаковой лошастью не станет.

– Молчи, женщина, – Симон повысил голос. – Кендчи, деревенщина... Ты хочешь сказать, что рожденный ползать летать не может? Я тебе докажу, что это не так!

– Как раз наоборот: рожденный летать, витает в облаках, видит далеко вокруг и не замечает, что у него под ногами, – она усмехнулась своей снисходительной улыбкой.

– Поступай, как хочешь. Только твоим деньгам можно помахать ручкой.

И что? Продавать фрукты на базаре он оказался не способным. Симон старался быть честным при взвешивании и расчете, но его самого не раз обсчитывали. А когда в конце сезона его новый друг сделал с ним расчет, вычтя из прибыли взятки базарному и участковому, плату за проживание и еду, сгнивший товар и разницу между весом товара по накладным и его фактическим весом, – оказалось, что Симон получил ровно свою вложенную долю плюс деньги за дорогу.

Шифра взъерошила его поредевшую и поседевшую шевелюру.

– Все не так уж и плохо. Ты ничего не потерял и провел отпуск на свежем воздухе. В общем-то, неплохая цена для жизненного урока.

– Ты ничего не понимаешь! Просто мне попался напарник – жулик!

Она засмеялась. Как в молодости, теплый голубой свет заструился из глаз, ставших в миг темно-синими.

– У человека или есть коммерческая жилка, или ее нет. Но ты не грусти. Зато никто из них не может быть фрезеровщиком высокого класса. Твой директор говорит, что ты даже не фрезеровщик, а ювелир. А детям свадьбы мы, с Божьей помощью, сами справим...

Симон налил в миску обед, отломил полчурка и стал подниматься к Кешке. Тот сидел на табурете, опустив голову на скрещенные руки, лежавшие на деревянной перегородке балкона, и пел что-то заунывное. Увидев поднимающегося к нему Симона, он поспешно встал и попытался подбежать к нему, но, потеряв равновесие, упал. Поставив миску на газ, Симон подошел к нему.

– Друг – это третье мое плечо будет со мной всегда, – запел Кеша, пытаясь встать на ноги.

– Нам с тобой, я вижу, третья нога нужна, а не третье плечо. Если так дальше пойдет, нам легче будет ползком добираться на третий этаж, – улыбнулся Симон.

– Там где пехота не пройдет,

И не найдет дорогу птица,

Солдат на пузе проползет

И ничего с ним не случится! – запел ему в ответ Кеша.

– Вот-вот, именно так. Ладно, – Симон стал спускаться по лестнице, – иди, поешь уже, Магомаев ты наш.

Кот Боцман, почуяв еду, мгновенно оказался рядом с Кешей и начал, громко мяукая, тереться возле его ног.

Когда несколько лет назад дворовые мальчишки принесли забавного светло-серого в темную полоску котенка, его тут же назвали Матрос. Но Саша, старший сын Симона, закончивший высшее военно-морское, вернувшись из плавания, заявил:

– Да вы что, братцы! Вы ж взгляните на эти пижонские усы, толстую довольную морду и наглый бывалый взгляд. Да это ж чисто боцман!

– Точно, – вставил Кеша с балкона третьего этажа, – я одного боцмана знал, – такая же точно рожа.

Так кот Матрос получил повышение и новую кличку.

У кота были свои принципы: никогда не воровал еду, даже если она была оставлена без присмотра. У него было несколько безотказно действовавших способов заставить людей добровольно делиться с ним. Этот тупой пес Алабаш получал еду, залежавшуюся в холодильниках, ту, что людям жалко было выбросить. А ему, Боцману, доставалось все свеженькое, прямо со стола.

Даже к строгим старушкам – соседкам с третьего этажа у него был свой подход.

Когда мадам Ицикович садилась на балконе пить чай со штруделем, он мягко приземлялся на перила возле нее и застывал в грациозной позе пантеры. А затем каждые несколько минут он начинал мяукать. Ни в коем случае, заметьте, – не орать дурным голосом. Ада Львовна была женщина с тонким вкусом, и потому его мяуканье было каким-то музыкальным. Любуясь котом, старушка вздыхала:

– Вот красавец-то. Скольким кошкам ты голову вскружил, признавайся! – она вставала и приносила чего-нибудь вкусненького.

К ее грозной соседке Фариде-ханум он подбирался по-другому. Когда старушка ела, а поесть она любила, он садился на расстоянии метра от нее и начинал преданно смотреть ей в глаза.

– А, хайван, что смотришь? – злилась старуха. – Вот животное!

Но чистый взгляд кота мягко пенял ей, что в то время как в Африке умирают от голода миллионы детей, она позволяет себе так много есть.

– Чтоб твои глаза лопнули, – говорила в сердцах старуха, медленно поднимаясь со стула и накладывая в миску еды. –

Так смотрит – кусок хлеба в горле застревает! Лучше бы ты мышей жрал, сволочь такая!

Боцман подружился с Кешей. Еще бы! Ведь Кеша – добрая душа, – делился с ним не только едой, которой его подкармливал весь двор, но и крышей. Боцман часто спал с Кешкой на его старой железной кровати.

Спустившись по лестнице, Симон натолкнулся на соседку Марию с первого этажа. За крупные размеры, зычный голос и командирский тон ее называли комендантом двора, а если точнее – «ёлдаш гомэндант».

– Сема, – обратилась она к Симону, – кто-то сверху бросает во двор бумажные самолетики из «Бакинского рабочего». Ты случайно не знаешь, кто у нас получает эту газету?

– Нет, – Симон отдышался после тяжелого для него подъема и спуска по лестнице, – я даже не знаю, кто у нас не получает эту газету. Ты лучше у почтальона спроси.

– Ой, что я вспомнила! – прыснула вдруг Мария. – Я тут с утра по двору в своем домашнем сарафане хожу, этих чертовых голубей с пола собираю и ругаюсь. Вдруг вижу: наш уста-Махмуд со второго этажа на своем стульчике на балконе сидит. Это его невестка с утра, пока в доме убирает, на балконе сажает старика. Ты же знаешь, он в последнее время не ходит, мало ест и почти не разговаривает. Его невестки надеются, что его комната скоро освободится, и каждый день из-за нее друг дружке патлы дерут.

– Старый нефтяник совсем плох, – покачал головой Симон.

– Ты сюда слушай, – Мария дернула его за рукав. – Хожу я, значит, по двору, нагибаюсь, бумажки собираю. Вдруг слышу, старик сказать что-то пытается. Я подошла поближе, встала под балконом и спрашиваю: «Тебе чего, дед?» А он мне, не поверишь: «Ай, гомэндант, санин фигура учун, олурам! Ох, как я обожаю твою фигуру!» Мария засмеялась, и все ее многослойное тело в красном ситце затряслось.

– Это кто умирает после этого? Эти лахудры не дождутся!

– Да нет, – Симон широко улыбнулся, показывая свои наполовину металлические зубы. – Просто уста-Махмуд – асил

киши, истинный мужчина, он уже не может ходить, не может есть, а женской красотой продолжает любоваться. Молодец! Уважаю!

– А, все вы одинаковые! – махнула рукой Мария и обратилась к вошедшему во двор Гамлету Аванесову.

– А что, Гамлет Иванович, случайно не ваш внук закидал весь двор самолетиками из «Бакинского рабочего»?

– Я нефтяник, Мария-джан, и получаю «Вышку».

– А то ваша корова-невестка, – продолжала Мария, – с утра до вечера только своими бровями занимается. Брови у нее идеальные, а ребенок – весь в зеленке.

– За своим разбойником смотрите, – Гамлет с опаской бросил взгляд на балкон второго этажа, на свою дверь.

В это время Шифра, нагруженная авоськами, вошла во двор.

Шифра

– **А**, зянь, что ты опять домой тащишь? – Симон укоризненно покачал головой. – У нас все есть, женщина.

– Да в наш ларек яблоки только завезли, – она виновато улыбнулась мужу. – В нашем доме, Борух а-Шем, как все у телевизора сядут, когда встанут – двух кило яблок как не бывало. Так что лишними не будут. Ты поел?

– Да, было вкусно. Ну, мне уже надо возвращаться на работу. Я пошел.

– Покажи-ка яблоки, – Мария нагнулась к авоське. – «Семеринка»? И почему? За сорок копеек? Надо брать!

– Там уже Шушан с первого этажа в очереди стоит, а за ней мадам Ицикович.

– Аида, – крикнул Гамлет Иванович, задрав голову. На балконе возле его двери показалась ухоженная полная женщина, ее крашенные рыжие волосы были закручены в бигуди.

– В ларек яблоки завезли. Там Ада Львовна в очереди. Говори быстрее, сколько брать.

– Десять! – коротко бросила она. – Пять – нам, пять – Сержику.

– Ахчи, опять, да? Что, твой брат в нашей домовой книжке записан? Я что, ара, обязан каждый раз для него таскать?

– Обязан! – также коротко ответила жена и, добавив что-то по-армянски, зашла в дом.

– Гамлет! Моего охламона тоже возьмите, – Мария подтолкнула своего долговязого сына-подростка с авоськой в руках. – И проследите, чтобы его не надурили. Он же в арифметике ни в зуб ногой, ни в лоб ботинком. А тот человек, что вас обманет, еще не родился.

– Родился, родился. Моя Аида, – он махнул рукой в сердцах.

– Ну, жена – это вдохновитель и руководитель, потому она не в счет.

Гамлет Иванович с Витькой вышли со двора.

– Ты слышала, Шифра, – обратилась Мария к начавшей подниматься по лестнице Шифре, – кто-то закидал весь двор бумажными голубями. Я хочу провести расследование и найти преступника.

– Ну, ты сказала – преступник, – улыбнулась Шифра. – Это явно ребенок играл. Что было, то было, не пойман – не вор. Ты бы просто написала объявление с просьбой к жителям не захламлять двор. Если тот, кто сделал, не признается, остальные уже будут начеку.

– Дело говоришь. Так и сделаю.

Шифра поднялась на второй этаж. Не доходя до своего дома, она постучала в соседнюю дверь. На балконе показалась полная неряшливо одетая молодая женщина.

– Как дела, Чимназ? – спросила Шифра по-азербайджански. – Как уста-Махмуд?

– Неважно, – молодуха выжидающе смотрела на Шифру.

– К нам в ларек привезли яблоки за сорок копеек. Если хотите, идите – Гамлет уже в очереди стоит. И еще: спросите Фариду-ханум, может, ей тоже надо.

– Хорошо.

Женщина вышла на балкон, повернулась спиной к перилам, и, заслонив глаза от солнца ладонью, сложенной козырь-

ком, закричала высоким противным голосом:

– Фарида-ханум! Фарида-ханум!

На балконе третьего этажа появилась полная старуха в цветастом платке, завязанном узлом на лбу, с висевшей на шее тяжелой золотой цепью, ярко выделявшейся на фоне аккуратного темно-синего ситцевого платья. Она с трудом передвигала полные отекавшие ноги, одетые в шаровары и теплые шерстяные джорабы – толстые вязанные носки.

– Вам яблоки нужны?

– Я уже ей взяла, – ответил снизу голос по-русски.

Все посмотрели вниз. У лестницы стояла пожилая сухонькая женщина в соломенной шляпке. В обеих руках она держала по небольшой авоське.

– Мадам Ицикович, там очередь большая? – спросила Чимназ, наскоро пряча волосы под косынку.

– Не очень, – сухо бросила старушка.

– Спасибо, Ада-ханум, – Фарида-ханум, переваливаясь, подошла к лестнице. – Да поможет тебе Господь, – добавила она по-азербайджански.

– Да не за что, Фарида-ханум, мне нетрудно.

– Эти бабки один день ругаются друг с другом, другой – целуются, – проворчала Чимназ, надевая на ноги сабо.

Она не знала, что накануне к ним приходили старшие сыновья. Услышав каждый по очередной жалобе на соседку, оба заявили своим матерям, что хотят перевезти их в отдельные квартиры в новостройках. Старушки перепугались. Ни та, ни другая не хотели переезжать в эти каменные мешки с квартирами-пеналами. В эти дворы без души и сердца. Разве там можно утром и вечером, выставив на балкон столик и кресло, пить чай, обсуждая с кумушками-соседками на разных этажах цены на базаре, тут же пробовать печенье и варенье, для вежливости спрашивая рецепты, но в душе твердо веря, что самый лучший рецепт – ее собственный...

– Неизвестно, какими мы будем в их возрасте, – улыбнулась Шифра и вошла в дом.

– Мадам Ицикович, Фарида-ханум, к вам обеим вчера внуки приходили, это случайно не они побросали самолетики

из газеты «Бакинский рабочий»? – крикнула вдогонку старушкам комендант.

– Ай, гомэндант, чево кричишь, а? – старуха возмущенно подняла полные руки так, чтобы все видели золотые кольца на ее белых пальцах. – Зибил, другой мусор, газет-мазет я дома не держу. Но во двор сама не бросаю и другим не даю.

Отец Фариды-ханум был когда-то домовладельцем и хозяином всего двора. Сдав в свое время все квартиры горисполкому, он выкупил для своей дочери самую большую трехкомнатную квартиру, а сам уехал в дальнее селение, от греха подальше. Именно оставшимся после него золотом она часто хвасталась, хотя в голодное военное время часть вещей пришлось продать, чтобы прокормить пятерых детей.

Мадам Ицикович остановилась на лестнице, между вторым и третьим этажами, полуобернулась назад и с достоинством произнесла:

– Мой внук Давидик – победитель олимпиады по математике, а внучка Геня готовится к сольному выступлению на важном концерте. Они такими глупостями не занимаются. А из газет я только «Комсомольскую правду» выписываю.

– Вах-вах-вах, – передразнила ее Мария. – Прям фу-ты, ну-ты. Вы бы еще «Мурзилку» выписывали. Кто же это сделал, а?

Шифра вошла в дом. Быстро переодевшись, она вынула фарш из холодильника и поставила отваривать капусту для голубцов. Заметив на полке для посуды еще мокрую эмалированную миску, она улыбнулась. Молодец Симон! Никогда не оставляет за собой грязную посуду, не то что ее мальчишки. Нет, ей все-таки повезло с мужем. Руки Шифры выполняли привычную домашнюю работу, а мысли ее были далеко.

А ведь как он не понравился ей в первый день знакомства! Пришел такой весь уверенный в себе пижон, не сомневающийся в своей неотразимости. Вздумал вдруг, ожидая мать, сидеть с ней в одной комнате, не понимая, что компрометирует ее в глазах соседей. Возмущению Шифры не было

предела. С кем он общался до сих пор? Почему не понимает таких простых вещей? А эти его глупые шутки?

Все это она выдала матери, заявив, что не собирается пока замуж, а хочет поступать в институт, как ей в один голос советуют все учителя.

– В институт? – мать ударила себя по одной щеке и затем больно ущипнула себя за другую и запрочитала:

– Ай-вой! Что будет?! Что будет?! Господь решил покарать меня и лишил мою дочь разума. Теперь она пойдет учиться и никто не возьмет ее замуж. Что делать? Господи, что же делать?

– Мы еще не дали ответ тем сватам, что приходили на прошлой неделе, – подал вдруг голос отец.

– Значит так, дочь моя, – он постучал трубкой об стол, выбивая табак, – выбирай одного из них и скажи спасибо, что тебе дают выбрать самой. А насчет института – я не против. Вот выходи замуж, как все нормальные еврейские девушки, а потом – хочешь в институт, хочешь сразу в академию: как вы с мужем решите.

Шифра легла на свою кровать, прикрыла лицо подушкой и зарыдала.

Мать тихонько подошла к ней.

– Не плачь. Мы же тебе добра желаем. Образование девушку до добра не доведет. А отказывать мы не можем. Ты же знаешь: наши соседи только и знают женихов считать, да всем косточки перемывать. Скажут, что мы слишком разборчивые, и перестанут женихов в наш дом посылать. Позору не оберешься потом. А чем тебе Симон-комсомол не понравился? Красивый парень, видный, образованный. Семилетку закончил, на трех языках болтает.

– Комсомол? – Шифра улыбнулась сквозь слезы. – А за что его так называют?

– А я знаю? – мать пожала плечами. – Зовут и все.

Наревевшись, Шифра задумалась, что же ей делать? Решиться на открытый протест против родителей она не могла. Девушка горько вздохнула. Прощай, медицинский институт. Она вдруг вспомнила Симона. Заборо-строительный?

Ей стало смешно. Улыбающийся образ вчерашнего юноши всплыл перед ее глазами, и она вдруг поймала себя на том, что думает о нем с теплотой.

– Ты должна стать ученым, – сказала как-то ее учительница по химии Елизавета Ивановна, – ты во всех вопросах стараешься дойти до сути и найти всему объяснение.

Вот и сейчас она пыталась понять, почему ей этот молодой человек симпатичнее других, хотя вроде не за что. Может, потому, что он – не как другие, которые сначала посылают на смотрины мать, затем бабу, затем обоих родителей, а уж потом идут сами. А этот – самостоятельный: сначала сам увидел, принял решение, потом родителей посылает на переговоры. И вдруг она отчетливо поняла причину. Сколько раз на смотрах ей становилось не по себе от взглядов, оценивавших ее с головы до ног, словно рабыню на невольничьем рынке. А тут... Она четко вспомнила это: юноша смотрел ей только в глаза! Да еще так пристально, будто пытался прочесть ее сокровенные мысли. А в конце беседы, откинув слегка голову, стал глядеть в них совсем по-особенному, заворожено, тихо улыбаясь, как художник, неожиданно увидевший чудесный пейзаж и пытающийся впитать его памятью, чтобы запечатлеть на полотне...

Шифра встала и подошла к матери, которая сидела у керосинки и штопала носки.

– Ладно, мама, уговорили. Буду Шифра-комсомол.

Но война внесла коррективы в их планы. Ведь недаром говорят, что человек предполагает, а Бог располагает.

Впервые она почувствовала, что этот человек ей небезразличен, когда он осторожно взял ее ладонь в свою руку, робко посмотрел ей в глаза и сообщил, что уходит добровольцем на фронт и не хочет возлагать на нее обязательства. Ведь пока они не обручены, она в глазах окружающих свободна.

Морской бриз, доносившийся до Губернаторского сада, шевелил его кудрявую шевелюру и пышные усы, придавая юноше с горящими глазами еще более романтический вид.

Но не это подкупило ее. Словно ненужная скорлупа, упали с него самодовольство и уверенность. За показной рисовкой оказалась нежная ранимая душа, которая молила ее не отказаться от него.

И она не отказалась. Забросив свой красный диплом, Шифра пошла работать на ткацкую фабрику швеей.

– Если Симон не вернется, я пойду учиться на врача и не выйду замуж.

А если вернется – значит, это моя судьба.

Так решила она про себя...

Шифра работала быстро и сосредоточенно.

– Так, – думала она, – обеда на два дня хватит, уже хорошо.

Она все время удивлялась, как это подруги по работе умудряются, по их словам, наварить борща на пять дней, нажарить котлет – на неделю. У нее обед в холодильнике больше двух дней не держится, Борух а-Шем. Шифра надеялась, что быстро справится с домашней работой и сможет спокойно посидеть с новыми журналами. Ее хорошая подруга, Лена, работающая библиотекаршей на фабрике, дала ей почитать последние номера «Юности» и «Невы». Даже главный технолог Софья Борисовна получала все эти журналы лишь после того, как их прочитает Шифра. Правда, кроме Лены и Шифры об этом никто не знал. Она поставила варить голубцы и стала чистить рис для оша.

...Со временем чувство привязанности к мужу становилось все сильнее. Нет, конечно, это – не та всепоглощающая любовь, что описывают в книжках. Может, это и не любовь вовсе. Только почему-то если они разлучались больше чем на три дня, она чувствовала себя весь день так, словно ей чего-то не хватает. А когда внезапная боль пронзала его, и он, стараясь не стонать, кусал от боли губы, Шифра также непроизвольно закусывала губу. Она боялась признаться, что испытывает такую же тянущую боль в ноге...

Двое старших сыновей были уже женаты, третий недавно обручился, и вскоре они собирались сыграть ему свадьбу. Симон, как ветеран войны, стоял в очереди на квартиру. Теперь, когда их семья увеличится, ему будет легче пробить квартиру, а пока они будут жить вместе. Хотя их будущая невестка уже намекала, что собирается копить деньги на кооператив. Боевая девчонка. Правда, и ее сын Рувин тоже не из робкого десятка. И как два таких лидера будут ладить между собой?

Ну да ладно. Их брак добровольный. Они сами выбрали друг друга. А она ни за что в семейные дела своих детей вмешиваться не будет. Она слишком хорошо помнит, как свекровь изводила ее в первые годы совместной жизни. Если бы не Симон, она бы не выдержала этого.

...В тот день в бане был женский день. Лия, которая после замужества жила в соседнем дворе, ее золовка Малка и свекровь договорились с Шифрой пойти вместе в баню.

В горячем воздухе пахло мокрыми досками и хозяйственным мылом.

Они стояли в мыльной пене в клубах горячего пара, словно три нимфы, вышедшие из морской пены, и смеялись. Малка очень похоже передразнивала соседку из их двора.

– Шифра! – Дадай Хуна, Лиина свекровь, в возбуждении подбежала к ним. – Эта старая партизанка, твоя свекровь, послала лазутчиков проверить, действительно ли ты здесь. Ну, я ей сейчас задала! – она грозно помахала худой сморщенной рукой. – Если я взяла невесток в баню, значит, я за них отвечаю. Как она посмела обо мне так подумать!

... – Что это? – слышала она за стеной ворчливый старушечий голос. – У всех невестки как невестки: по вечерам во дворе сидят, семечки грызут, чай пьют, болтают. А наша, как Ленин, постоянно с книжкой.

– А, женщина, хватит. Ты знаешь, о чем молодые невестки на скамейке говорят? В первую очередь всем свекровям косточки перебивают, – голос свекра звучал раздраженно.

– Ну и пусть. Лишь бы была как все...

Сказать по правде, ни одну из невесток она бы не выбрала своим сыновьям, если бы подбирала их на свой вкус. Но они нашли своих спутниц сами. И Шифра уважала их выбор.

Ход ее мыслей прервал шум резко открывшейся двери, которую она по привычке не заперла. На пороге показался Рувин. Среднего роста, коренастый, круглолицый, глаза живые, веселые и немного хитрые... Господи, как он похож на свою бабушку!

– Чем пахнет? У нас голубцы? Здорово!

Рувин

– Голубцы – на завтра. Я тебе сейчас буглама разогрею, – улыбнулась ему Шифра.

Рувин аккуратно нарезал буханку хлеба ровными пластами.

– Что там эта придурочная Мария-комендант придумала? – он уложил нарезанный хлеб в хлебницу из вьетнамской соломки. – Она сейчас там внизу Шушанку пытается. Та в последний раз читала сказку про Джыртана лет сорок тому назад, а она ее газетой «Бакрабочий» мучает.

– Ну, во-первых, – Шифра положила перед сыном тарелку дымящегося соуса, – обе они для тебя тети, то есть тетя Мария и тетя Шушана. Во-вторых, я с Шушаной в одной школе училась. Она, между прочим, неплохо училась. А то, что ее в шестнадцать лет замуж отдали, а в двадцать с небольшим она осталась солдатской вдовой с двумя детьми, – не ее вина. А что, Мария все еще ищет, кто самолетики набросал? Ее бы энергию, да в мирных целях!

– Обед у тебя опять несоленый и неперченный, – поморщился сын, подвигая к себе баночки со специями, заблаговременно поставленные на стол Шифрой.

– Не ворчи, старый дед, – ответила Шифра с дивана, в углу которого она примостилась с раскрытым журналом

«Юность», надеясь почитать, пока варится рис, – недосол на столе.

– Слышал, слышал, – скорчил недовольную физиономию сын, – пересол – на спине. Ну вот, опять она ушла читать! Мать, – позвал Шифру Рувин, – мы с Асей, между прочим, сегодня опять пойдем в салон для новобрачных. Говорят, туда белые туфли привезли.

– Ну что ж, сходите, – Шифра даже не подняла головы от журнала. – Но что-то не верится, что там что-нибудь останется. Я вам сразу сказала: берите у этой спекулянтки Сафурь и дело с концом.

– Эта ведьма берет втридорога. Лучше бы мы эти деньги на свадьбу отложили. Вот говорил я тебе: поезжай с нами в Москву. Мы бы там все, что нужно купили, столько денег бы сэкономили. А без тебя Асина мама нас одних не отпускает.

– Почему ты такой эгоист, сынок? Я же держу в запасе свой отпуск, чтобы папу в Кисловодск осенью отвезти. Нам врач посоветовал.

«Как будто папа маленький и сам не может поехать, – подумал про себя Рувин. Просто мать терпеть не может по магазинам бегать и в очередях стоять. А в Москве пришлось бы с утра до вечера мотаться, как савраскам. Бабуля была права, мать не такая, как нормальные еврейские женщины. Странная немного». Он вздохнул.

...Небо заволокло серыми тучами. В полумраке темные силуэты знакомых зданий казались чужими и холодными. На душе мальчика было также сыро и грустно. Ему казалось, что это его обиженная на целый свет душа поднялась в виде серой тучи над городом и расплакалась морозящим дождем. Рувин старался наступать ботинками на все встречающиеся на пути небольшие лужи. Мать, которая шла рядом с ним, его даже не одергивала.

– Мама, – Рувин продолжал глядеть под ноги, выискивая лужи. Он чувствовал, что мать смотрит на него. – Ты, наверное, меня страшно стесняешься. Ведь когда ты ходила на родительские собрания к моим братьям, все учителя толь-

ко закатывали глаза: ах Саша, ах Давид! Отличники, общественники. А я вот такой непутевый. Учусь средне, веду себя плохо. Со всеми учителями спорю, даже с директором права качаю. Будь твоя воля, ты бы меня, наверное, отдала или поменяла на такого, как мои братья.

Она погладила его по мокрой макушке и, осторожно обхватив за плечи, прижала к себе.

– А хара бала, мой глупыш, разве детей выбирают, как товары в магазине? Ведь это – кровь от крови твоей, плоть от плоти твоей, часть твоей души! Вот у человека пять пальцев на руке. Ни один из них на другой не похож, но разве ты любишь кого-то из них больше или меньше? Все они – часть тебя, и когда один из них болит, болит все тело. Мне кажется, ты пытаешься доказать всем и, прежде всего, самому себе, что ты не похож ни на кого, и хочешь отстоять свое право оставаться самим собой. Ты воюешь с ветряными мельницами, сынок. Мы с папой любим тебя таким, каким ты есть. С тройками по математике и «колом» за поведение. Ты только сам успокойся. У каждого человека в этой жизни свой путь, и я хочу, чтобы ты выбрал свой и твердо шел по нему. Не все люди должны быть профессорами и учеными, но все должны быть людьми. А таких, как ты, – преданных и верных, добрых и незлопамятных – на свете не так уж и много.

Он повернул к ней лицо. Дождь уже давно перешел в сильный ливень, тонкие струйки стекали по ее доброму с грустной улыбкой лицу. Она взяла его за руку.

– Бежим! – и они помчались, не разбирая дороги, даже не обегая ставшие вдруг огромными лужи.

Тот памятный разговор очень сильно повлиял на него. Во-первых, он перестал волноваться по поводу своих не блестящих способностей к наукам и стал искать применение тем, что были получше. А во-вторых, он прекратил сравнивать родителей с другими мамами и папами. И постарался не злиться на то, как мама ведет хозяйство.

Он не помнил случая, чтоб у мамы не убежало молоко на плите. А к табуретке со сложенным для глажки бельем мама подходила, когда горка с бельем спорила высотой с

расположенным рядом с ней бельевым шкафом и все в доме жаловались, что им нечего надевать. Рувин был очень аккуратным, и ему мешали беспорядок в шкафу или плохо отглаженные рубашки. Но отец всего этого не замечал и был очень доволен женой. Рувин однажды пошутил по поводу маминного подгоревшего плова, но отец его не поддержал, а, наоборот, накинулся на сына с обвинением, что он мало помогает матери.

Глядя на раздраженного его шуткой отца, парень внезапно понял, что тот любит мать. Почему он раньше не замечал такой очевидной вещи? Потому что отец никогда не дарил матери цветов? Потому что не говорил нежных слов? Но ведь все это – показуха. Нужно только видеть, как он на нее смотрит, слышать – как он о ней говорит... Может, только это и раздражало его бабушку и заставляло ее придираться к матери. И хотя другая невестка вечно устраивала скандалы, бабушка любила ее больше его мамы. Она даже в наследство оставила Симону только по кольцу детям, а своей дочери и другой невестке распорядилась передать все золото, серебро и ковры.

Он помнит, как родители приняли эту новость.

Они сидели за субботним столом всей семьей.

– Вы должны поговорить с дядей и тетей и вытребовать свою долю! – кричал им четырнадцатилетний Рувин. – Папа единственный, кто помогал бабушке деньгами, она их откладывала и покупала облигации и золото, а теперь оставила все другим детям!

– Не лезь не в свое дело, – строго сказал отец. – Я выполнял свой сыновний долг. Не хватало, чтобы я на старости лет, у могилы матери, с братом и сестрой имущество делил. Пусть им будет на здоровье.

– Зависть и ревность убивают и иссушают душу, сынок, – мать покачала головой. – Спокойствие и мир в семье дороже любых побрякушек.

– Правильно, родители, – Александр удовлетворенно кивнул кудрявой головой, – нам чужого не надо. Мы и сами с усами.

– Между прочим, мама, – вставил Давид, – бабушка тебя не любила, а по врачам ходила только с тобой и всем соседям хвасталась, что ее невестка больше профессоров знает и уколы бесплатно делает.

– Бог ей судья. Главное, я перед своей совестью чиста.

Вот такие они, его родители. Не то, что чужого: даже того, что им полагается, – не берут, бесребреники.

Нет, его Ася не такая. Ей палец в рот не клади! Огонь – девка. Он навсегда запомнит тот день, когда они познакомились.

...Он всегда любил лето. То ли это было оставшееся со школьных лет чувство свободы, напоминающее запах моря, вкус фруктов и ощущение заledenелого языка, на спор на лакомившегося безмерным количеством порций мороженого. То ли радовали его юношеский взгляд разодетые в яркие открытые одежды юные девушки, подставляющие жаркому солнцу свои точеные ножки, гибкие руки и упругие плечи и грудь.

Летняя жара, достигшая в июле своего апогея, выстроила очереди к автоматам с газированной водой и будкам со свежеразбавленными холодными пивом и квасом...

Рувин вышел от старшего брата, куда приходил помочь собрать новую «стенку», и сел в автобус, который стоял на конечной остановке. Он задумался:

«Вот что Додик нашел в этой крысе? Мало того, что она не наша, а ашкеназка, она еще профессорская дочка, воображуля и лентяйка. Ни готовить, ни печь не умеет и не хочет. Они живут на одних полуфабрикатах! Правда, она помогала мне с учебой, пока я учился в техникуме, и даже ходила к директору, когда у меня были проблемы с математичкой. Что-что, а красиво говорить она умеет. Но как можно было влюбиться в эту рыжеватую с холодными голубыми рыбьими глазами, с пышной грудью и плоскими ягодицами жеманную девицу? Но брат ее действительно любит и даже посвящает ей стихи. На вкус, на цвет, как говорится, товарища нет».

Тут его внимание привлекла молодая девушка, которая, шумно обмахиваясь «Молодежью Азербайджана», стояла рядом с ним. Невысокая, большеглазая, фигуристая, она полностью отвечала вкусу юноши, а ее недовольный, скорее даже сердитый взгляд придавал ей какой-то остроты.

– Эй, шофер! – крикнула она вдруг водителю автобуса. – Ты чего людей как селедок в бочку набираешь? Давай, двигай уже!

– У меня еще пара минут есть, – водитель лениво оторвался от газеты.

– Какая наглость! – продолжала громогласно возмущаться девушка. Ее гладкая персикового цвета кожа порозовела от возмущения и жары. – С людей уже третья вода сошла, а он точного времени ждет, англичанин задрипанный. Каждый день опаздываешь, что с того, если один раз на минуту раньше выйдешь?

В этот момент в автобус вошла полная пожилая женщина в темном шифоновом платье в мелкую крапинку. Темный, в тон платья платок обхватывал всю голову, пряча под собой узелок волос, и завязывался узлом над лбом. Так одевались пожилые горские еврейки.

– Ай, тетя Сара, – радостно обратилась к ней девушка на джуури, – иди сюда, здесь есть свободное место.

«Да она из наших», – приятно удивился Рувин, с еще большим интересом поворачиваясь к девушке и прислушиваясь к разговору.

Около нового базара старушка вышла. Рувин стал подбирать слова для начала разговора с девушкой, как она неожиданно повернулась к нему и гневно выпалила:

– Послушайте, молодой человек, вы что, в музей пришли? Стоите уже целый час и внаглую разглядываете. Я что, Мона Лиза?

– Да кто она пред тобой, черноокая? – медленно на джуури произнес Рувин, не спуская с девушки восторженных глаз. – Я бы ее, в лучшем случае, твоей служанкой сделал.

– Мне служанки не нужны, – она улыбнулась, сменив гнев на милость. – У меня, Борух а-Шем, такие две руки есть, –

она подняла свои тонкие гибкие руки перед собой, – пятерку служанок заменят.

– Вы знаете, как они точно подходят к моим рукам, – он придвинул смуглые крепкие руки к ее рукам.

– Но-но! – девушка вскинула брови. – Вы меня с кем-то перепутали, – она перешла на русский. – Я в транспорте не знаколюсь!

Автобус остановился возле недавно выстроенного концертного зала имени Ленина. Открывшаяся после его постройки красивая площадь с фонтанами стала гордостью бакинцев.

Девушка решительно вышла из автобуса. Рувин еле успел выскользнуть в закрывающиеся двери. Быстрым твердым шагом девушка застучала туфельками к улице Самеда Вургуна. Юноша зашпешил за ней. Они шли молча, только девушка иногда чуть поворачивала голову и боковым зрением проверяла, идет ли юноша за ней. Она свернула на Ази Асланова и забежала в один из небольших двориков. Рувин остановился в воротах.

«А амйя Батзоов, тетя, вы дома?» – услышал он. Девушка, подняв голову, глядела на окна второго этажа.

Рувин вышел на улицу. Надо непременно узнать, чья эта девушка и послать сватов. Куда же сейчас? К матери? Что-бы она была здорова! Она же царскую династию Романовых знает поименно от начала до конца. Что русских! Французских королей, всех этих Валуа и Бурбонов, – и тех назубок знает. А кто живет в соседнем дворе – понятия не имеет. Нет, ему поможет только тетя Сипро.

Рувин завернул в знакомый дворик на Первомайской. Хоть бы тетя была дома!

Тетя сидела на небольшом матрасе – душакча в кухне и вышивала на шали, вставленной в серебряные пальцы, цветы. Перед ней стоял хрустальный стаканчик армуды. Золотисто-рубиновый оттенок чая, просвечивающийся через играющий на солнце хрусталь, напоминал о пристрастии тети к самому дорогому чаю. Все люди каждый день пили бакинский чай, а для гостей заваривали индийский.

Тетя же поступала наоборот.

– Рувин, племянник дорогой, – она встала ему навстречу и поцеловала в обе щеки, обдав запахом гвоздики, которую добавляла в чай и халву, что лежала тут же на блюдечке из японского сервиза. Тетя любила есть и пить из дорогой посуды.

– Чем ты так озабочен? Садись, я тебе стакан чая налью, а ты рассказывай.

– А амйй Сипро, тетя, у меня к тебе большая просьба.

– Я для тебя все сделаю, дорогой. Клянусь Исохом, сыном моим, ты мой самый любимый племянник. Что надо, говори, не стесняйся.

– Тетя, мне тут надо одну девушку найти. Я знаю адрес ее тети. Найдете?

Положив перед ним стакан с чаем, она схватила со стула келогои – шифоновую шаль, накинула на себя и закружилась в танце, напевая арию тетушки из известной оперетты Узеира Гаджибекова «Аршин мал алан»:

– Дай сперва чадру надену,

Брови тонко подведу.

Для тебя племянник милый

В миг невесту я найду.

Ах, все женщины лукавы,

Но вдову не проведешь!

Свадьбу справим мы на славу

Будет выбор мой хорош.

– Ты не поняла, тетя, я уже выбрал невесту, надо только найти, где она живет и пойти свататься немедленно.

– Ах, ты мой Ромео, прямо как твой отец! Я сегодня же и пойду.

Вечером того же дня тетя довольная пришла к ним домой.

– А, Симон, – закричала она с порога брату, – с тебя причитается. Готовь мне муштулуг. По просьбе твоего сына я ему такую девушку сосватала, что если бы у меня остались неженатые сыновья, ни за что бы не отдала, клянусь Исохом!

– Мой сын хочет жениться, а я не знаю? – Симон сначала взглянул на жену, а затем повернулся к сыну.

– Да я и не собирался сейчас, – Рувин почувствовал, что краснеет, – но тут встретил такую девушку, такую... Вот я и попросил тетю найти ее адрес.

– Ты влюбился с первого взгляда? – Шифра всплеснула руками. – Я ее уже люблю!

Симон провел рукой по седым усам, пряча довольную улыбку.

– Да вы знаете хоть, кто эта девушка! – тетя уселась на табуретку, сняла с головы келогои и стала обмахиваться им. – Дочь Бориса, сына Хаима, который раньше жил на Кецховели, а теперь получил квартиру на Мусабекова. Ну, ты его знаешь, Симон. Шифра, конечно же, не знает: про него же книгу еще не написали. А какая девушка, клянусь Исохом! Красавица, умница. Там же сваты каждый день пачками ходят. А ей-то наш больше всех нравится.

– Вот это по-нашему: пришел, увидел, победил! – засмеялся Симон...

Да и родственники ее потом не раз говорили, что к ним в дом такие женихи приходили: при машине, при квартире, с кучей денег в кармане, а она выбрала его, Рувина...

Дверь открылась и вошла Ася.

Ася

– Ты еще не одет? – спросила она, вбегая в дом. – Мы не успеем! Давай быстрее.

Рувин вскочил, бросил воздушный поцелуй в сторону невесты и быстрым шагом пошел в соседнюю комнату, дожидываясь на ходу.

– Здравствуй, Асенька, – Шифра подошла к будущей снохе и расцеловала ее в упругие персиковые щеки.

– Садись, пока Рувин соберется, чай попьешь.

– Да нет у нас времени чай распивать. А это вы что: соус к голубцам готовите? – она кивнула на разложенные на столе миску с процеженной отварной алычой и стеклянную банку томата. – Надо томата больше класть, так вкуснее. Внимательно заглянув в миску с соусом, она убежденно заключила, как отрезала: – Еще две ложки в самый раз.

Заметив нерешительность в глазах Шифры, Ася взяла ложку и уверенно добавила томат.

– Т-а-а-к, – медленно произнесла она. – Теперь приправы... – она сбобрила соус хорошей порцией соли и перца. – Вот сейчас все, как следует, удовлетворенно кивнула она.

Рувин вышел из комнаты.

– Я готов.

Она придирчиво оглядела его с ног до головы и осталась довольна.

– Носовой платок не забыл?

– А-да, взял э, взял. Под цвет носок, как ты учила, – он решительно взял невесту под локоток. – Пошли уже, ёлдаш генерал.

Ася никогда не была романтической дурочкой, мечтающей о принце на белом коне. Она была практичной девушкой и всегда знала, чего хочет от жизни. Она высмеивала любовные романы, считая их глупыми и вредными. «Я люблю кино про любовь и в длинных платьях», – говорила ее младшая сестренка, а мать и средняя сестра обожали индийские фильмы.

– Не забивай девчонкам голову всякой ерундой, – ругала Ася мать. – Того, что в этих дурацких фильмах происходит, в действительности не бывает. Лучше подготовь их к большой жизни так, чтобы когда любая из твоих дочерей войдет в самый неухоженный дом, – через два часа он блеснул бы как новый. Это будет им самым лучшим приданым. Сама она гоняла сестер только так: заставляя их перестирывать белье, не достигшее кипенной белизны, переглаживать одежду, на которой находила хотя бы одну складку и перекладывать вещи

в платяном шкафу так, что в любой момент полки с идеально уложенными вещами выглядели как на рекламе мебели.

– Не таким мы представляли твоего будущего мужа, – говорили в один голос родители и сестры, удивляясь ее выбору. – Мы думали, он будет богатый, с машиной и кооперативной квартирой.

– Ничего вы не понимаете в жизни, – Ася в возбуждении подняла кверху красивые гибкие руки. – Вы уже забыли, как Сару ее свекровушка вечно попрекает тем, что она не принесла достойного приданого, а они ее одели и брильянтами украсили. А то, что ее сын – бабник и лентяй, привыкший жить за папин счет, и она сама – грязнуля, это неважно. На черта мне это надо! Да и к тому же – слаще то, что достигнешь сама, а не получишь на тарелочке с голубой каемочкой. А в том, что мы с Рувином, с Божьей помощью, добьемся всего этого, можете не сомневаться. Лишь бы Бог дал нам здоровья и удачи, а энергии и желания у нас обоих достаточно, будьте уверены.

Она никогда и ни за что не признается никому, даже самой себе, почему именно его она выбрала в спутники жизни.

... – И взглянула юная черноокая пэри на нашего джигита, и столько любви было в этом взгляде, что распустились в его заколдованном деревянном сердце фиалки и превратилось оно вновь в человеческое, теплое, живое, любящее... – бабушкины карие глаза смотрели поверх очков куда-то вверх, слезы медленно стекали по сморщенным щекам.

– Бабуля, а разве так бывает? – девочка удивленно снизу вверх из своей кровати смотрела на склонившуюся над ней бабушку.

– Что, душа моя, – колдуньи? Нет, не бывают.

– Нет, бабуля, – любовь? – Ася забыла про больное горло. Она никогда не видела бабушку такой.

– Любовь? – та продолжала смотреть куда-то вдаль, хотя в ее маленькой аккуратной комнатке не было даже окна. Бабушка горько вздохнула. – Бывает, балай-мя, дитя мое,

ох как бывает. Когда в один прекрасный день взглянет на тебя джигит, и ты почувствуешь, что ты вдруг научилась летать. Но не как птица, суетливо хлопая крыльями, а как в детском сне – парить над родным домом. И ты вдруг увидишь, как прекрасен мир, окружающий тебя. Ты полетишь, и тебе прошеплет привет оливковая роща, мимо которой ты каждый день проходила, три чинара возле твоего дома заискрятся изумрудным светом, а фиалки с ромашками на пустыре замигают синими и желтыми глазами. Все люди там будут улыбающиеся и нарядные, а на синем небе будет светить ласковое, доброе, похожее на молодой подсолнух, солнышко.

– Так бывает?

– Бывает, бывает. Спи, родная. Да перейдут твои болезни ко мне. Утром встанешь, будешь здоровая, как молодое яблочко.

Сколько потом она ни упрашивала бабушку, та наотрез отказывалась вернуться к тому разговору, но девочка запомнила его на всю жизнь.

...Он смотрел на нее сияющим взглядом. Взгляд его небольших, обрамленных редкими загнутыми ресницами миндалевидных глаз, словно живым волшебным лучом, прогревал ее практичное сердце. Чувствуя необычное тепло в груди, Ася с негодованием посмотрела на возмутителя своего душевного покоя.

Она выдала ему все, что полагается. Его ответ прозвучал на родном им обоим языке, а от его слов фиалки расцвели в ее сердце, и стало оно теплым, живым, любящим...

Кольцо, которое он подарил ей на первое свидание, было не таким дорогим, как кольцо ее двоюродной сестры. Зато как замечательно он пел под гитару на берегу моря:

Севгелим, севгелим –

Так у нас в Баку любимую зовут.

Севгелим, севгелим –

Так в тиши ночной влюбленные поют...

И ей казалось, что она парит над набережной, а оставшиеся внизу акации и кипарисы Приморского бульвара вдруг стали источать нежный запах кустов с чайными розами, фонтаны, словно лампочки светомузыки, замигали разноцветной подсветкой, каскады воды, будто клавиши огромного необычного музыкального инструмента, задвигались, создавая чудесный аккомпанемент волшебной гитаре в руках джигита.

...А в день обручения, когда все женщины разглядывали ее изящное кольцо и делились мнениями шепотом и вслух, Рувин нагнулся к ней и пропел на ушко:

– Мя миром ари ту, ай сия чумьо.

«Я умру за вас, черные глаза», – повторила она про себя волшебные строки. И вокруг нее были только улыбающиеся нарядные люди, тополь за окном смеялся тихим шелестом. А на небе сияло – словно огромный подсолнух – счастливое солнце...

Ася с Рувинком спустились вниз. Мария преградила им дорогу.

– Нет, ну, в самом деле, я что, тут самая дурная? Только убрала утром кучу разбросанных голубей из «Бакинского рабочего», как только что кто-то снова накидал голубей из «Пионерской правды». Меня что, здесь нанимали за всеми убирать?

– Мы торопимся, Мария, – недовольно начал было Рувин.

– Значит так, – прервала его Ася, – извини, дорогой, – полубернулась она к нему, – чистота во дворе – это женское дело, поэтому вы, Мария, должны завтра утром поймать почтальона и получить от него список жильцов, которые выписывают одновременно обе эти газеты. Если это безобразие не остановить, завтра будут, извините, наваливать нам здесь кучи дерьма!

– Аська, переезжай уже быстрее, – засмеялась Мария, – мы с тобой устроим здесь такой образцовый двор, что к нам еще будут экскурсии водить.

– А дядю Кешу мы посадим билеты продавать, – подхватил Рувин.

– Все, Мария, нам надо бежать, – бросила на ходу Ася, и Рувин устремился за ней...

Они вернулись вечером уставшие и злые.

– Придется все-таки к этой спекулянтке Сафуре идти, – с грустью заключила Ася, ставя чайник на газ.

– А она нам назло еще и набавит цену. Как же, мы же в прошлый раз не согласились на ее условия. Теперь она с удовольствием покуражится над нами: «Я сто вам говорила? На мой слово присли?!» Акула шепелявая! – Рувин достал из холодильника торт «Сказка».

– Не купили? – родители вышли из соседней комнаты.

– Чтобы у вас только такие проблемы были в жизни, – Симон похлопал расстроенного сына по плечу.

– А знаете что, дети? – Шифра села за стол. – Папа только что рассказывал, что сегодня к нему приходил Черный Мухоил и жаловался, что жена в Москву ездила, чтобы купить подарки для невесты к свадьбе старшего сына. И что она очень огорчена, что не достала пеньюар для невесты, а белые югославские босоножки, за которыми она выстояла два часа в очереди в ГУМе, невестке малы. Ась, – повернулась она к невестке, – ты же умная девушка, ну для чего тебе два пеньюара. Этот прозрачный нейлоновый халат абсолютно непрактичен в наших условиях. Может, сходим к ним и проведем обмен?

– Его жена – толстая Довро? – в глазах у Аси появился блеск.

– Я знаком с Рудиком, их сыном, – Рувин вскочил с места. – Какой пеньюар отдадим? – обратился он к невесте.

– Красный, уж больно он яркий, – и тут же добавила, обращаясь к родителям, – без нас чай не пейте.

Через час они вместе сидели за столом на балконе.

– Мы же не фраера: один на один менять, – Рувин в возбуждении показывал принесенные вещи.

Ася, гордо поглядывая на всех, разливала чай.

...Ася уважала свою будущую свекровь. Хотя сначала она ей не очень понравилась. Девушку удивляло, как можно сидеть читать книгу, когда куча неглаженного белья вопиет из своего угла. А на ее вопрос та просто ответила, что завтра будет по телеку концерт из Сопота, и она может гладить и смотреть концерт одновременно.

– А так просто гладить скучно, – добавила женщина искренне.

– Как она не стесняется такое говорить? – спросила Ася Рувина по дороге в кино.

Он помолчал немного, а потом вдруг серьезно сказал:

– У меня к тебе огромная просьба. Жизнь большая и сложная. Возможно, мы не раз еще будем ссориться и мириться. Но умоляю тебя, не трогай моих родителей, особенно мать. Она человек необычный. Поверь мне, ее достоинства с лихвой покрывают недостатки. Она никогда не сделает ни тебе, ни кому-то другому ничего недостойного, и потому я не хочу слышать ничего плохого о ней.

Однажды, когда они всей семьей сидели за столом, Ася рассказывала о том, что ее дядю положили в больницу. Она подробно описала его жалобы и добавила, что они заплатили огромные деньги профессору, но точного диагноза пока нет.

– Я не хочу вас пугать, но, по-моему, у него панкреатит – воспаление поджелудочной железы, – неожиданно сказала Шифра. Ася с возмущением посмотрела на нее: что, мол, умничаешь, но, вспомнив о разговоре с Рувинем, промолчала.

Когда же через две недели предположение Шифры подтвердилось, Ася поняла, что Рувин не обманывал по поводу необычных способностей его матери. И потому в тот же день рассказала Шифре, что ее маму каждый вечер мучают сильнейшие головные боли. Чего только они не пробовали: от народных средств до самых сильных обезболивающих. Даже от глаза лечили ее. К врачу она не идет, боится, что у нее найдут что-нибудь серьезное.

Шифра подняла глаза к небу и задумалась.

– А чем твоя мама обычно занимается вечерами?

– Мы с сестрами стараемся делать по дому все сами и ничего тяжелого ей делать не даем. В последние недели, например, она садится на балконе, шьет для моих матрасов новые чехлы, наперники для подушек, или штопает. И не без гордости добавила: – Как и полагается порядочной матери семейства.

– А когда твоя мама последний раз проверяла зрение?

– Моя мама всегда прекрасно видела! Ей не нужен глазной врач, – в голосе Аси звучала обида.

– Ты не обижайся, дочка. После сорока лет у всех людей портится зрение. Это нормально. Ты проверь сама. Дай ей почитать маленькую заметку и посмотри, пытается ли она поднести газету поближе, напрягает ли глаза. Если да, просто отведи ее к окулисту и радуйся, что у нее нет ничего серьезного. Надо ли говорить, что и на этот раз Шифра оказалась права.

Со временем Ася поняла, в чем уникальность этой женщины: все прочитанное или услышанное когда-то она держала в голове, и когда встречала что-то похожее в жизни, просто извлекала из библиотеки своей памяти, где нужные сведения были разложены по полочкам в алфавитном порядке.

– Жаль, что вы не выучились на доктора, – сказала она тогда Шифре. – Скольким бы людям вы облегчили жизнь, или даже спасли ее.

Слезы выступили на глазах Шифры.

– Тогда бы моя жизнь сложилась по-другому. У меня, возможно, не было бы такой замечательной семьи, таких замечательных детей. Я ни о чем не жалею, дочка.

... – Твой выбор не самый лучший, если говорить о богатстве, – тетя Батзоов смотрела на племянницу, думая о чем-то своем. – Но одно я могу сказать. В этой семье дети уважают родителей, хотя не все им нравится в них, братья поддерживают друг друга, хотя не всегда мнения их совпадают, а главное – все мужчины обожают своих жен, жалеют, сдувают с них пылинки, хотя никто из них, по мнению окружающих, не является образцом красоты и хозяйственности. У наших

горских евреев такое бывает очень редко. Решай сама, тебе только девятнадцать лет, и у нас еще есть время.

Они тогда впервые пришли в их дом. Пока его тетушка вела оживленный разговор с ее родителями, три пары глаз устремились на Асю. Две пары глаз смотрели весело и доброжелательно, а третья пара – с восхищением.

– Слушай, – прошептала ей на кухне сестра, – этот парень так смотрит на тебя, что кажется: если родители ему откажут, он схватит тебя, посадит на быстрого коня и увезет.

– Этот, – засмеялась Ася счастливо, – этот ненормальный, – сможет!..

...Шифра вдруг бросила взгляд куда-то вверх, на балкон боковой части дома.

– Рувин, – повернулась она неожиданно к сыну, – Асе пора домой. Уже поздно, неудобно перед ее родителями.

Тайна бумажных голубей

Еле дождавшись их ухода, Шифра бросила Симону:

– Я на минутку поднимусь к Маришке и быстро вернусь. Ты, если хочешь, можешь лечь.

– Я тебя подожду, – Симон закурил. – Только не забудь тебе завтра в первую смену.

Шифра поднялась по лестнице и повернула направо. На протяжении всего длинного балкона сидели люди. Жара выгнала их из душных комнат. Запах баклажанной икры с чесноком перемешивался с запахами жареного хека и довги.

– Шифра, долго еще твои молодые будут жениться? – вернувшийся из рейса Костик-проводник не вытащил даже трубку изо рта.

– Не волнуйся, – полуобернулась она, – когда будет свадьба, мы вас не забудем пригласить.

– А вы можете и не звать, – в его широкой белозубой улыбке засверкали два золотых зуба, – мы сами придем, нам бы только дату знать и место.

– Красивая пара, – добавила мадам Ицикович, когда Шифра проходила мимо ее квартиры, – очень подходят друг другу. Оба такие живые, импульсивные, энергичные, чтобы они были тебе здоровы!

– Спасибо, Ада Львовна! Чтобы все наши дети были здоровы.

– Шифра, – позвала негромко Фарида-ханум, когда та проходила мимо ее обставленного сладостями стола, – завтра зайди ко мне, я тебе гезмунджик дам. Оденешь невестке амулет от сглаза. А то есть тут некоторые, – она показала глазами куда-то в сторону.

– Спасибо, Фарида-ханум, зайду.

– Шурочка, – весело помахал ей рукой Кеша, – как твое драгоценное здоровье?

Твоими молитвами, Иннокентий, – засмеялась она, – я завтра после работы стирку затеваю, если тебе что надо, после обеда принеси.

Наконец она добралась до самого конца правого крыла дома. Там, у маленького столика, на табуретке сидела девочка лет десяти, обмотанная белым платком вокруг шеи, и складывала из разобранного на листочки журнала «Агитатор» бумажных голубей.

– Маришка! – Шифра подошла к ней. Девочка бросилась ей навстречу. – Что это ты затеяла, глупышка? Тетя Мария, Витина мама, уж в милицию собралась жаловаться.

– Зачем? – огромные синие глаза девочки от удивления полезли на лоб.

– А почему это ты весь двор закидала бумажными голубями? Что ты хотела?

– Я опять болею, – девочка вздохнула. – У меня снова ангина, и я не хожу в лагерь. Мама каждый день во вторую смену, и я остаюсь одна дома. Шифра погладила девочку по голове, и та прижалась к ней.

– Мне так скучно дома! А неделю назад я прочитала в

«Пионерской правде» про японскую девочку, которая, чтобы выздороветь, хотела сделать миллион бумажных голубей. Но не успела. Я подумала, что может быть и мне нужно сделать хотя бы тысячу, и тогда я перестану болеть два раза в месяц ангиной. Но как только я сделала около сотни, у меня кончились газеты. Я попросила у дяди Кеши журнальчики, которые ему дает дядя Гамлет, и начала делать из них.

– Ты же большая девочка, Марина, твои голуби замусорили весь наш двор, и тетя Мария сильно ругалась. Ты что думала, что они улетят сами?

– Но в газете не написано, что девочка, как только сделала их, выбросила в мусор. Она их выпустила на улицу. Я тоже так поступила.

– Знаешь, Мариш, моя невестка Анжела водила моего внука в цирк. К нам в Баку приехал «Цирк на воде». Ты была?

– Не-а, – девочка опять вздохнула, – маме все некогда.

– Я тоже не была. Но мне как-то стыдно одной пойти в цирк. Ведь взрослые почему-то не ходят в цирк одни. Может, поэтому они так быстро забывают детство. А давай я завтра на фабрике куплю билеты в профкоме, и мы в воскресенье с тобой пойдем вдвоем.

– Давай, – девочка прижалась еще ближе, – мамка с тобой пустит.

– От ангины же бумажные голуби вряд ли помогут. Завтра я расскажу тебе об этой японской девочке подробнее. Чем она болела и почему. А сейчас, давай-ка, мы с тобой выбросим бумажных голубей и не будем засорять наш уютный дворик.

Через полчаса девочка спала, прижав к груди маленькую подушечку-думку.

Шифра вышла на балкон, закрыла дверь квартиры и положила ключ в шкафчик для хозяйственных вещей, под газету на полочку.

Летняя бакинская ночь, словно легкий капроновый платок, опустилась на дворик. Из-под прозрачного платка были видны луна и звезды, смутные контуры соседних домов и редких деревьев. Сон, словно невидимый хозяин, скользил

из квартиры в квартиру, загоняя людей в постели. Старики и дети поддавались ночному хозяину без сопротивления, засыпая порой в любой позе. Взрослые сигаретами, кофе и телевизором пытались побороть сон. Но потом сдавались и они.

Шифра медленно двигалась по опустевшему балкону. Она взглянула вниз. Красный огонек сигареты на балконе возле ее квартиры говорил о том, что Симон ждал ее. Шифра улыбнулась. «Он меня все-таки ждет», – подумала она с нежностью о муже. Легко, словно восемнадцатилетняя девочка, скользила она по ставшему вдруг бесконечно длинным балкону.

– А вот и я! – в голосе Шифры чувствовалась вина.

– А Шифро, где ты ходишь? – медленно произнес на джури Симон. – Душа моя не находит себе покоя, когда нет тебя рядом... – голос его звучал приглушенно. – Мои уши слышат пение птиц, голоса людей, звуки волшебной музыки, но ничто не улаживает их, когда нет тебя рядом... Мои глаза, – голос его задрожал, – смотрят на мир вокруг, они видят прекрасные цветы, красивых людей, заход солнца, но не могут остановиться на чем-то достойном, когда нет тебя рядом...

Она села возле него на табуретке.

– Ты никогда не говорил мне таких слов, Симон, что с тобой?

– После очередного приступа боли в ноге я вдруг осознал, что уже не молод. Вдруг умру и не успею сказать тебе об этом.

Она нагнулась к нему и провела рукой по седым кудрям.

– Не говори о смерти, дорогой, чтобы были здоровы дети, вот поженим младшего, и не надо будет откладывать деньги на свадьбы и подарки. Можно уже будет жить для себя. Поездим по стране.

– С моей больной ногой ты только санатории сможешь увидеть, – усмехнулся он.

Она не услышала его, глаза ее затуманились.

– А слова твои я давно слышала. Не ушами, нет. Сердцем. Впервые мое сердце услышало их там, в Губернаторском саду, в сорок первом. Сейчас мы с тобой уже бабушка с дедушкой, чтобы Бог хранил наших внуков и преумножал

их число, неловко как-то нам о любви говорить. Неудобно перед людьми. Давай просто будем жить дальше, как жили до сих пор.

Она подала ему руку, и он встал, опираясь на нее.

– Пошли уже спать, мой старый Жофрей с сердцем Ромео. Когда наши птенцы свили свои гнезда, в нашем ветхом гнезде остались мы – две старые птицы. Ты – мой стреляный воробей с храбростью орла и я – старая потрепанная жизнью воробьяха, которая рядом с тобой почему-то всю жизнь чувствовала себя прекрасным лебедем.

Он улыбнулся и опустил голову, чтобы жена не увидела предательски стекающей по щеке слезы. Они медленно вошли в дом.

Тихая прозрачная ночь совсем недолго оставалась спокойной. Через четверть часа внезапно поднявшийся сильный ветер, словно неумелый дворник, принялся подметать площади, улицы, балконы... В воздухе закружились обертки от карамелек и шоколадных конфет «Гарангуш», этикетки лимонада «Дюшес», пустые пачки от сигарет «Аврора»... А над ними гордо летели два последних бумажных голубя, сложенных из страниц журнала «Агитатор». Сделав круг над двором, они упали прямо перед дверью Марии-коменданта на первом этаже.

Ай да проказник, этот ветер!

Истоки

Пролог

– Здравствуйте, тетя Сара! Как ваше здоровье. Как съездили? Как ваши дети? Ну, рассказывайте, как вам Нью-Йорк? Месяц назад вы были на Бар-мицве в Москве, теперь вот поехали на свадьбу внучки. Чтобы только на радостях вы ездили к своим детям!

– Омин, дорогая, дай Бог, чтобы и у тебя были свадьбы детей в ближайшее время, чтобы они нашли свои половинки и были счастливы.

– Спасибо, тетя Сара. Ну, рассказывайте, как вам Нью-Йорк?

– Ну что тебе рассказать, милая. Манхэттен такой же, как и по телевизору. Небоскребы... Ну, небоскребы. Наши здания биржи в Рамат-Гане и башни Азриэли поменьше, конечно, но благоговейного восторга перед нью-йоркскими гигантами не было. Бродвей красивый, особенно вечером, на спектакль дети хотели меня повести, но я отказалась: английского я ведь не знаю. Бруклин – просто Вавилон, кого только там не встретишь. На Брайтоне меня как в музеи водили по магазинам. Ну, разве в двадцать первом веке кого-то можно удивить пятидесятью видами колбас? Я и в Израиле это видела, и в Москве. Они-то приезжали в девяностые и были в шоке от американского изобилия.

– Так вам что – не понравилось?

– Да что ты, конечно, понравилось. Только... Что-то стало грустно. Как тебе объяснить. Вот, когда я прихожу к своему правнуку в гости, я покупаю ему игрушку, торжественно дарю ему, а потом обнаруживаю, что у него уже есть такая

или почти такая. Ну, невозможно его удивить. Так же и всех нас сегодня. У моей дочери в Нью-Йорке и у сыновей в Израиле и в Москве в ванной одни и те же шампуни, на кухне – одни и те же сковородки. На улицах городов полно магазинов и закусовых с одними и теми же названиями.

Я вдруг подумала, что если мысленно вырвать из потока людей в Тель-Авиве человека, бегущего по своим делам, перенести его в Нью-Йорк, а затем в Москву, – везде он будет выглядеть вполне гармонично, не отличаясь от окружающих.

Раньше люди разных стран выглядели по-разному. Их внешность и одежда часто зависели от веры и национальности, к которым они принадлежали. А сегодня все одеваются по одной и той же моде.

Что же с нами происходит? Боюсь, мы теряем себя...

Что же с нами будет? Одевшись в однотипную одежду, поедая одинаковый гамбургер, запивая его той же газированной водой из бутылки с бело-красной этикеткой, мы, кажется, начинаем одинаково думать.

Я старая, мне трудно понять, что возможно так и должно быть. И что где-то в далеком будущем человечество, может быть, станет единым народом, единой нацией и единой веры, – она вздохнула, – если по пути в это светлое будущее, люди не поубивают друг друга.

Она помолчала немного, потом почти шепотом продолжила:

– Но ты понимаешь, порой становится до боли жаль, что ушли в прошлое времена, когда мы были молоды. Хотя сегодняшним молодым не все, что было тогда, пришлось бы по душе, а что-то было бы и вовсе непонятно.

– Может, это ностальгия и вам просто надо поехать навестить то место, где вы родились и жили, – в Красную Слободу и Баку?

– Наверное, я так и сделаю. Ведь так хочется припасть к тем родникам, из которых пили наши деды, пройти по улочкам, по которым они ходили, послушать их разговоры, постоять у стен синагоги, в которой они молились. Посидеть

у печи – тану в пятницу утром, слушая как шепчет благословения над тестом хозяйка большой семьи, вдохнуть запах свежeweыпеченного хлеба. Пройтись с юными девушками с кувшином к роднику, сплести венки из полевых цветов, побегать с детьми, пособирать с ними ежевику и азгиль в лесу.

Скажу по секрету: я страшно боюсь, что сегодня и там все изменилось. Но я еще что-то помню, а что мои дети, внуки, правнуки?.. Мне хочется взять их за руки и повести не по паркам и улицам, как они водили меня в Москве, Нью-Йорке и Тель-Авиве, а по закоулкам моей памяти.

Великие реки и маленькие ручейки начинаются с родника, истока и текут, покрывая километры, через села, города, страны...

Но всегда помнят, откуда пришли.

Родники

Небольшое плато, окруженное с трех сторон горами, с четвертой – отделялось быстрой речкой Кудиал-чай. По правую сторону реки на крутом холме расположился город Куба, столица известного когда-то Кубинского ханства. В городе в основном жили азербайджанцы. А на другом берегу...

На другом берегу утренняя заря, предвещая начало нового дня, окрасила в розовый цвет теснившиеся бедные домишки с крошечными садами, немощенные улицы. На общем фоне выделялись пара-другая богатых домов, да купола синагог. Словно наблюдая за пробуждением села, высоко в небе парил горный орел, широко раскинув огромные крылья.

Здесь, на другом берегу, жили евреи. Когда-то, в восемнадцатом веке, воспользовавшись покровительством местного кубинского хана, они потянулись сюда с отрогов Южного Кавказа, Дагестана, из провинций сравнительно далекого Ирана. Село так и назвали Еврейской Слободой. И, несмотря на войны, последующие за ними разделы и объединения зе-

мель, в жизни слободчан, мало что менялось. И только власть Советов медленно, но верно изменит жизнь и облик ее жителей, заставив их горевать и радоваться вместе с остальными многочисленными народами одной шестой суши.

...Утро пятницы несло, как всегда, немало хлопот. Ведь впереди была святая суббота, к которой следовало подготовиться. И вот сотни девушек и молодых женщин разноцветной цепочкой спускаются к реке.

– А, Батсуин, – кричит темноокая красавица высокой сероглазой подруге в светлом платке, – давай и последний сову наберем здесь.

Она показывает на вырытые вдоль левого берега реки небольшие лунки, из которых поднимались крохотные роднички.

– Нет, нет, – решительно замотала головой подруга. – Мы же договаривались, Сипро, сегодня пятница и мы принесем один сову из «Бановша», сделаем приятное родным.

– Ладно, – на лице Батсуин нет особого желания, но она все-таки подхватывает свой кувшин – сову и бежит за подругой вверх по реке к знакомому броду. Сняв башмаки и подняв подолы платьев, так что видны широкие шаровары, они перебегают быструю речку по легкому самодельному мостику-настилу из бревен. На другом берегу к ним присоединяются другие девушки односельчанки, они вместе бегут к родникам. «Гыз бановша», так называют это место. Здесь, спускаясь с гор, текут чудесные родники, всегда полные ледяной прозрачной воды.

Звук падающей воды не может заглушить девичьи голоса, звонкий смех разносится далеко окрест. Они набирают воду и собирают полевые цветы, среди которых особенно много фиалок. Фиалка – бановша на азербайджанском языке. Видимо, поэтому и получила название «Девичья фиалка» эта поляна с родниками.

Обратно идти уже не так легко. Дорога не близкая, да тяжелый сову давит на девичьи плечи. Но они не чувствуют усталости, ведь им по шестнадцать лет.

* * *

В начале девяностых годов девятнадцатого столетия власти приняли решение построить мост через реку Кудиал-чай. Во время строительства рабочие неожиданно наткнулись на подземную водяную жилу, и в метрах двадцати от моста из-под земли забил родник. Он хоть и был на правой стороне берега, но полюбился жителям слободки. Родник в начале называли «Гара булаг» – «Черный родник» из-за темного оттенка песка, придающего воде темноватый цвет. Потом его стали называть «Родник у моста». Когда же в советские времена был построен новый мост, его стали называть «Родник у старого моста».

Родник у моста бил с силой, но высокий сову под него не положишь. И потому женщины приносили с собой кружки, которыми осторожно, чтобы не поднять темный песок со дна, черпали воду и наполняли кувшины. И потому перед родником нередко выстраивались очереди.

...– А, Батсуин, – позвала подругу молодая полная женщина, пристроившая у своих ног два сову. – Я вчера слышала, что твоя свекровь на тебя кричала на весь махалля. Скажи, Бога ради, что ты наделала? А то соседки тут такое предполагают, сказать стыдно.

– Нашим женщинам на язык попасться – врагу не пожелаю. Но, – Батсуин повысила голос, чтобы ее было слышно всей очереди, – Бог наверху все видит, – она подняла голову к небу, словно призывая в свидетели Всевышнего, – дочери тех кумушек, что языком чешут, попадут в такой дом, где их будут за волосы таскать, если в обед вместо одной – две луковицы положат. И на них будут орать на всю слободку: они, мол, транжиры и всю семью по миру пустят.

– Да ну? Столько воплей из-за луковицы? Я всегда слышала, что в вашей махалле все жадные, но не до такой же степени!

– Кто бы говорил, – стоявшая рядом молодая женщина уперлась двумя руками в крепкие бока и медленно пошла на обидчицу. – А у вас, в махалле все тупые! А женщины, к тому же, – гулящие!

Очередь всколыхнулась и загудела, словно разоренное осиное гнездо. Однако, где-то через полчаса волнение спало, словно и не бывало.

– Как сегодня очередь быстро прошла, – сказала Батсуин подруге, ставя сову на плечо.

– Люди говорят, что напор воды увеличился, – ответила та, и они повернули домой.

* * *

Только в тридцатые годы прошлого века был построен водопровод, но мощность его была небольшой и потому в слободке были установлены несколько стояков. Возле каждого из них для поддержания порядка поставили будку, в которой сидела работница. Она получала от женщин маленькие, размером с почтовые марки карточки и открывала кран. Каждая карточка давала право наполнить один сову или ведро. Вся эта процедура занимала время и потому очереди стали выстраиваться и у «фонтала», так в народе прозвали стояки с водой.

Будки долго не просуществовали. Очень скоро стояки оставили без присмотра. Они часто выходили из строя, особенно зимой, когда вода в них замерзала, и приходилось опять по старинке спускаться к родникам.

Когда же был построен консервный завод, воду из родника у старого моста стали перекачивать насосом и отправлять на нужды предприятия. Так, в сущности, не стало знаменитого родника.

Правда, в поселке пробурили артезианскую скважину, число стояков по всей слободке увеличилось, и вода перестала быть проблемой.

...Пожилая полная женщина в темно-зеленом в горошек платье и такого же цвета легком платке, покрывающем голову, подошла к очереди к «фонталу». Она опустила кувшин на землю и вдруг увидела стоящую через несколько человек перед ней худощавую пожилую женщину с ведрами в руках.

– А, Батсуин, – позвала подругу она, – добрый тебе день. Как здоровье детей, внуков? И у меня, Борух а-Шем. Давно это я за водой не ходила. Дом, с Божьей помощью, всегда полон невесток и внучек. А тут куда-то все с утра разбежались. Невестка стирку затеяла. Всю воду потратила. Я ей сказала, что один сову я, так и быть, принесу. А ты, как я посмотрю, до сих пор за водой ходишь! Ну конечно, одних девок нарожала, всех замуж поотдавала, вот одна и крутишься.

– Ты уж говори, не заговаривайся, Сипро. За моими девочками очередь стояла из сватов, пока я их замуж отдала. Они и сейчас мать не забывают. То одна забежит, поможет, то другая. А за водой ходить сегодня одно удовольствие. Пять минут прошла, в очереди все новости узнала и домой. А помнишь, как мы с тобой в юности бегали за водой в «Гыз бановша»?

– Да, что ни говори, подруга, а вода из горного источника самая вкусная. Вот недавно сын из Баку воду привозил. Минеральный-шминеральный, – я пить не могла. Вода из «Бановша», словно спускается из небесного Ган Идена. Каждый глоток придает силу и здоровье.

– Ой, правду говоришь. А лимонад, что за гадость! Лучше взять простой родниковой воды, добавить лимон и сахар, настоять немного, такой шербет будет – ханский напиток.

Набрав свои сову, подруги разошлись.

Сегодня вода поступает в каждый дом, а у некоторых жителей во дворах построены небольшие бассейны. Однако пожилые женщины, вспоминая свою молодость, нет-нет, а уронят слезу по хрустальной струе родниковой воды. Да поэты, вдохновленные красотой края и былыми воспоминаниями, слагают о ней свои стихи.

Мельницы

Словно босоногие мальчишки, легко и весело сбегают горные ручейки к подножью северного склона Кавказского хребта, где неподалеку от горы Бабадаг, сливаясь образуют реку Кудиал-чай. Она спокойно, словно мурлыкая про себя детскую песенку, несет свои воды по пологому склону, затем зигзагом спускаясь вниз, течение набирает скорость.

На смену детской песне приходит ритм лезгинки, сначала легкий, стремительный, будто исполняемый нежными горянками, затем – четкий, ритмичный, словно десяток гордых джигитов синхронно выбивают чечетку танца на горном плато. Именно так спускается река к крепости Губа, отделяя город от еврейской слободки.

Основавшие слободку горские евреи уже в конце восемнадцатого, в начале девятнадцатого столетия на своем, еврейском берегу начали строить водяные мельницы. Так к концу девятнадцатого века по берегу реки, на расстоянии сто – сто пятьдесят метров друг от друга стояли пять мельниц. Вода двигала лопасти водяного колеса, которое, в свою очередь, приводило в движение гранитные жернова, перемалывающие зерна в муку. Мельники победнее имели по одному, те, что побогаче – по два, даже три жернова.

Каждый, кто нуждался в муке, привозил свое зерно, которое здесь же чистилось, сушилось, а затем молось. Обычно хозяин зерна участвовал во всем процессе.

В конце девятнадцатого, в начале двадцатого столетия на больших мельницах упростили процесс. Мельники закупали зерно, сами чистили, сушили, мололи и, когда приходили слободчане со своим зерном, выдавали им готовую муку из расчета на пуд зерна – пятнадцать килограмм муки. Мололи в основном пшеницу и ячмень.

На больших мельницах наряду с хозяином трудилось еще несколько работников, да женщины, живущие неподалеку, занимались чисткой и просушкой зерна за небольшую плату – полкило зерна на пуд обработанного. Поскольку

работа выполнялась на дому дочери и невестки помогали хозяйке дома.

На небольших мельницах работа продолжала идти по старинке. Им выдержать конкуренцию было куда сложнее. Они справлялись только благодаря тому, что часть слободчан и большинство жителей окрестных сел хотели сами обрабатывать выращенное ими зерно.

... Шаботай вытер пот с лица и обернулся к вошедшему на мельницу сыну – высокому краснощекому парню со светлыми глазами.

– Где тебя носит, Хаим? Опять дела сердечные? Правильно мать говорит: женить тебя пора. А сейчас приступай к работе. На мельнице дел невпроворот. Завтра приедут лезгины с полными подводами, если мы не успеем перемолоть зерно Нуваха, то он раструбит по всей слободке, что мы, не закончив работать с евреем, начинаем работу для мусульман. Поди кому докажи, что с ними я договаривался месяц назад, а этому Нуваху вдруг третьего дня стукнуло в голову, что у него мука кончается. Придется сегодня работать и днем и ночью, чтобы только он не открывал свой рот. Ты поможешь мне, я надеюсь?

– Помогу, отец, помогу. Где просеянное зерно?

– Пойди, принеси оставшиеся мешки. Твои сестры, наверное, уже закончили работу.

– Ладно. Что же ваш зять не может принести мешки? Отдали за лентяя и урода такую красавицу – дочь, Бога не побоялись.

Когда сын, вышел, Шаботай проворчал про себя:

– Вот уж точно, этого Мушаила Всевышний создал в минуты меланхолии, прости меня Господи. Моя бедная дочь попадет в Ган Иден только за то, что живет с ним. А все из-за того, что я публично дал обет, что не позволю своим дочерям перебирать женихов и отдам за первого, кто попросит их руки. Кто же знал, что у этого бездельника хватит наглости зайти за такой невестой, не имея ни богатства, ни желания заработать хотя бы грош, ни даже внеш-

ности. Правильно говорят наши мудрецы: нельзя еврею обеты давать.

За работой быстро пролетели ночные часы. До восхода солнца оставалась не более пары часов, когда закрыв мельницу, Шаботай с Хаимом отправились домой.

– Послушай, Хаим, – старый мельник искоса взглянул на недовольное лицо сына, – нельзя бояться работы, она, как соль, сохраняет тело до старости свежим, а ум – ясным.

– Не по мне эта работа, – Хаим повел широкими плечами. – Я бы купцом стал: открыл бы лавку в городе и продавал бы свой товар. И ты людей видишь, и люди тебя. А что у нас? Сидишь у жернова, как проклятый, и в жару, и в стужу. Жизнь проходит мимо, и ты смотришь на нее сквозь белую мучную пыль.

Шаботай вздохнул:

– Я рос сиротой и мечтал, что когда-нибудь стану богатым мельником и смогу оставить своему сыну не только деньги, но и мельницу. Чем тебе не нравится мое ремесло? Слава Богу, есть и уважение, и достаток. Ты Мушаилом не доволен, как будто сам от него далеко ушел. Да, он лентяй. А ты хоть и деятельный, но тоже лодырь. Утруждать себя не любишь. Только имей в виду: у меня нет лишних денег лавку тебе в городе открыть. Сам знаешь, дочерей полон дом. Всех замуж надо отдавать.

Несколько минут они шли молча.

– Ладно, есть у меня на примете одна девушка, – пробурчал отец. – Она поможет тебе воплотить мечту.

Стоял холодный зимний день. Работы на мельнице почти не было. Но Шаботай не переживал. Он знал, что скоро Нисану, значит через пару недель народ начнет готовить специальную муку для выпечки гогола – мацы. «Надо будет хорошенько подготовиться, – подумал он. – Все помыть, вычистить, отшлифовать жернов».

Громко хлопнула дверь. Шаботай поднял голову. На пороге стоял Хаим.

– День добрый, отец, – он снял папаху. – Ну и холод здесь.

Я только из Баку, так там даже снега нет. Верно говорят, что Кубинский уезд – это Сибирь Азербайджана.

– День добрый, сын. Я рад, что ты приехал. Сейчас пойдем в дом, поставим самовар, посидим, побеседуем. Нам есть о чем поговорить.

– Слышал я, что вы другую сестру замуж отдаете. Слышал я, что он страшно некрасив.

– Мужчине неприлично о красоте говорить. Достойный человек из достойной семьи – этого вполне достаточно.

– Но главное мне рассказывали, что вы и мою судьбу изменить вздумали. Верно ли, что люди говорят, отец?

– Земля наша, Господи, чудесами полна, но как новость из слободки до города добежала быстрее самого резвого скакуна, не могу понять! Я о серьезных делах, стоя на одной ноге, говорить не намерен. Вот пойдем в дом, пообедаем, а затем за чаем и поговорим о деле.

– В доме слишком много ушей, я хотел бы сейчас услышать, отец. Верно ли, что вы засватали за меня дочь Исоха?

– А на какие деньги ты лавку в городе открывать собрался? Исох – достопочтимый, уважаемый человек. Он и традиции наши соблюдает и делом с толком занимается. Начинал когда-то с мелкой торговли, а сейчас – землевладелец. И за дочерью приданое дает: и деньгами, и землей. Так что ты меня благодарить еще должен за то, что Исох дал согласие моим сватам.

– А вы его дочь видели, отец? Она же с аршин ростом, кожа смуглая – в темноте потеряешь, нос и грудь на одном уровне, усы как у джигита.

– Не болтай глупости! Прилично ли мне в моем положении и возрасте девушек юных разглядывать! Я ее не видел. Но это не имеет значения. Мать ее – женщина аккуратная и хозяйственная, и дочь, верно, к порядку приучила. Женщины в их роду славятся. Что тебе еще надо? А то, что не красавица, так это к лучшему – можешь спокойно оставлять ее и уезжать в Баку по делам.

– Я не хочу ее, отец.

– Вот еще, поговори у меня. Я думал, что ты меня побла-

годаришь за то, что я тебе деньги на твои затеи достал, а ты отцу перечишь! Я слово дал. Обратного не возьму. Мужчина говорит лишь один раз.

Сразу после свадьбы Хаим уехал в Баку, где на паях с другом открыл свою лавку. Домой он приезжал только по праздникам. Молодая жена оказалась достойной своего рода и каждый год рожала по ребенку.

В начале двадцатого столетия кто-то поджег мельницу Шаботая. Даром, что стояла на воде, а сгорела дотла. Ставить новую постаревшему мельнику было уже не под силу. Да и на сына рассчитывать не приходилось. Хаим жил в Баку и о мельнице слышать ничего не хотел.

Не скажу, что соседи-мельники очень переживали из-за беды, постигшей Шаботая. Как-никак одним конкурентом меньше.

Однако жизнь не пощадила и их. Спустя несколько лет, после победы большевиков, в далекой горной слободке были национализированы все оставшиеся мельницы, а владельца самой большой из них – Ленго Асафа отправили в ссылку из дорогой его сердцу Азербайджанской Сибири в Сибирь самую настоящую.

Впрочем, после строительства электростанции старые мельницы были закрыты. Общее зерно мололи на общей электрической мельнице. А старые – растаскивались, разрушались и постепенно были забыты.

Хлеб

Грязно-серые, почти пепельные тучи нависли над маленькой слободкой, окруженной с трех сторон холмами и горами, будто пытаясь закрыть злобещей крышкой гигантскую коробку. Дождя еще не было, но небо словно предупреждало людей, чтобы готовились к нему. Тамар подняла голову и, не скрывая гнева, погрозила кулаком тучам.

– Уходите, посланники дьявола. Сегодня вечером шобот, столько дел надо переделать, нам не до дождя!

Цвет туч напомнил ей о куче белья, что осталась нестиранной после вчерашнего ливня. Женщина вздохнула. Вряд ли сегодня удастся постирать. Она уже послала дочерей за водой, невестка покормила птицу и подметала двор, периодически останавливаясь и прислушиваясь, не слышен ли плач ребенка из дома.

– Работай поживее, до начала дождя надо многое успеть, – недовольно проворчала Тамар, – а плач твоего ребенка, чтобы был здоров, у речки услышишь.

Тамар поправила платок на голове, помыла руки из ручьоника и, взяв кадку с тестом, подошла к тану.

– Господи, – пробормотала она, поднимая голову к небу, – дай нам время испечь хлеб к святой субботе, а потом уже протыкай небесные ворота.

Она села на душакча у тану и, прикрыв глаза, произнесла благословение. Затем зажгла огонь. Выложив тесто из кадки на деревянный круг, она отщипнула от него с четырех сторон по кусочку и бросила в огонь, пробормотав еще одно благословение.

После этого она отделила от теста небольшие куски, а затем начала ловко лепить из них круглые шарики. Уложив их в большой глиняный горшок и прикрыв полотенцем, она придвинула поближе горшочек с тмином и маком. Затем приготовила миску с яйцами для смазывания хлеба. Сложила подносы, чистые полотенца, помыла судум – скребок для снятия хлеба и вернулась на свое место на душакча, скрестив по-турецки ноги. Поворошив угли на дне тану, Тамар взяла первый шарик теста из горшка и со словами «Нум Худой а-Шем адиной» – Именем Бога, Господа нашего – ловко раскатала его в небольшую лепешку, сделала углубления пучком огромных разноцветных петушиных перьев, смазала яйцом, посыпала маком и, быстро нагнувшись, прикрепила первую лепешку к стенке тану. Тонкая скалка летала в ее руках, словно волшебная палочка в ловких руках фокусника, и из-под нее почти мгновенно вылетали лепешки, которые Тамар тут

же пришлепывала одну за другой к круглым, раскаленным стенам тану, пока печь для выпечки хлеба не была заполнена. Тамар была хорошая мастерица и не боялась, что не сумеет уследить за всеми.

Вот уже лепешки стали подрумяниваться и приобретать золотисто-коричневый оттенок. Тамар по цвету уже знала, когда хлеб готов. Она быстро сняла первый хлеб и тут же залепила на его место новый. Готовые хлеба она укладывала на деревянный чанак – большой поднос, заботливо укрывая каждый раз полотенцем.

Запах свежее испеченного хлеба, заполнил весь двор своим ни с чем несравнимым ароматом. Да что двор! В этот час над всеми дворами еврейской слободки струился ароматный дымок танурного хлеба. Поднявшись, все струйки объединились в единое облако и оно накрыло всю слободку почти невидимым навесом, словно божественная шехина над домом благочестивой хозяйки.

Когда хлеб был выпечен, Тамар подняла голову к небу и поблагодарила Создателя, что он повременил с дождем. Затем она завернула пару хлебов и послала дочь отнести их старухе – соседке. Женщина жила одна и часто болела и потому все соседи, чем могли, помогали ей. Позвав старшего сына, Тамар отдала ему несколько хлебов и немного денег.

– Сходи в синагогу, отдай шамашу садаго. Это наше пожертвование.

Не успела она прибрать возле тану, как во двор вбежала соседская девочка, лет четырнадцати.

– Тетя Тамар, – запричитала она, – мама велела мне испечь, пока дождь не начался. А у меня уже третий хлеб падает. Может, посмотришь?

– А что, матери еще не полегчало? – Тамар жестом показала невестке на неубранную посуду и вышла с девочкой со двора.

– Да какой там полегчало. Сегодня, вдобавок к прежней боли, у нее все тело ломит. Наверное, от дождя. Она такая сердитая: то на меня бранится, то на дождь.

Тамар села к тану, поворошила палкой уголь.

– Дров ты много положила. Да и тану у вас уже никуда негодный: стенки потрескались, давно пора новый ставить. На следующей неделе, если пройдут дожди, слеплю вам новый тану.

– У нас денег нет заплатить.

– Да я знаю. Ничего. А ты учись, ты девочка смышленая. Дай Бог тебе хорошего мужа.

Тем временем Тамар раскатала первую лепешку и залепила на стенку тану. Девочка стала помогать ей раскатывать. Старый тану требовал большого внимания, и женщине приходилось зорко следить за подрумянившимися хлебами, чтобы поймать то мгновение, после которого готовый хлеб может отвалиться и полететь на пылающие угли. И, конечно же, у нее не упал ни один хлеб.

Когда в тану оставалось два последних хлеба, небо, словно устав от долгого терпения, взорвалось стрелами молний. Сильный гром, будто подтверждая серьезность угрозы, раскатился над крышами слободки.

– Заноси в дом, – прокричала Тамар девочке, но та уже подхватила поднос с укрытым хлебом и помчалась в дом.

Словно молодые джигиты затеявшие игру: сначала один стреляет огненными стрелами, затем другой ударяет в небесный барабан, гром и молния, сменяли друг друга, стараясь поразить своей удалой силой.

Когда эта игра завершилась ливнем, Тамар уже бежала домой, но все таки успела промокнуть так, что пришлось переодеваться. В доме невестка приготовила казан с водой и ждала, когда хозяйка поставит его на печь с благословением. Суббота приближалась, а им еще предстояло приготовить субботнюю еду...

В один из пригожих дней следующей недели Тамар отправилась к соседке, узнать о ее здоровье. Посидев минут десять, она сообщила хозяйке, что обещала ее дочери поменять им тану.

– Господь благословит тебя за добрые дела, – всплеснула руками хозяйка.

– А ты за него не решай – кого благословлять, кого наказывать, только Ему дано знать. Ты бы старшую дочь отправила со мной. Глядишь, следующий тану она сама слепить сможет.

Взяв с собой кроме соседской девочки и своих дочерей, Тамар отправилась на окраину слободки. Там, на поляне у глиняной ямы она приготовила все необходимое для работы. Пока девушки толкли кирпичи и черепки старой глиняной посуды, она принесла воду из реки и тазик желтого песка. Затем сделала в яме смесь глины, песка, толченого кирпича и глиняных черепков. После этого Тамар и девочки сели на землю и стали лепить тану, который напоминал большой просторный кувшин с широким горлышком без дна и с толстыми стенками. Когда они слепили часть, Тамар остановила девочек.

– На сегодня хватит, – сказала она, протягивая дочери кувшин с водой, чтобы та полила ей на руки. – Нельзя лепить все целиком, надо дать глине подсохнуть. Завтра продолжим работу.

За несколько дней работа была завершена. Когда тану подсох, его положили на старый палас и осторожно поволокли во двор соседки. Там выкопали старый и поставили новый.

В первую же пятницу все, включая выздоровевшую хозяйку, собрались у нового тану. Они зажгли огонь и, подождав пока стенки хорошенько разогреются, прилепили первые лепешки хлеба. Дочь хозяйки сама сняла их. Выпечка прошла удачно: ни стены печи не потрескались, ни один хлеб не упал.

Запах свежего хлеба всегда сладкий. В голодное военное время тану оставались почти без работы. Непривычный для слободчан ржаной хлеб выпекался в государственной пекарне из привозной муки и продавался в магазинах по карточкам. Но и его запах был сладок полуголодным детям войны.

Женщины

Зеленщица

Весеннее солнце уже давно поднялось над холмами, освещая еврейскую слободку. Женщины, встающие вместе с солнцем, успели принести с утра воды с родника, выгнать скотину на выпас, передав ее заспанным пастухам, задать корм немногочисленной птице, которую они держали в маленьких, неустроенных двориках и заняться уборкой своих небольших домов.

Мужчины вернулись из синагоги и, наскоро поев, отправились по делам. Малыши, большинство из которых не имели возможность ходить в единственные в слободке детский сад и ясли, путались под ногами у своих матерей и бабушек, мешая им работать, и за это получали легкие подзатыльники и незлобные ругательства на свои головки, что, впрочем, абсолютно им не мешало.

Дети постарше уже давно веселой пестрой толпой заполнили слободские школы и теперь грызли тяжелый гранит науки, с тоской рассматривая через окна разбуженную весной природу, стараясь глотнуть на редких переменах весеннего воздуха со вкусом пьянящей свободы, в котором старшеклассники уже различали ароматы любви.

И хотя воспитанным в строгости девушкам и в сдержанности юношам трудно было проявлять свои чувства, этот аромат наполнял их, сладко томил души.

Михаль легонько подтолкнула дверь калитки и вышла на улицу. Ее дом стоял на окраине слободки, у самого спуска к речке Кудиал-чай.

Несмотря на свои сорок с небольшим, Михаль обожала запах весны. Хлопот и проблем у нее было не меньше, чем у любой другой слободской женщины, но она умела иногда мысленно двумя руками отодвинуть дела и заботы и очистить голову от давящих мыслей. И тогда, будто очнувшись от сна, она оглядывалась вокруг себя и с восторгом любовалась окружающим миром, чувствуя, как душа ее наполняется счастьем и любовью, мысленно благодаря Творца за созданную им красоту и великолепие, за то, что ей, обыкновенной женщине, дано созерцать все это, почувствовать себя частичкой божественного замысла.

Михаль восторгалась величественной красотой гор, прохладой горных рек и родников, пьянящим ароматом весенних лугов и садов. Вот и сейчас, выйдя из дома, она остановилась на мгновение и, прикрыв глаза, чтобы не видеть грязных, в слякоти улиц, глубоко вдохнула обжигающе свежий воздух.

– А хош! Как хорошо! – сказала она, и счастливая улыбка осветила ее круглое, почти без морщин, лицо.

Идущие мимо прохожие непроизвольно улыбались, глядя на нее. Она, действительно, выглядела забавно с подносом на голове. Невысокая полная женщина, одетая в аккуратное темное платье, с головой, покрытой тонким чорболом, прикрывающим волосы, а сверху еще и темной шалью двумя руками придерживала лежащий на голове большой деревянный поднос – табах с уложенными на нем пучками ярко-зеленой весенней зелени. Наконец, Михаль открыла глаза и, не убирая улыбку с лица, начала торговлю прямо на месте.

– А, Агару, – обратилась она к проходящему мимо мужчине, – как здоровье твоей жены? А как чувствует себя новорожденная? Да ты никак без настроения? Подумаешь, третья дочка подряд! Будут матери помощницы и няньки. Следующим родится сын. Вы еще молодые, у вас все впереди. Слушай, Агару, а что если я сейчас отнесу твоим зелени. Роженице витамины нужны. А у меня зелень, сам знаешь, сочная, нежная, прямо, как я.

– Ладно, – мужчина вытащил из кармана мелочь, – отнеси моим по пучку киндзы, укропа и лука.

– Не смейся людей, сосед. Что такое три пучка. Это тебе одному, Борух а-Шем, здоровому мужчине на один зубок. А детям и жене?

– На тебе еще на два, – мужчина протянул еще пару монеток.

Михаль взяла деньги и положила их в кися – подвешенный на шее полотняной мешочек, заменяющий ей кошелек, приговаривая:

– Чтобы в твоём доме всегда было изобилие, чтобы через год ты у меня зелень на Брит-милу покупал!

Она повернулась и, покачивая полными бедрами, медленно пошла по улочке, ведущей к центру слободки.

Женщина шла неторопливо, с достоинством неся свое грузное тело, словно не чувствуя тяжелый табак с зеленью, который в такт величественной походке, мерно покачивался на ее голове, словно был ее частью.

– Кишниш, шивит, джаркум – киндза, укроп, крессалат! – нараспев кричала она.

Она занесла зелень в дом Агару. За четверть часа Михаль не только узнала все новости в махалле от соседок, пришедших навестить роженицу, но и без особых усилий продала им немного зелени.

– Кишниш, шивит, джаркум! – снова разнеслась по узким улицам слободки ее сладкая песня.

На ее голос выходили женщины и здесь же, у своих домов, выбирали зелень у веселой зеленщицы, попутно рассказывая свои новости и узнавая последние сплетни.

– Михаль! – одна из калиток приоткрылась и в ней показалась худая женщина средних лет с заостренным носом и мелкими хитрыми глазами. – Заходи к нам.

Подхватив свой табак с зеленью, Михаль неторопливо, с чувством собственной важности проплыла внутрь калитки.

Во дворе ее ждали три соседки.

– А, Михаль, – сказала Мирьен, хозяйка дома, – покажи-ка, что у тебя за зелень сегодня.

– Пожалуйста, – Михаль в который раз за день положила табах прямо на землю, – выбирайте, что душе угодно.

– Я, пожалуй, возьму шпинат, киндзу, укроп и лук.

– А скажи, Михаль, – вкрадчиво спросила Бильо – подруга хозяйки, та, что позвала ее во двор, – это правда, что Довро вчера послала сватов для своего старшего сына в дом Хаима-Миши?

– Я могу тебе даже сказать, кого именно послали и какой платок в подарок дали, и даже, о чем они там говорили, – улыбка Михаль стала снисходительной. – Только сватов она послала для среднего сына, а старший уже обручен со своей двоюродной сестрой, что в городе живет.

– Я же вам говорила, а вы не верили, – третья подруга победно оглядела товарок.

– Ты знаешь, – Мирьен взмахнула руками, – клянусь Натаном, три дня назад пошла я за водой и у «фонтала» встретила Довро и сказала ей, что очень мне дочь Хаима-Миши нравится. И что я жду приезда моего деверя через неделю и мы, с Божьей помощью, засватаем эту девушку для моего старшего. А она мне, бессовестная, что, мол, ее сыновья такие непослушные, жениться не собираются. А сама!

– Да что ты говоришь! – Михаль спрятала деньги в кися, а новую сплетню – в уголок на память.

– Кишниш, шивит, джаркум, – снова запела она, проходя по улицам и без труда удерживая на голове ставший легким табах.

– Ай, Михаль, – Батзоов – молодая женщина с недовольным выражением лица – выглянула из калитки и жестом позвала ее внутрь двора.

– Тетушка Михаль, ты все знаешь, – начала она негромко. – Муж мой опять хворает. Голова болит у него. Я сначала думала, что он бездельник, от работы, как всегда, отлынивает, а русский доктор говорит – «даление». Что это за болезнь такая? Может, его сглазили?

Михаль придала серьезность своему лицу и, осторожно ступая, вошла в комнату к больному.

Емту, муж Батзоов, высокий, полный мужчина, лежал на матрасах на полу и, тяжело дыша, держался за лоб.

Михаль подседа на подушки рядом с ним.

– А ну-ка, Батзоов, принеси нам миску с водой и чистую тряпочку.

Намочив тряпку в прохладной воде, она положила ее больному на голову, приговаривая:

– Пусть болезни покинут тебя и дом твой, пусть перейдут на того, кто сглазил хозяина этого дома.

– Значит так, – обратилась она к хозяйке, выйдя от больного, – каждые полчаса меняй повязки на лбу мужа. Только не с кислым выражением лица, как ты все делаешь. Да на тебя глядя, молоко скисает, не то что муж! Что ты ходишь вечно, будто алычу целый день жуешь. Улыбнись мужу, пожалей его, поухаживай за ним, как за ребенком. Мужчине необходимо чувствовать, что он нужен в доме, что его любят и о нем заботятся. А ты постоянно недовольна всем. Вот к нему дурные болезни и лезут. Раскатай пласт теста, свари ему хингал, поднеси с улыбкой. Возьми у меня зелени, помой, подай мужу. Ему же просто твое внимание нужно! И еще. Пошли вечером ко мне сына. Я тебе трав лесных дам. Заваришь, дашь мужу пить утром и вечером.

Михаль направилась к центру слободки. По дороге она несколько раз останавливалась и продавала свой нехитрый товар, одаривая покупателей мягкой улыбкой и добрым словом.

На одной из улиц возле чайханы на скамейке сидели мужчины и о чем-то оживленно говорили. До нее доносились обрывки фраз: «Сталин», «Гитлер» и еще что-то незнакомое: «пакт о ненападении».

Бросив на них лукавый взгляд, Михаль подошла поближе и обратилась к ним:

– День добрый, евреи. Чтобы пребывали в здравии вы сами и ваши домочадцы и весь наш народ, что нового в мире?

– В мире ничего хорошего нет, – вздохнул старик в папахе, сидящий в центре скамейки. Двумя руками он опирался

на легкую деревянную тросточку. – Но зачем женщине нужна политика? Расскажи, что у тебя нового.

– А что мне ваши дела, вон вчера в махалле Гильяки Малкато и Мазаль так передрались из-за курицы, что пришлось их водой обливать.

– Да, – засмеялся старик, – что там война в Европе по сравнению с дракой наших женщин.

– А что стало с курицей? – спросил мужчина в кепке с околышком. – Кому она досталась?

– Курица? – мягкие дуги-брови Михаль стали полукруглыми от удивления. – Не знаю. То ли сварили и поделили, то ли отдали в синагогу.

– Лучше бы нам дали, – сказал один из мужчин, – и к ней тутовочки Хано, твоей тещи, – он легонько толкнул в бок мужчину в кепке.

– Тутовочка у нее славная, а характер мерзкий, – усмехнулся тот. – Выдает мне на праздник бутылку, а остальное прячет в саду в секретном месте. Чужим людям продает, скволыга старая, а родной зять пьет эту ерунду, что жена гонит.

– Кстати, – в глазах Михаль заиграли чертики, – а почему бы тебе не послать своей теще в знак примирения мою прекрасную зелень?

Она опустила уже полупустой табак с головы и на вытянутых руках повертела перед мужчинами.

– Зелень у меня этой весной на редкость сочная, словно я поливала ее не из речки, а из «Гыз бановша». А посмотрите, какая она душистая, словно весенние луга с цветущими полевыми цветами, ярко-зеленая, будто весна открыла новую банку с краской, взамен старой, выдохшейся.

– Ай да Михаль, – засмеялся один из мужчин, – так зелень расхваливаешь, что у меня слюнки потекли, будто ты мне пирожки продаешь или шашлык.

– Что сейчас праздник, чтобы мясо есть? Ешьте овощи, зелень и молоко и доживете до ста лет.

– Отнеси моей семье восемь пучков на галье, – сказал один из мужчин, протягивая деньги.

– Возьми больше, Барух, тарелку с едой отнесешь Мордехаю. Разве рабби не говорит, что надо помогать ближнему и делиться с неимущим?

– Помолчи уже, женщина, мы и без тебя помогаем одиноким старикам в нашей махалле. Ладно, дай еще два пучка.

– И моей старухе занеси, – старичок с тросточкой вытащил из кармана деньги.

Спустя час Михаль возвращалась домой с пустым табахом. «Завтра надо будет пойти в другую махалля», – подумала она.

Перед тем, как толкнуть калитку своего дома, Михаль остановилась. Она знала, что в доме у нее много дел. Неожиданно, женщина резко обернулась, положила табак на землю и обвела взглядом родную слободку, затем прикрыла глаза и глубоко вздохнула. В сладком кружащем голову запахе весны неожиданно почудилась горечь дыма и грусть расставаний.

Она потрясла головой, чтобы отвести наваждение и вошла в дом.

Весна 1941 года вступала в свои права.

Везучая

Мазалут сложила выстиранное белье в ташт – плоский медный таз и вытерла рукавом пот с лица. Женщина улыбнулась. А здорово она догадалась, что сегодня будет солнечная погода и затеяла стирку. Она подняла с земли свою ношу и пошла к забору.

Соседки говорят, что она везучая, недаром дед дал ей имя Мазалут. Улыбаясь своим мыслям, женщина стала развешивать на веревке белье.

Солнце, всю предыдущую неделю скрытое тучами, сегодня сияло ярче обычного, словно проливные дожди отмыли его до блеска. Мазалут соскучившаяся за дни ненастья по солнцу, затеяла с ним веселую игру: нагибаясь за бельем к земле, она опускала голову, затем, вешая выстиранную вещь выглядывала из-за забора, бросала взгляд на солнце и мысленно говорила: «А вот и я!» – и улыбалась, как обычно, в пол-лица.

Однажды, когда она была еще совсем маленькой, ее дед, старый Менаше, застал девочку за необычным занятием. Малышка, слушая трели птиц, сначала пыталась повторить их, а затем звонко смеялась, подняв кудрявую головку и пухленькие смуглые ручки к небу, словно приглашая птиц посмеяться с ней. Нагнувшись к ребенку, старик погладил ее по головке и сказал: «Это замечательно, что ты видишь смешное и прекрасное в малом. Беды и горести находят человека сами, и, если он продолжает искать повод для смеха и шутки, им ничего не остается, как уступить свое место счастью, – и добавил со вздохом, – хотя бы на время».

Она перелила грязную воду из чанаха – корыта, в котором стирала белье, – в ведро, крикнула детям, игравшим во дворе, чтобы никуда не уходили. А сама пошла к реке, чтобы вылить воду.

Когда Мазалут вернулась, то увидела, что во дворе ее ждут дети Хавы – соседки по махалле.

– Тетя Мазалут! – закричала старшая дочка Хавы. – Мама опять плачет все утро. Малыши боятся.

Мазалут поставила ведро на землю и на мгновение призадумалась.

– Беги домой, я сейчас приду.

Мазалут зашла в дом. Надев пиджак мужа и нахлобучив папаху, она нарисовала углем из печи усы и вышла во двор.

Взяв своих детей за руки, она выбежала на улицу.

– Эй, дети нашей махалли! – крикнула женщина на всю улицу. – Хава опять устроила гирье. Идемте все ее смешить!

Через несколько минут Мазалут, окруженная ватагой ребятшек, вошла во двор к Хаве. Прихватив метлу со двора, она подняла ее над собой и загундосила низким мужским голосом.

– Кто здесь плачет? Я сейчас своей метлой слезы и грусть вымету!

Младшие дети Хавы, подняв заплаканные лица и узнав в смешном дядьке веселую соседку, радостно засмеялись и побежали ей навстречу.

Хава сидела в комнате на душакча и, не обращая внимания на окружающих, продолжала плакать, причитая и периодически ударяя себя по плечам руками, скрещенными на груди.

– Оставил ты меня одну, как орлицу у разрушенного гнезда. Она раскачивалась всем корпусом в такт своему заунывному плачу. – И пусть Господь покарает проклятого Гитлера и детей его, и всех его потомков до седьмого колена.

Выждав момент, когда женщина остановилась, чтобы перевести дыхание, Мазалут подбежала к ней и начала кружить вокруг нее, пританцовывая на ходу. Дети хлопали в ладоши и смеялись.

– Оставьте меня, – отмахнулась от них Хава. – Сегодня всю ночь снился мне мой Яков. А утром, когда я убирала в кухне, разбила его любимую тарелку. Он так любил из нее есть тара.

Она ударила себя двумя руками по голове и запричитала:

– Чтобы отсохли мои руки, как я могла!

– Перестань реветь, соседка. Слезами мужа не вернешь, только детей напугаешь. Смотри, какие они у тебя славные, Борух а-Шем. А потом, вырастет твой Шалум, – она повернулась к семилетнему карапузу с разбитыми коленками, – и будет, Бог даст, доктором или... Кем ты будешь?

– На-цальником, – важно ответил мальчуган, стараясь скрыть смущение от всеобщего внимания.

Все засмеялись. Даже Хава улыбнулась.

– А ты ходить, как начальник, умеешь?

Мальчик кивнул.

– А ну-ка, покажи!

Скорчив серьезную физиономию, мальчик выставил свой плоский живот вперед и медленно прошелся, широко расставляя ноги.

– Походка беременной женщины получается – быть тебе начальником, Шалум.

Сняв папаху, она надела ее на мальчика и тот, войдя в роль, оглядел всех свысока презрительно важным взглядом, явно пародируя председателя поселкового совета. Дети хотали. Собравшиеся соседки тоже улыбались.

Хава с гордостью смотрела на единственного, не считая четырех дочерей, сына.

Воспользовавшись паузой, Мазалут снова взяла инициативу в свои руки. И, обняв за талии двух других соседок, проговорила скороговоркой:

– Что женщины, что сестрички мои, не вернулись наши мужья с войны?! А мы все равно будем ждать! Что с того, что уже больше года прошло со дня Победы. Наши враги думают, что мы будем с утра до вечера плакать и умрем от горя, им на радость. А мы будем жить, смеяться и поднимать своих детей. Чтобы наши мужья смотрели на нас с небес и гордились нами, а враги наши, – чтоб не видели они счастья своих детей и лопнули от злости!

– Вы сегодня утром ходили собирать траву на тара? – обратилась Мазалут к одной из соседок. А у меня остался еще узюм никара – я всегда больше всех собираю на берегу

веток, принесенных рекой. Я же везучая. А ты, – она обернулась к Хаве, – приготовь большую кастрюлю, мы будем готовить зеленый суп на всю махаллю!

Она помогла Хаве подняться с пола, а потом, резко сорвавшись с места, помчалась наперегонки со своими детьми к себе во двор.

Вскоре большой казан в печи у Хавы весело булькал зеленым варевом, обдавая окружающих женщин ароматом свежей травы. В ожидании обеда, они пили чай из травы с добавкой сушенной коры азгиль и боярышника для цвета, негромко обсуждая друг с другом свои проблемы.

Мазалут слыла в еврейской слободке женщиной неунывающей, веселой и везучей, хотя судьба была к ней не более благосклонна, чем к другим. Так же, как и многие, в сорок втором проводила она мужа на фронт, так же мыкалась всю войну одна с малыми детьми, так же ежедневно заглядывала в глаза почтальону в ожидании писем ... И вот уже два года, как получила известие о том, что муж «пропал без вести».

Как бы не было ей тяжело на душе, она старалась найти повод для улыбки. А если на нее нападала хандра и опускались руки, не хотелось больше жить и бороться с несчастьями, то стоило только услышать пение птиц, почувствовать аромат полевого цветка, увидеть улыбку ребенка, как в душе у нее расцветала любовь к жизни и вера в то, что Господь не оставит детей своих...

Лишь однажды зимой нашло на нее настоящее отчаяние. Тогда несколько дней как у обеих ее детей держалась температура. Кроме пайки хлеба, в доме не было ничего съестного. Даже вскипятить воду, чтобы напоить дрожащих от озноба малышей, она не могла. Давно закончились дрова, еще вчера догорели последний хворост и старые покрывки, которые она нашла на дороге.

Обхватив двумя руками голову, Мазалут в отчаянии раскачивалась из стороны в сторону. Про себя, чтобы не разбудить задремавших детей, она начала жалобный плач, оплакивая погибшего от рук проклятого врага мужа, своих

бедных голодных сироток, себя несчастную, всех вдов еврейской слободки и всей большой страны.

Слезы, словно ливень из черной тучи печали, рекой полились из ее всегда веселых, искристых карих глаз.

Она не помнила, сколько сидела так. Но в какой-то момент, очнувшись, стряхнула отчаяние, как соседский пес Султан стряхивал воду, когда выходил из реки. «Да что это я?» – подумала она вдруг. «Устроила гирье по живым людям! Что это я похоронила мужа своего, детей наших, себя саму? Господь посылает нам испытания и смотрит, как мы проходим их».

Она осторожно поправила одеяла на своих детях, лежащих на матрасе возле нее, и вздохнула. Неожиданно женщина решительно встала, оделась и вышла во двор. Она взяла топор и подошла к одному из немногих деревьев в их небольшом дворе. Этот чинар посадил несколько лет назад ее муж. Сосед тогда спросил его: для чего он сажает неплодовое дерево, ведь от него, мол, нет никакой пользы. И тогда ее муж пожал плечами и ответил:

– Как для чего? Для красоты...

Он всегда любовался им и даже в письмах с фронта спрашивал о нем. Женщина вздохнула и, зажмурившись, ударила по стволу. Она думала, что ночью в темноте ей будет легче решиться на это, но на фоне снежного ковра чинарик выделялся серой грустной полоской, гордой стрелкой тянувшейся к небу. Мазалут почти физически ощущала боль деревца, но она совладала с собой. У нее не было выхода. Если детям не дать горячего, они могут не выжить. Мысленно попросив прощения у мужа, а затем у дерева, она ударила еще сильнее, и оно упало...

Дров получилось немного, но почему-то, напившись чаю, дети повеселели. А к полудню упала температура у сына, а затем полегчало и дочери, будто бедное деревце, сгорая, дало детям тепло своей души...

Весной Мазалут вместе с детьми посадила два новых саженца во дворе и каждый день, поливая, разговаривала с ними, как с живыми.

..После обеда Мазалут вернулась в дом. Солнце стояло высоко над головой и нещадно припекало. Мазалут подняла голову к небу и, прищурив глаза, по-дружески помахала солнцу. Она любила лето не только потому, что в сезон фруктов и ягод было легче прокормиться, Мазалут просто любила тепло больше, чем холод.

А когда летняя жара становилось нестерпимой, она надевала старенькое платье и, взяв детей, бегала по дворам соседок-вдов и кричала: «Эй женщины, девушки, айда на речку купаться!» И подняв младшую дочь, теребила на ней платьице и, смеясь, приговаривала:

– Ну-ка, дети нашей махалли, все чоп-чоп-чоп – купаться.

Вскоре вокруг нее образовывалась веселая толпа молодых женщин, девушек и, конечно же, детей. Они все вместе бежали к речке. И хотя река Кудиал-чай была не очень глубокой, ее быстрые прохладные воды освежали и бодрили.

В середине лета начинался сезон жатвы. Вдовы ждали это время с нетерпением. Когда жнецы собирали урожай, на полях оставались оброненные колосья. Раньше этот хлеб назывался «вдовый» и вдовам с детьми разрешалось собирать его. Но сейчас все поля принадлежали колхозам и в голодное военное и послевоенное время, когда хлеб распределяли по карточкам, сбор колосьев считался преступлением и потому поля охранялись. Но у слободских вдов не было особенного выбора. Работы в слободке не хватало. Устроиться в больницу или клуб уборщицей можно было только по знакомству. Молодым женщинам с маленькими детьми найти работу было почти невозможно. И потому, для того, чтобы выжить, они шли на риск.

Женщины брели по полю, собирая колосья в узелки. Они напряженно вглядывались в землю, выискивая среди пожелтевшей травы разбросанные ветром колосья ячменя. Но видно кто-то уже побывал здесь, и потому их «урожай» был небогат. Мазалут по обыкновению напевала про себя песенку.

Вдруг прямо перед ней на землю уселась огромная ворона и, оглядев женщину с ног до головы, неожиданно громко каркнула.

– Кыш, – замахала на нее руками женщина, – поди прочь, птица поганая! Мало мне горя, чтобы ты мне еще накаркала!

Птица отлетела немного, затем вновь села на землю, несколько секунд разглядывала женщину и снова каркнула.

– А чтобы ты сдохла, тварь! Замолчи уже! – Мазалут перешла на крик.

– Тихо, – зашипела на нее подруга, – услышит сторож – нам несдобровать!

Через десять минут Мазалут подошла к одной из подруг и сказала:

– Что-то сердце мое беспокойно. Пойду-ка я домой, проведу своих деток.

Сорвавшись с места, она понеслась в сторону слободки.

При приближении к дому, она вдруг сбавила скорость, шаг ее становился все медленней и медленней. Женщина внезапно почти физически почувствовала, как сжалось сердце, комок подступил к горлу.

Детей во дворе не было. Мазалут подошла к дому, остановилась и прислушалась. Взрыв заливистого детского смеха, раздавшийся из дома, отпустил сердце и вызвал улыбку на ее лице.

Она поправила сбившиеся от бега волосы и затянула их потуже платком на голове.

– Странно, – подумала она, – кто же их так рассмешил?

Она протянула руку к двери, медленно толкнула ее и ... упала в объятия высокого смуглого солдата, окунувшись в такой родной, почти забытый за пять лет запах.

Он что-то начал рассказывать о ранении, контузии, госпиталях, но она почти ничего не слышала и повторяла только одно:

– Я знала, что ты вернешься. Я же везучая...

Надежда

Тури вернулась с фермы и, не заходя в дом, заглянула в хлев к своей корове.

– Ну что, милая, остались мы с тобой одни? Хозяин наш умер, а молодой хозяин, сын мой Исроил, никак с фронта не вернется. Война вроде закончилась. Все потихоньку возвращаются. А его все нет и нет. Глаза мои устали смотреть на дорогу.

Она погладила корову по худым бокам и сев на маленькую скамеечку начала доить. Первые струйки молока звонко ударили по стенкам горшка для дойки.

– Вот как ты думаешь, – продолжала она, – может человек потеряться? Я, когда была в Баку с братом, чуть не потерялась. Сумасшедший город! И откуда столько народу в одном месте вязлось? Как они в таком большом городе свой дом находят?

– А с другой стороны, – она вытерла руки и стала процеживать молоко через марлю, – человеку потеряться трудно, потому что у него язык есть. Вот если бы я потерялась в городе, я бы сразу спросила первого встречного милиционера: «Как найти Рахель дочь Шабатая, которая живет около базара?» Мне сразу бы нашли ее. Чтобы милиционер не знал мою сестру Рахель? Не может быть!

Она подложила корове корма.

– А как, скажи мне, мой сын мог пропасть без вести? Он что, дорогу домой не нашел? Или спросить кого не знает? Или язык их не понимает?

Тури вздохнула и вышла из хлева с ведром процеженного молока.

Во дворе она обнаружила, что к ней пришел гость – племянник, сын старшего брата.

Когда-то Тури жила с родителями в еврейской слободке. Но после замужества ей пришлось перебраться к мужу в одно из селений соседнего Кусаринского района. Здесь они снимали флигель у хозяина и работали в колхозе.

Несмотря на то, что расстояние между ее селением и слободкой было больше двадцати километров, брат часто навещал ее. А в последние годы, когда она осталась одна, посылал к тому же старших детей с небольшими гостинцами.

Она расцеловала племянника, завела его в свою комнату. Там усадила на душакча, положила перед ним половину ячменной лепешки, оставшейся с утра, поставила кружку молока. Сама уселась напротив и, подперев правой рукой голову, с удовольствием смотрела, как он ест. На вопрос: «Почему ты не ешь, тетя?» – ответила, махнув рукой, что уже поела. Когда он закончил есть, Тури стала расспрашивать о слободских новостях: кто умер, кто родился, кто женился, кто еще с фронта вернулся. Говорила она негромко и медленно, речь ее шелестела, словно созревший хлеб в поле при тихом ветре.

Племянник, шестнадцатилетний юноша, умел хорошо и обстоятельно рассказывать. И потому через час тетя знала все новости.

– А еще, – мальчик отпил последний глоток молока, – по ту сторону нашего моста пленные немцы строят лестницу.

– Что-что? – встрепенулась женщина.

– Ну, ты помнишь, там, где заканчивается мост с азербайджанской стороны к речке идет крутой спуск. Взрослые всегда идут обходным путем, который занимает четверть часа. Так вот, сейчас бригада из пленных немцев очистила весь склон и теперь строит лестницу. Мы с мальчишками каждый раз бегаем смотреть, – мальчик восхищенно мотнул головой. – Здорово получается! И главное, как красиво и аккуратно они работают, сволочи.

Женщина, казалось, погрузилась в собственные мысли и не слышала племянника. Взгляд ее был устремлен куда-то вдаль. Не заметив интереса на ее лице, мальчик уже без воодушевления продолжал:

– А с едой у них не очень. Каждый день один из них что-то варит в старой большой консервной банке. И еще им выдают какие-то консервы. Мы с ребятами предлагали им

лепешек, не берут. То ли стесняются, то ли брезгуют. Кто их разберет! Они по-нашему не говорят.

– А какой язык они понимают? – Тури казалась чем-то озабоченной.

Мальчик пожал плечами.

– Ну, немецкий, наверное. Может, русский. Азербайджанский не знают, точно. Мы уже пробовали.

– Ладно, – женщина вдруг резко встала. – Мне надо еще кое-куда зайти.

А ты не жди меня. Ложись спать. Завтра пойдешь домой.

На следующее утро, когда солнце едва показалось на горизонте, Тури разбудила племянника.

– Что случилось? – мальчик с удивлением обнаружил, что тетя стоит одетая по-дорожному.

– Вставай, – она решительно скинула с него плед. – Нам надо много успеть сегодня.

Мальчик нехотя поднялся и вышел во двор умыться. Когда он вернулся в дом, на столе уже лежали две только что испеченные ячменные лепешки с творогом и стояли кружки с молоком.

– Ты уходишь на работу? – спросил мальчик, подсаживаясь на подушке к столу.

– Нет, я отпросилась на сегодня. Я иду с тобой.

– Со мной? – мальчик удивился. – Но отца нет сегодня дома. Ты же знаешь, сейчас время жатвы. Он на работе.

– Я знаю, – женщина опустила глаза. – У меня свои дела.

Они вышли на дорогу, и мальчик обнаружил, что тетя держит под мышкой какой-то сверток, но ничего не спросил.

Всю дорогу до Кусаров они шли молча. Мальчик даже удивился. Обычно тетя Тури рассказывала во время дальней дороги интересные истории. Как и большинство женщин ее возраста, она была неграмотной. Но, обладая прекрасной памятью, природным красноречием и почти детской любознательностью, она умела с одинаковым искусством рассказывать занимательные истории из жизни и истории своего народа, рассказы из Тиро – святой Торы и азербайджанские народные сказки.

Они прошли по мосту, проложенному через реку Кусарчай. Из уроков истории мальчик знал, что река и городок были названы в честь стоявшего там в прошлом столетии русского гусарского полка – Кусары. Это было еще во времена Лермонтова. Великий поэт тоже когда-то бывал в Кусарах. Русская армия тогда построила немало дорог и мостов. Вот и этот мост был построен еще тогда. Крепкий такой, добротный. По нему в военное время немало грузовиков проезжало. А по их кубинскому мосту даже танки проходили. Он сам видел.

Дорога пошла по холмам. Спуск – подъем, спуск – подъем.

Мальчик вздохнул. Когда-то до войны он со своим двоюродным братом Исроилем наперегонки бегали по этим, словно покрытым зеленым паласом, холмам. А тетя, запыхавшись, бежала за ними и кричала: «Осторожно, разобьетесь».

Слезы выступили на его глазах. Полтора года назад председатель сельсовета селения, где жила тетя, вызвал отца к себе и отдал ему похоронку на племянника.

– Отдай ей сам, – сказал он, опуская глаза. – Среди наших никто не хочет пойти к ней с сообщением о гибели единственного сына.

Отец не пошел к сестре, а вернулся домой. Целый месяц они думали, как сообщить ей об этом. А потом решили: не сообщать вообще. Пусть верит и ждет. А там, Худо кляня – Бог велик, может, произойдет чудо. Ведь были же такие случаи. И с тех пор его мать к обычным субботним молитвам добавила еще одну: «Господи! Спаси и возврати домой нашего Исроила и с ним всех без вести пропавших, как освободил из глубокого колодца Иосифа и вернул его Якову, праотцу нашему!»

Солнце уже было высоко в зените, когда они подошли к слободке.

– Подожди, – Тури схватила племянника, собравшегося повернуть в сторону дома, за рукав.

– Веди меня на мост.

– Зачем тебе? – брови мальчика полезли вверх.

– Надо! – коротко отрезала она.

В том же молчании подошли они к мосту.

– Где эти, лемцы? – тетя огляделась по сторонам.

– Немцы, – автоматически поправил ее мальчик. – Там, внизу, – он показал вниз к реке, где у крутого склона возлились несколько человек. – Для чего тебе они?

– Стой здесь и не приближайся, – неожиданно строго сказала женщина и начала медленно спускаться вниз.

Пленные строители уже построили первый пролет лестницы. Затем шла расчищенная площадка, от которой уже начали возводить следующий пролет.

У строителей было время обеда. Они сидели у небольшого костра, на котором стоял солдатский котелок. Каждый из них отливал себе в большие банки из-под консервов, заменяющие им тарелки. С удивлением смотрели пленные на спускающуюся к ним пожилую женщину.

Тури спустилась на площадку. Она поздоровалась и протянула вставшему ей навстречу пленному сверток. Он осторожно открыл его и увидел уложенные одна на другую ячменные лепешки с прослойкой из творога.

– Данкешен, – закивал головой немец и начал делить две лепешки на четыре части, раздавая трем своим товарищам.

– На здоровье, – улыбаясь, сказала она на джуури.

– Данкешен, – сказали по очереди остальные пленные, принимая в руки свою часть лепешки и тут же начиная есть.

Женщина терпеливо ждала пока пленные дожуют. Затем она вытащила неизвестно откуда взявшуюся завернутую в вышитую салфетку фотографию, аккуратно положила ее на ладонь и показала первому пленному.

– Вот, – сказала она, заглядывая с надеждой ему в глаза, – сын Исроил. Он пропал без вести. Может, ты видел его там, на фронте? – она подняла руку, показывая вдаль.

– Найн, – ответил тот, пожимая плечами.

– Тетя! – закричал племянник, спускаясь по крутому склону. – Перестань, они тебя не понимают!

– Помолчи, – она отмахнулась от него как от надоевшей

мухи. Тури подошла ко второму пленному и показала ему фотографию.

– Видел? – спросила она неожиданно по-русски. И тут же добавила на родном языке: – Высокий такой, смуглый, красивый очень.

Второй пленный бросил взгляд на фотографию и отвернулся.

Женщина стала суетливо обегать оставшихся немцев, поднося каждому маленькую паспортную фотографию сына.

– Гермусян? – спрашивала она по-азербайджански. – Видел? – добавляла по-русски. И тут же говорила на джуури: – Видный такой, веселый. Он где-то на фронте потерялся.

Каждый раз она жестом правой руки показывала на север, где, по ее разумению, был фронт.

Пленные вернулись к своей похлебке, продолжая сосредоточенно есть из банок. На женщину они старались не смотреть.

– Тетя, – мальчик взял ее за руку, – пошли отсюда, не позорься. Они ничего не знают.

Слезы разом полились из ее огромных карих глаз на сухую, выжженную солнцем, желтую траву. Тури вдруг сникла и спокойно дала себя увести. Когда они уже подходили к дому, женщина, не поднимая глаз на племянника, сказала:

– Не рассказывай никому ничего. И прости меня, если можешь. Нет больше моих сил, – она обхватила свою голову двумя руками, словно пытаясь сжать ее иссохшими ладонями, – глаза мои уже выходят из орбит, вглядываясь вдаль. Где-то на этой земле ходит мой сынок и не может найти дорогу домой.

Она задумалась, и, неожиданно улыбнувшись, добавила:

– Мой Исроил говорил, что земля круглая и, если идти пешком, то можно обойти всю землю и вернуться назад. Может, он решил проверить это. Вот обойдет всю землю и придет домой.

А я буду ждать, что у меня еще остается кроме надежды.

Сердце матери

Теплый, влажный вечер пришел на смену жаркому июльскому дню. В еврейском поселке Красная Слобода пятницу сменил шобот – святая суббота.

Скудная субботняя трапеза военного времени была давно завершена. В каждом доме после благословения стариками вина уже был произнесен ставший традиционным тост: «За победу!»

Летние субботние вечера казались женщинам бесконечными. Домашней работой, которая в обычные дни поглощала все их время, заниматься было нельзя, и каждая по-своему заполняла свободное время.

Сара, накинув на голову поверх чербола – нижнего платка, покрывающего голову замужней женщины, нарядный келогои – шаль из тонкой ткани, вышла из дома и направилась к своей подруге Малке, которая жила неподалеку. Пройдя до ближайшего переулка, она свернула за угол и тут увидела двух молодых соседок, стоявших напротив дома одной из них. Сара считала себя женщиной серьезной, уважаемой и в обычное время она прошла бы мимо этих молодых с достоинством, лишь слегка кивнув в ответ на их приветствие. Но сейчас, во-первых, молодухи не обращали на нее ни малейшего внимания, а во-вторых, она не могла с ходу определить, чем они занимаются. Женщина остановилась. С минуту она наблюдала как соседки, прищуриваясь, смотрят на небо. Она даже попробовала разглядеть что-то необычное на летнем небосклоне, который в эту ночь напоминал шатер Шахерезады из сказки: вокруг полной, круглой, словно лепешка, луны искрились тысячи звездочек. Небо, как небо. В ее годы неприлично на небо глядеть! Не то, что эта несерьезная молодежь! В душе Сары боролись два чувства. С одной стороны, она должна была поставить на место молодых арусо, невесток, как называли в слободке замужних молодых женщин, но тогда они не скажут, что же они все-таки делают, а с дру-

гой... После недолгой борьбы с самой собой любопытство одержало верх.

– Ай, арус! Что это вы тут делаете?

Одна из них повернула голову к ней и, не приветствуя, озабоченно сказала:

– Вот, тетя Сара, Ливго из соседней махалли рассказывала мне, что если в полнолуние посмотреть через обручальное кольцо на луну, то можно увидеть своего супруга. Они в прошлое полнолуние своих мужей видели! А я столько ждала этого полнолуния, столько ждала, – она вытерла платком слезы, – а моего Бенсуина все не видно!

– Чем вы, бессовестные, в святую субботу занимаетесь! – начала было Сара.

Но молодуха уже отвернулась к подруге, которая все это время продолжала, не моргая смотреть через обручальное кольцо на луну. Сара знала, что у обеих женщин мужа на фронте с первых дней войны. Одна из них успела побыть замужем год, другая – несколько месяцев. Обвинять их в чем-то не очень хотелось. Тем более, что женщине пришла в голову интересная мысль.

– Если этой глупышке, Ливго, Господь показал ее непутевого муженька, что же мне, женщине куда более достойной, не покажет сыновей моих, моих орлов?

Младший недавно прислал письмо из госпиталя, куда попал с контузией. Что это такое Сара не знала, но сын писал своей рукой, и это давало надежду на то, что он в порядке. Но от старшего, Асафа, вот уже несколько месяцев не было весточки. Она решительно подошла к первой молодухе.

– А, арус, что-нибудь видно?

Молодая женщина повернула к ней заплаканное лицо и молча, покачала головой.

– Дай мне кольцо, – Сара решительно протянула руку, раскрыв свою крупную в шрамах и мозолях ладонь.

В глазах молодой женщины появилось любопытство.

– А что, тетя Сара, разве сыновей тоже показывает? А Ливго сказала...

– Пусть твоя Ливго сопли сначала утрет! Тоже мне, нашли авторитет для меня!

Сара решительно подняла голову и, прищутив левый глаз, стала рассматривать луну.

Луна, словно польщенная таким вниманием, выглядела крупнее, чем обычно. Если раньше она казалась Саре плоской лепешкой, то сейчас луна была больше похожа на половинку круглой, ароматной дыни с которой сняли золотистую кожицу. Сара каждый год на праздник Асальта, Шавуот, покупала для своих сыновей дыню, разрезала ее пополам, приговаривая:

– Два брата – две половинки. Вы должны всегда чувствовать, что только вместе вы – одно целое. А каждый по отдельности – всего лишь половинка.

Два сына, две половинки ее сердца. С утра до вечера все ее мысли о них. Даже ночью она постоянно говорила с ними.

Сара продолжала разглядывать луну, ничего не замечая и не слыша вокруг. Она даже не заметила, как Малка, которая, не дождавшись подругу, вышла ей навстречу и, увидев ее в необычной компании, присоединилась к ним. Со стороны они выглядели очень занимательно. Еще бы! Две молоденькие невестки и тощая старушка с интересом наблюдали за полной пожилой женщиной, которая поднесла к правому глазу руку, высматривала что-то в небе. Ватага любопытных мальчишек, окружившая женщин, все больше привлекала внимание прохожих. Толпа вокруг Сары продолжала увеличиваться.

Наконец, Малка дернула ее за рукав и уже собиралась что-то сказать, как вдруг раздался сдавленный крик:

– Вижу, – женщина почему-то перешла на шепот, – сын мой, Асаф, стоит в какой-то яме. Только одна голова торчит! Как он похудел, бедный ребенок. Она внезапно показала пальцем куда-то в небо. – А вон мужчина пожилой рядом с ним. Русский. Командир, наверное. Командир смотрит через какую-то штучку, похожую на очки. Плохо видит что ли, бедный.

Внезапно лицо Сары напряглось, будто она услышала что-то.

– Пригнись! – закричала она и замахала руками. – Пригнись, кому сказала!

Женщина вдруг закачалась и начала медленно сползать, клонясь к земле. Хорошо, что ее одновременно подхватили несколько человек, но даже все вместе они не смогли удержать ее грузное тело.

– Принесите воду, – закричали в толпе.

Кто-то бросился в дом и принес кружку с водой. Малка нагнулась к подруге и помогла ей напиться. Когда Сара сделала последний глоток, она вздохнула и прошептала:

– В пилотку попал. Гитлер проклятый. А командира убил... – и она опять потеряла сознание.

Толпа, склонившаяся над ней, несколько секунд молчала, а потом началось что-то невообразимое.

– Теперь я! – раздавались возгласы со всех сторон. Люди вырывали друг у друга из рук обручальное кольцо, пока кто-то не догадался, что может взять свое. Через минуту около Сары не осталось никого. Все, даже Малка, были заняты разглядыванием луны. Она медленно встала с земли. Немного покачиваясь, направилась в сторону дома, на ходу поправляя чербол.

– Тетя, – это твой платок? – мальчик лет десяти догнал ее и протянул ей выпачканный в земле нарядный келогои. Сара молча взяла его и поплелась домой.

Прошло несколько лет. Закончилась, наконец, эта проклятая война, и мужские голоса стали вновь заполнять слободку. Обе молодые женщины получили одна за другой похоронки. Как убивались бедные... Вся слободка, которая за время войны, казалось, уже привыкла к горю, плакала вместе с ними.

Саре повезло. Оба ее сына вернулись с фронта. Сначала младший, комиссованный после второго ранения. Затем, уже после войны – старший.

Нередко братья делились своими фронтовыми воспоминаниями. Их жадно слушали. Жар войны еще не остыл.

И вот однажды...

– А еще был случай, – начал Асаф очередной рассказ. – Было это под Курском. Мы с моим другом Федором выглянули из траншеи, чтобы оценить обстановку, вдруг видится мне мать, которая кричит: «Пригни голову, я говорю!» Я даже удивиться не успел, сразу пригнул. Пуля навывлет пробила пилотку. А товарища моего убило. Когда я опять выглянул из траншеи, видение матери исчезло. Это, наверное, у меня от усталости было. Мы несколько дней до того не спали...

Сара выронила дрова, которые собиралась подбросить в печь.

«А муж мой смеялся, – подумала она про себя, – будто все это мне тогда причудилось. Что, мол, если долго смотреть на луну, перед глазами будут черные тени. А поскольку я все время думаю о детях, вот они мне и привиделись».

Она нагнулась, чтобы собрать упавшие дрова.

«Ну и ладно. Пусть думает, что мне померещилось. Главное, сын мой жив-здоров, вернулся домой. Они ведь все равно не поверят.

Что понимают эти мужчины в сердце матери?!»

Ветры судьбы

Городской зять

Сипро встала, как всегда, с первыми петухами. Стараясь ступать как можно тише, чтобы не разбудить гостей, она быстро оделась и вышла во двор. Пока ее руки выполняли привычную работу, женщина в уме перебирала все, что надо сделать в этот день. До свадьбы внука оставалась еще целая неделя. Это хорошо, что Рахиль, младшая дочь, приехала к ней со всей своей семьей за неделю до свадьбы. Когда через пару дней в доме сына начнутся хлопоты, они могут здорово помочь.

Только зять... Сипро вздохнула. Он, конечно, хороший человек, работающий, спокойный. Ее, тещу, называет дадай, мама, да еще к тому же на вы. Такое у них в слободке большая редкость, если не сказать невидаль. И все-таки Сипро побаивалась его. Ее пугала его непохожесть на мужчин, которых она до сих пор видела и знала.

Зять родился и вырос в Баку. Отец его родом из их слободки, а когда после Первой мировой войны он вернулся домой, узнал, что вся его семья умерла от холеры. Взяв в жены такую же сироту из поселковых девушек, он уехал в Баку. Поэтому зять Сипро не был знаком с порядками и устоями жителей слободки.

Год назад брат Сипро, Нисим, был в городе и зашел навестить племянницу.

Вот что он рассказывал потом сестре:

— Станный человек твой зять. Вроде неплохой, но странный. Ты не обижайся, конечно. Пришел я к ним домой. Он мне дверь открыл с радушной улыбкой на лице, со словами

«Хош овори!» – добро пожаловать, мол. Потом пожал руку, обнял. А после протянул мне тапочки, вроде сапоги у меня грязные, надо бы снять. Я ему: «Для чего это мне?» А он: жена, мол, сегодня паркет мастикой натерла, а у вас сапоги после слободской слякоти все в глине. Женский труд, мол, уважать надо. Ты представляешь! – продолжал Нисим. – Большое дело, женщина полы помыла! Еще раз вымоет, не развалится. Ради любимого дяди можно и помучиться немного. А он мне опять: «Да нет, дядя, вы не поняли. Паркет – это не простые деревянные полы. Их мыть нельзя. Они особого ухода требуют». Я уже с ума схожу: «А дядя особого ухода не требует? У нас в слободке вторую неделю проливные дожди, ну так что мы теперь с собой должны тирьохи нѳсить, чтобы переобуваться, когда в гости идем?» Он мне опять: «Вы не нервничайте, дядя. У нас постоянно есть горячая вода. Если хотите, я вам сразу колонку включу, зайдете, примете ванну, душ. Я вам пока чай заварю. К тому времени и жена с работы придет». Я уже собирался уходить из его дома, как дверь открылась и вошла твоя дочь, моя племянница. Она и решила все проблемы. Сначала завела в кухню, чаем напоила. В ванной горячую воду набрала, пока я мылся, сапоги почистила и натерла ваксой. Да нет, я ничего не говорю, зять у тебя неплохой. Когда они меня потом в больницу положили на обследование, он со всеми врачами разговаривал, деньги направо и налево раздавал, чтобы меня как следует лечили.

Что за эту неделю до свадьбы может выкинуть городской зятек, Сипро не знала. Ее слободские зятья, не то чтобы были лучше всех, но она всегда знала, что от них можно ожидать и потому разговор с ними был коротким.

Сначала в доме проснулись внуки и разбудили родителей. Вскоре они с веселым смехом плескались у рамокойника.

Потом они все с интересом наблюдали за дойкой коровы и вместе выгоняли ее к пастуху.

После завтрака Сипро с дочерью принялись готовить обед.

Дети во дворе с любопытством разглядывали ослика.

Каждый раз, когда тот кричал «И-а!», они громко смеялись, а малышка на всякий случай прижималась к отцу.

Сипро успокоилась и, ослабив внимание, переключилась на приготовление обеда, по ходу слушая городские сплетни, которые выдавала дочь.

Маленьким топориком Сипро порубила мясо для голубцов.

– Вот ты упрямая, мама, – сказала дочь, – я же тебе в прошлый раз мясорубку привозила. Давай сейчас поставим ее, и мой муж быстренько мясо провернет.

– Сколько раз я тебе говорила, – проворчала Сипро, – неприлично говорить «мой муж». Называй его по имени. А во-вторых, нечего мужчинам на кухне делать. Не позорься перед соседями.

Она вдруг прислушалась к звукам во дворе. Голоса зятя и детей раздавались издалека. Она резко открыла дверь дома и выбежала на крылечко.

Зять стоял в конце сада под раскидистой яблоней. В руках у него была лопата. Дети держали вдвоем один кувшин с водой.

Зять, объясняя им что-то по-русски, опустил лопату под яблоню и, поставив ногу у основания ствола, резко нажал на нее, выкопав большой пласт земли.

– Да что же ты делаешь! Чтобы мой хребет сломался! Что он вытворяет! – закричала Сипро на джуури. Она всплеснула руками и схватилась за голову.

– Как же ты догадался, не могу понять! – она, не отрывая взгляда от лопаты, качала обхваченной руками головой.

На крик вышла из дома дочь.

Только проследив за взглядами женщин, удивленный зять взглянул под ноги. Пласт земли приоткрыл небольшую яму, в которой стояли две большие пятилитровые бутылки с прозрачной жидкостью. Бросив лопату на землю, мужчина присел возле нее и захохотал. Его жена продолжала смотреть, ничего не понимая.

– Тещина заначка, – прокричал он ей по-русски сквозь смех, и она засмеялась вместе с мужем. Дети, не

слишком разбираясь в причине смеха, с радостью подхватили его. Сипро пришлось тоже присоединиться к общему веселью.

– Вы извините, мама, – зять снова перешел на джуури. – Я хотел вскопать сад и полить, я не знал, что у вас в погребке места нет.

– Место у меня есть, – обиделась Сипро. – Это я от вас, зятьев, прячу. Не знаю, как ты, а мои два других слободских зятя, если прознают место, за неделю всю тутовку выдуют.

– Вы не обижайтесь, мама, я человек мастеровой, без дела сидеть не могу, чем бы мне вам помочь? Хотите, за водой схожу? Я тут стояк с водой неподалеку видел.

Он нагнулся за ведрами.

– Да ты что, дорогой, меня перед соседками хочешь опозорить? Где же это видано, чтобы мужчина за водой ходил? Это не мужская работа. Вот пусть твоя жена принесет.

– А я не позволю своей жене тяжелые ведра с водой таскать!

– С каких это пор она такая неженка стала? – удивилась Сипро. – Бывало, каждое утро по два-три сова натаскает и в школу бежит.

– Чудеса, – засмеялся зять, – а дома она баллон с вареньем поднимает и потом целый вечер за поясицу держится.

– Не порть мне мужа, мама, – засмеялась дочь.

Зять взял детей за руки и направился к калитке. Затем вдруг что-то вспомнил и обернулся назад:

– Может, я возьму детей и пойду погуляю по поселку, схожу к речке? – он вопросительно посмотрел на тещу.

– Даже и не думай, – строго сказала Сипро. – Ни один мужчина тебе потом руку не подаст. Не мужское это дело с детьми малыми гулять, носы им вытирать.

– А в чайхане лясы точить – мужское? – зять уже не улыбался.

– Ну, хочешь, в синагогу сходи, – неуверенно сказала Сипро.

– Я же коммунист, мне нельзя, – покачал головой мужчина. – Ну что же у вас ни телевизора, ни радио нет?

– Телевизор мне ни к чему, а радио было, да Миши, зять мой старший, однажды стукнул по нему, оно и заглохло.

– И за что он его так? – удивился гость.

– Да оно орало чего-то там, а он спьяну не мог звук уменьшить, так, недолго думая, снял сапог да и шарахнул, – она показала на стоящий в сарае радиоприемник.

– А инструменты у вас есть? – у зятя поднялось настроение.

– Там, в сарае, и посмотри. От моего Абрама много инструментов осталось.

К обеду радиоприемник уже весело запел голосом Муслима Магомаева, а городской зять, насвистывая ему в такт, вооружившись инструментами, подправлял покосившийся и прогнивший кое-где забор.

Зашедшая на шум во дворе соседка остановилась посередине двора, с удивлением наблюдая за приезжим. Она даже забыла придумать причину, по которой зашла к ним, а повернувшись к Сипро, спросила:

– А что, тетушка Сипро, ваш зять, может, и телевизоры чинит?

– Передайте, что можно попробовать, – засмеялся мастер. Его рассмешило, что женщина не обращалась к нему напрямую.

Четверть часа спустя ее муж принес телевизор и молча наблюдал, как городской разбирает корпус. Повозившись немного, он с удивлением обратился к хозяину:

– Телевизор работает. А вот антенна абсолютно расстроена. Давайте пойдем к вам. Я постараюсь настроить антенну.

До вечера к ним зашло еще несколько соседей. Зять починил утюг, радио и настроил еще один телевизор.

Сипро расстроилась. Тревожные мысли беспокоили ее.

– Ты чего, мама, заболела что ли? – удивилась дочь.

– Да нет. Просто боюсь, сглазят тебе мужа. Наши свободские женщины особым вниманием мужей не избалованы. Надо ему на одежду булавку прикрепить.

На следующее утро зять проснулся с новой идеей.

Сразу после завтрака он долго что-то искал в сарае, затем ушел, сказав, что ему надо в промтоварный магазин.

Сипро работала по дому, ее не покидало чувство тревоги. Что он еще там надумал? Быстрее бы пролетели эти злополучные два дня, оставшиеся до свадьбы. Сын обещал загрузить зятя работой по подготовке к свадебному торжеству.

Вернулся он через пару часов с переброшенным через плечо мотком проводов и полным кульком каких-то непонятных деталей.

– Сынок, – подступила к нему Сипро, – да буду я твоей жертвой, я же тебе так и не дала распробовать тутовочки, что я последний раз нагнала. Давай-ка я тебе сейчас рыбки на печи зажарю, и мы с тобой вместе полграфинчика и распробуем.

– С вами, мама, с удовольствием, только сейчас кое-что сделаю, а вы пока рыбу жарьте, – улыбнулся зять.

– А что же ты, если не секрет, собираешься делать?

– Да понимаете ли... – он сделал паузу, подбирая слова, – у нас двадцатый век на дворе. Люди в космос летают, а у вас, простите, в туалете света нет. Дети вечером боятся в него заходить. Непорядок это. Вы не волнуйтесь, электрика вызывать не надо, я сам справлюсь.

Сипро хотела что-то возразить, но потом махнула рукой и вернулась к своей работе.

К обеду свет в туалете уже горел, и зять, довольный, ходил по двору.

Словно пчелы на мед, два старших зятя завалились неожиданно без приглашения на обед.

– Вот принес черт нахлебников, – пробормотала Сипро себе под нос. – Ну прямо наградил их Господь нюхом на дармовую выпивку.

– О, наш городской приехал! – они с чувством пожалы приезшему руку. – Как пахнет здорово рыбкой! Один из зятьев усмехнулся: – Нет, ты видишь, как наша теща городско-го привечает?

– Ничего не поделаешь, – пожал плечами другой, – верно говорят в народе: чем дальше – тем слаще. Небось, жил бы

рядом, тоже получал бы прошлогоднюю тутовку с ломтем сухого хлеба.

– Не гневи Бога, – Сипро придвинула к столу еще два табурета. – Когда это я тебя сухим хлебом кормила?

– Ладно, ладно, – зять ловко разделал рыбку, – сейчас не время старые обиды вспоминать. Ты радуйся, мамаша, три твоих зятя у тебя в доме за одним столом сидят. Твой святой долг – угостить их от всей души, чтобы завтра твоим дочерям легче было жить.

Через час накрытый во дворе стол, выглядевший до этого аппетитным натюрмортом, имел совершенно жалкий вид. Пустые тарелки с остатками свежей зелени, косточки от рыбы, кожура от огурцов, семечки от болгарского перца. На скатерти пятна от наршараба и помидорного сока.

Все три зятя были уже навеселе и горячо обсуждали животрепещущую тему: что было бы, если бы государство обеспечило слободку работой, открыв здесь промышленное предприятие.

– Как вы не понимаете, – стучал по столу городской, – открывать здесь, вдали от сырья заводы абсолютно нерентабельно.

– Если бы у нас здесь была работа, и мне не пришлось, чтобы прокормить семью, ездить по российским рынкам продавать помидоры, я, может, тоже знал бы такие слова. Так что ты на меня грамотностью не дави! – стучал по столу слободской.

Сипро сидела в стороне на душакча и била длинным тонким прутом разложенную на подстилке во дворе шерсть. Женщина терпеливо ждала, когда мужчины устанут шуметь и разойдутся.

Вдруг из дома вышла ее дочь, которая все это время кормила и укладывала детей.

– Что шумите? – накинулась она на мужчин. – Поели, попили – марш по домам выспаться!

Сипро с удивлением смотрела на дочь. Она спокойно спорила с мужчинами!

– Да ладно тебе, – ее муж попытался решить проблему мирно, – мы же не деремся, мы спорим.

– Только этого не хватало, – она непреклонно покачала головой.

Когда мужчины разошлись, дочь погнала своего мужа в дом высыпаться, а сама прибрала со стола и села около матери, помогать ей стегать шерстяные одеяла.

– Что ты шумишь на мужа? – удивлялась Сипро. – Нормальный мужчина, веселый, работающий.

– Много ты знаешь! – махнула дочь рукой.

– Идеальных мужчин не бывает, – покачала головой Сипро, – надо ценить то, что есть, тем более что тебе, в общем-то, повезло.

Вечером, когда дочь с детьми вернулась с прогулки, она с удивлением обнаружила своего мужа и мать сидящими во дворе с тарелкой сушеных тыквенных семечек и мирно беседующими друг с другом.

Дочь повела детей умыться перед сном. Сипро, проследив взглядом, как за внучкой закрылась дверь туалета, вдруг сказала:

– Слышишь, сынок, а зачем нам космос? Мы без космоса жили и еще проживем.

Он повернулся по направлению ее взгляда и замер. Установленная им утром яркая лампочка освещала небольшую деревянную постройку, в которой находился туалет. Сквозь щели плохо пригнанных досок просматривался силуэт находящегося внутри человека.

– Ну и дела, – шелуха от семечек застряла у зятя на губах. Он медленно сплюнул ее и добавил: – Завтра буду укреплять стены, я видел, где у вас есть доски.

– И то ладно, – сразу согласилась Сипро. – А послезавтра пойдешь помогать готовиться к свадьбе.

И они замолчали. На слободку опустилась тишина. Городской зять с интересом разглядывал небо. Оно здесь другое, не такое, как в городе. И как будто висит ниже: кажется, что до луны и солнца здесь ближе, а может, и до Бога.

Чарующий блеск многочисленных звезд, вышитых на черном бархате летного неба, притянул взгляды обоих. Они смотрели вверх, не в силах оторваться от представшей перед ними величественной красоты. Обоим показалось, что они прикоснулись к великому таинству.

Мужчина вдруг поежился от холода.

– Все, мама, пора спать, – он коснулся ее плеча. – Завтра предстоит новый день.

И они вошли в дом.

Новый год

За окном лил осенний дождь. Милка, прильнув носом к стеклу, с интересом наблюдала, как сильные струи смывали нарисованные вчера «классики» на асфальте под домом. Они с Маринкой так старались, чтобы линии были ровные, цифры – красивые. Они хотели, чтобы все соседи видели сверху, что их «классы» самые красивые. А сейчас противный дождь смывал всю эту красоту.

Дворовой пес Шарик сидел в только что отстроеной мальчишками конуре. Интересно, у него осталась еда?

– Ма, – сказала она, не отрываясь от окна, – у нас есть что-нибудь для Шарика?

– Шарика можно уже записать в нашу домовую книжку, – мама натянула на стаканчик носок для штопки и стала подбирать нитки под цвет носок. – Из домашнего бюджета на него уходит больше, чем на тебя.

– Там вроде был позавчерашний суп? – поинтересовался папа.

– А чего уж там, – мама пожала плечами, – можете скормить животному и ош с голубцами.

В дверь позвонили.

– Милка, открой дверь и помоги мне вдеть нитку в иглолку.

Нехотя оторвавшись от окна, она поплелась выполнять мамины поручения.

Пришел папин друг, сосед с верхнего этажа Олег Матвеевич.

– Хозяин дома? – спросил он, ласково проведя по Милкиной кудрявой головке.

Пока Милка вдевала нитку в иглолку и по папиной просьбе ставила чайник на газ, мужчины в столовой говорили о политике. Милка уже собралась выйти из комнаты, как дядя Олег вдруг сказал, обращаясь к папе:

– Я надеюсь, что ты помнишь о том, что через два дня матч «Нефтчи» – «Динамо» Киев.

– Нефтчушка проиграет, – пожал плечами папа.

– Кто бы сомневался. Но игра обещает быть интересной. Так мы смотрим у тебя? – он бросил осторожный взгляд на маму.

– Между прочим, через два дня мы идем к моей маме, – ни к кому не обращаясь, сказала она, прокусывая нитку на заштопанном носке.

– А что у вас, день рождения? – спросил дядя Олег.

– У нас Рош а-Шана, праздник такой, – мама натянула на стакан чулок и взяла в руки тоненький крючок для поднятия петель.

Милка вернулась в комнату и села в углу на стульчик. Разговор в столовой приобретал интересный характер.

– Да, это еврейский Новый год, – объяснил папа, подвигая вазочку с вареньем соседу.

– Новый год? – удивился тот. – Ну, вы, евреи, даете. Вам советская власть два новых года подарила. Вам что, мало?

– Матвейч, – махнул на него рукой папа, – не на партсобрании, не митингуи. Советская власть в восемнадцатом году перешла от устаревшего Юлианского календаря на Григорианский, отличающийся на тринадцать дней. Короче, просто перевела дату единственного Нового года. То, что народ справляет дважды, так это по привычке.

– Хорошо, что они не справляют еще первого сентября как в допетровские времена, – вставил брат, ловко смахивая пару печенье с блюда, которое мама поставила перед гостем.

– И все-таки я вас не понимаю, вы же советские люди! Зачем вам эти бабушкины обычаи и обряды?

– У тебя же дети растут. Чему ты их учишь? – продолжал возмущаться дядя Олег, обращаясь к папе. – Ты же коммунист, в конце концов.

– Ну, во-первых, партия учит уважать обычаи и традиции всех народов, что я и прививаю детям. Во-вторых, ты забыл, что при социализме происходит с одной стороны развитие и расцвет наций, с другой – их сближение. В-третьих, кое-кто тут бегаёт каждую Пасху с мамой в церковь куличи освящать и никто над ним не смеется. А самое главное, если

моим детям суждено всю жизнь слышать от других что они евреи, пусть, по крайней мере, будут знать что это.

Спор продолжался. Милка поворачивала голову от одного говорящего к другому, приоткрыв рот и стараясь не пропустить ничего. Она пыталась запомнить все, чтобы потом подробнее расспросить папу. Она уже знала, что задавать лишние вопросы при чужих нельзя и поэтому от души желала, чтобы сосед побыстрее ушел. Вообще-то девочка любила дядю Олега, он был папин друг и отец ее подруги Маринки.

Вот, наконец, спор вновь перешел на тему политики и сосед, рассказав последний анекдот про Брежнева, ушел к себе домой.

Милка подождала минуту и, подсев поближе к папе, начала осторожно:

– А зачем мы придумали себе отдельный Новый год? Чтобы быть не похожими ни на кого?

– Да нет же, – папа устало пожал плечами. – Наш Новый год намного старше. Ведь у нас уже пять тысяч семьсот какой-то год.

– Как это пять тысяч? – казалось, Милкины карие, чуть навыкате глаза, выпрыгнули от удивления.

– Ты понимаешь, что такое летоисчисление? – брат, оторвавшись от телевизора, повернулся к ней лицом.

– Н-н нет, – прошептала Милка.

– Тогда, слушай сюда, – продолжал брат. – Для начала я тебе объясню, почему человечество начало отсчитывать время. Люди издавна обратили внимание на то, что времена года сменяют друг друга и вновь повторяются. И тогда они решили считать годом полный цикл четырех времен, то есть тот период, когда Земля делает полный круг вокруг Солнца. Началом года можно было считать любое время года, но почти повсюду люди, не сговариваясь, принимали за начало весну или осень. Это, безусловно, было связано с сельскохозяйственными периодами: сев, сбор урожая. А летоисчисление – это отсчет истории, при этом за начало принимается какая либо дата. И потому...

– Да что ты как на лекции, честное слово, – махнул рукой отец. – Она еще мала. Давай я ей объясню так, как мне однажды в детстве объяснил мой отец, дедушка Пинхас, когда впервые я пошел с ним в синагогу на Рош а-Шана.

– Понимаешь, – он взглянул Милке прямо вглубь огромных открытых для всего нового глаз, – евреи ведут отсчет от шестого дня Творения. То есть от сотворения Создателем человека. И потому наш счет самый точный. Христиане раньше вели различное летоисчисление, пока однажды не договорились принимать за точку отсчета день рождения Иисуса Христа. Но поскольку человечество уже к тому времени имело свою летопись, пришлось разделить всю историю на два периода: от рождества Христова – наша эра, а все что произошло до того – до нашей эры.

– То есть такие достоверные исторические личности как Спартак и Александр Македонский жили до нашей эры, – вставил брат.

– Если все знают, что сотворение человека было пять тысяч лет назад, то почему никто не хочет вместе с нами справлять Новый год?

– Хотя бы потому, что точно, когда был сотворен человек или произошел от обезьяны по Дарвину, не знает никто, – засмеялся брат, – свидетелей не осталось, а вести письменную летопись люди начали гораздо позже.

– А какой год сейчас у азербайджанцев, например?

– Вообще-то у мусульман принято вести летоисчисление от 620 года, когда пророк Мухаммед переселился из Мекки в Медину. Но наша республика, как и вся страна и большинство государств в мире, придерживается единого летоисчисления – от рождества Христова. Это делается не по религиозным причинам, а просто потому, что человечеству сегодня гораздо удобнее пользоваться единым летоисчислением, мерами длины и веса и так далее.

Милка вздохнула и на секундочку прикрыла глаза. Ей показалось, что мысли в ее голове вдруг перепутались как клубки с нитками в корзинке у Марининой бабушки, когда

котенок Пушок оставался в доме один целый час. Они потом с Маринкой и бабушкой три дня эти нитки распутывали. Кто же сейчас распутает ее мысли?

– Да она уже засыпает от усталости! – воскликнул папа. – Все, на сегодня программа «Хочу все знать!» закончилась. Марш спать!

А через два дня Милка с папой поехали на трамвае к бабушке Малке, которая жила вместе с семьей папиного брата в центре города на улице Димитрова. Они поздравили бабушку с праздником Рош а-Шана и подарили ей теплый халат. Когда они уходили, Милка пожелала всем счастливого Нового года. Двоюродный брат Илюшка засмеялся:

– Какой-такой Новый год в сентябре?

– Это наш Новый год, еврейский, – ответил за Милку папин брат дядя Гавриил. – Я тебе обязательно расскажу, – сказал он сыну.

Вечером она с мамой помогала бабушке Хивит накрывать праздничный стол.

– Бабуля, – Милка встала на цыпочки, чтобы дотянуться до бабушкиного уха, – а я знаю: у нас Новый год.

Бабушка сдержанно улыбнулась.

– Видишь красные яблоки рядом с медом на столе? Это чтобы следующий год был сладкий. А теперь попроси папу аккуратно разрезать гранат и уложи на блюде рядом с финиками.

Пока они ждали возвращения дедушки из синагоги, бабушка села около детей и начала рассказывать.

– Наш Новый год – Рош а-Шана, не как обычный Новый год, он особенный. Это не легкомысленный веселый праздник, а очень торжественное и даже серьезное событие.

Тут не просто с веселыми шутками поднять тост за старый год, а затем за новый и так всю ночь до упада. Для нас подготовка к Новому году дело ответственное.

– Надо купить продукты к праздничной трапезе? – спросил брат.

– Нет, продукты здесь ни при чем. Просто каждый чело-

век должен сесть в тишине наедине с самим собой и восстановить в памяти свои поступки, совершенные за год, вспомнить все слова и даже мысли. Простить всех, кто вольно или невольно обидел тебя, и попросить прощения у тех, кого обидел ты.

Ты должен понять чему научили тебя события этого года и поблагодарить Создателя за полученные уроки, даже если они не всегда радостные – подальше от нашего дома. Ведь став старше на год, ты стал мудрее.

Наутро после первого дня праздника мы идем все вместе в синагогу. После прочтения рабби праздничной молитвы звучит шофар. Взгляд бабушки, устремленный куда-то вдаль, вдруг посветлел, темно-серые глаза заискрились, она тихо улыбнулась, словно вспомнила что-то дорогое-дорогое.

– Когда ты услышишь звук шофара, ты почувствуешь, как очистилась душа твоя, будто путник, что после долгой дороги через степи и болота встал под струю чистой родниковой воды.

И вот тогда ты действительно проводил старый год. Теперь можешь готовиться к встрече Нового года.

До Рош а-Шана судьбы всех людей на следующий год уже записаны в Божьей книге судеб. Увы, они не для всех приятны. Но если за десять дней после Рош а-Шана, до самого Йом Кипура попросить прощения у Всевышнего и у всех людей, кого мы обидели и обманули, то судьба может быть переписана.

– А мы все тоже должны просить прощения, чтобы у нас была хорошая судьба на Новый год? – осторожно спросила Милка.

– Какие у вас грехи? Вы еще дети, хотя, если есть за что, не мешало бы и покаяться.

Но тут пришел дедушка Рахамим из синагоги и вся семья села за праздничный стол.

Возвращались они поздно вечером. Папа остановил такси и сел рядом с водителем, Милка с мамой и братом сели на заднее сиденье.

Милка тихо прижавшись к маме о чем-то сосредоточенно думала.

– Мама, – позвала она вдруг шепотом мать, дергая ее за платье.

– Чего тебе? – мама склонилась над ней.

– А помнишь, нам дядя Боря из Москвы бананы привез?

– Ну, – ответила мама, потихоньку трогая Милкин лоб.

– Помнишь, ты говорила, что кто-то взял бананы без спроса.

– Да, – мама спрятала улыбку.

– Понимаешь, – я впервые видела бананы не на картинке, – Милка горько вздохнула. – Их ведь все равно было девять, а нас четверо. Девять ведь не делится на четыре, а восемь делится.

Она опять вздохнула и, прижавшись к маме еще ближе, прошептала:

– А правда, мне за это будет не такая уж плохая судьба на следующий год?

– Дай Бог, – сказала мама. И тут же добавила: – Ну, ты ведь, как я понимаю, просишь у меня прощения? Так я тебя прощаю.

Девочка слабо улыбнулась и, прикрыв глаза, снова затихла.

«Завтра в школе надо пойти в пионерскую комнату и потрубить в горн, – подумала она, – и тогда я уже провожу старый год. И можно будет считать, что Новый год – Рош а-Шана наступил».

Урок истории

Милка в задумчивости стояла у книжного шкафа. Что же интересного почитать? Она взяла большую книгу с третьей полки и пошла на кухню к маме.

– Ма, можно я возьму эту книжку?

Мама, не отнимая припудренных мукой рук от миски с тестом, бросила взгляд на обложку.

– «Два капитана»? – она вернулась к тесту, – можешь читать. Мама всегда проверяла, какие книги читают дети, чтобы к ним в руки не попадало то, что по ее мнению, им было еще рано читать.

Милка знала, что ее брат иногда читал книги, запрещенные мамой. Для конспирации он держал наготове другую книгу, потолще, открытую посередине. Если мама внезапно заходила в комнату, нижняя книга благополучно закрывалась верхней. Однажды Милка открыла одну из его книг наугад и попыталась прочитать. Описание какого-то страшного бала главной героини Маргариты с котом, голыми покойницами и жуткими мертвецами произвело на нее такое тяжелое впечатление, что она решила ничего, что мама не разрешает, не читать.

– Но имей в виду, – мама поправила косынку, которую всегда повязывала, когда готовила обед, – я поставила тесто для душпара, так что скоро позову тебя помогать.

Через полчаса Милка нехотя оторвалась от книжки и отправилась на кухню. Соседка Вера Ивановна, зашедшая за мукой, стояла у стенки с полным стаканом муки и, не сводя глаз с маминых рук, раскатывающих тонкий пласт теста, о чем-то рассказывала.

Милка вымыла руки и села напротив мамы.

– Ты представляешь? – подытожила свой монолог Вера Ивановна. – Что творится! Сталина на них не хватает! Он бы быстро порядок навел.

Милка привычными движениями лепила «косичкой» душпара – крошечные кавказские пельмени и внимательно

слушала разговор старших. Как только за тетей Верой закрылась дверь, она повернулась к маме.

– Ма, а Сталин это тот, кто был вместо Брежнева раньше?

– Да, – подтвердила мама и, заметив, что Милка собралась задать еще один вопрос, опередила ее.

– Так, все вопросы о Сталине к папе. Он у нас коммунист и все о нем знает.

– Па, – Милка взмахнула наскоро вымытыми и не просушенными руками над отцом. Капельки воды разбудили вздремнувшего в кресле с газетой папу, и он открыл глаза.

– Особенно быстро я засыпаю под «Правду», – пробормотал он.

– Под «Вышку» ты тоже хорошо спишь, – хмыкнул брат у телевизора.

– Не дай Бог спать под «вышку», не газетную, конечно, – усмехнулся отец. – Ты что-то хотела, дочка? – он обернулся к Милке.

– Па, а кто такой Сталин? Мама сказала, что ты все о нем знаешь.

– Не к ночи будет помянут, – пробормотал отец. – Мама твоя скажет, – добавил он погромче. – О нем все не то, что наш парторг, – наш генсек не знает. Тебе в школе задали? Ну, значит так, записывай: Иосиф Виссарионович Джугашвили...

– Нет, то, что в школе проходили, я знаю. Только это все не то. Люди вокруг часто по поводу и без вспоминают о нем. Вот потому я понять хочу: кто же он был такой?

– Великий диктатор! – крикнул брат.

– Знаешь, я бы не смог определить его только как хорошего или плохого человека. Было время, когда я его обожал, было время – ненавидел. Пока, наконец, не понял, что его нельзя воспринимать однозначно. Как и любого человека. Просто на таком посту любое достоинство человека это большой плюс, а любой недостаток – огромный минус.

– Как это? – удивилась Милка.

– Ну, если, например, один человек терпеть не может какую-то национальность, другой – никому не доверяет,

даже родному брату, не говоря уже о чужих. А наш сосед по лестничной площадке считает, что его никто не любит и все с утра до вечера думают, чтобы еще сделать ему назло: завести кота, чтобы гадил ему на балконе, пропылесосить ковры, чтобы он не мог слышать звук телевизора, устроить день рождения, чтобы он не мог спать. А теперь подумай во что эти, в сущности, мелкие недостатки могут вылиться у человека, наделенного неограниченной властью.

– Все ужинать, – крикнула мама из кухни, и папа неожиданно быстро вскочил с кресла. Милка с братом пошли вслед за ним. С мамой не поспоришь. Тем более запах свежей нарезанной мяты, чесночного соуса с уксусом и наршараба напомнили всем, что сегодня они не ужинали, а перехватывать перед едой мама строго настроено запрещала.

В воскресенье родители поехали к друзьям, и бабушка пришла посидеть с внуками.

Усевшись на кухне на душакча, она вынула вязание из корзинки, надела очки и стала внимательно пересчитывать петли, время от времени бросая на молчавшую Милку взгляд из-под очков.

– Ты что-то хочешь спросить, балай-мя? – наконец не выдержала она.

– Бабуля, а что ты знаешь про Сталина?

Бабушкино лицо скривилось в гримасу, словно ей вместо меда дали лимон.

– Ты его не любишь?

– За что его любить? Сколько душ невинных он загубил! Я – неграмотная женщина и не знаю, может, и были виноваты перед властью те мужчины, которых забирали по ночам эти люди с лицами Сатаны. Но знаю точно: жены, проведенные в лагерях и ссылках годы только за то, что не отказались от мужей, данных им Богом, не виноваты ни в чем. А их дети, ютившиеся по чужим углам или в казенных домах, эти божьи ангелы, за что страдали?

Бабушка замолчала. С минуту было слышно, как стучат спицы в ее старческих, но по-прежнему проворных руках.

– Но самое главное: он позакрывал почти все храмы и отобрал у людей веру. Но человек не может без веры. И тогда они стали поклоняться ему. «Не сотвори себе кумира на земле», – сказано в заповедях, полученных Миши - рабейну от самого Создателя...

Она вздохнула.

– Твое счастье, что ты не видела те времена, когда люди посвящали стихи и романы Сталину, называли в его честь города и села, заводы и колхозы... и своих детей. Его именем клялись, на него, единственного, надеялись, к нему зывали о справедливости, во имя него совершались подвиги, с его именем на устах умирали солдаты во время войны. Да разве позволено смертному попытаться заменить Вечного, Вездесущего и Милосердного!

– А великий Насими сказал, – брат, внезапно возникший в проеме двери, ведущей в кухню, встал в позу артиста-декламатора и, подвывая, прочитал:

«Я – вечный свет, лишь с виду прах!» – сказал я.

«Суть всех вещей – в моих словах!» – сказала я.

Пусть не все поймут, пусть не все поверят:

«Аллах во мне, я сам – Аллах!» – сказал я.

Довольный собой, он открыл холодильник и начал внимательно изучать его содержимое.

Бабушка ответила не сразу.

– Знаешь, я могла бы сказать, что, во-первых, Насими был мусульманином, во-вторых, что даже они посчитали его еретиком и казнили, содрав с живого кожу. Но не забывай, что слова великого поэта-дервиша имеют скрытый смысл. А понять его мне не дано.

– Я тоже ничего не поняла, – поддержала Милка бабушку, – но ты собиралась мне что-то рассказать.

– Давай-ка, я расскажу тебе о том, что было в нашем дворе, когда народ узнал, что Азроил забрал этого душегуба.

– Азроил – это ангел смерти? – спросил брат, жуя поддерживаемый двумя руками огромный бутерброд и одновременно одной ногой подталкивая табуретку поближе к себе.

– Не называй этого имени вслух!

– Но ты же говоришь!

– Я старуха, мне можно! Ну, так слушайте. 2 марта 1953 года в честь еврейского праздника Пурим мы с дедушкой Рахамимом пошли в синагогу. В помещении нашей горско-еврейской синагоги нет места для женщин и я, как всегда, осталась сидеть под открытым окном. С замиранием сердца мы слушали рассказ рабби про Эстер, которая спасла еврейский народ от гибели. Мы, женщины, смеялись и радовались счастливому концу с проклятым Аманом на виселице, будто не слышали эту притчу каждый год. И тогда же я про себя стала просить Господа об освобождении моего народа от сегодняшнего Амана.

Когда мы вернулись домой, соседка со слезами на глазах рассказала о том, что у товарища Сталина случился приступ...

Я не просила ничьей смерти, это грех – вмешиваться в дела Господни, я просила всего лишь освобождения.

5 марта. Весеннее солнце уже давно поднялось. Деревья, украшавшие старый Баку: тополя, акации и тутовники еще оставались голыми после холодной зимы. Но тонкий, едва заметный запах весны начинал пробиваться через закрытые почки, неся с собой запах надежды.

Было утро. Мужчины уже ушли на работу, женщины начали заниматься домашними делами. Кто-то ставил корыто посередине балкона, кто-то начал уборку, кто-то собирался в магазин.

Вдруг Мария, соседка с верхнего этажа, выбежала на балкон и закричала на весь двор: «Сталин умер!» Она упала на колени и начала рыдать и причитать:

«На кого ты нас покинул, отец наш! Что же ты нас сиротами оставил!»

И тут же по всему двору женщины стали падать на пол, снимать с себя платки, распускать волосы в знак траура и рыдать. Вавилон! Со всех сторон раздавался плач и причитания на разных языках. Балконы же у нас общие, вы знаете, а теперь представьте: они были полны людей. Женщины выли, били себя в грудь, раздирали себе лица ногтями, дети

всех возрастов плакали от страха, мужчины, оставшиеся дома, не сдерживали рыданий.

Бабуля вздохнула.

– Я стояла посередине этого кошмара, словно жена Лота, превратившаяся в соляной столп. Вокруг меня звучали стенания на русском, джуури, азербайджанском, армянском и лезгинском. Боже милостивый! Я знала этих людей много лет. Я знала их и в горе, и в радости. Но такого я не видела ни до, ни после. И слава Богу! Люди буквально заражались один от другого этим безумием, старались перекричать и переплакать друг друга. И самое страшное – они были вполне искренними!

Вдруг я увидела, что одна из женщин бросила странный взгляд куда-то вверх, я проследила за ее взглядом и мгновенно поняла. Двери квартир, где жили родные «врагов народа», были плотно закрыты. Оставалось только предполагать, что творилось за закрытыми дверями. Решив опередить ее, я схватила кувшин с водой со стола и первый попавшийся стакан и кинулась к этой женщине.

– Тебе надо успокоиться, – прошептала я, подавая стакан с водой. Она выпила воду и посмотрела на меня глазами полными горя.

– Что теперь будет с нами? – тихо спросила она. – Кто защитит нас от врагов, кто направит нас на нужный путь, кто накормит нас?

– Господь не оставит детей своих, – пробормотала я тихо, но она не слышала меня. Схватившись за голову, она начала раскачиваться из стороны в сторону.

Я стала обходить женщин, давая каждой стакан с водой и успокаивая их. Еще неизвестно, кто придет вслед за этим дьяволом, на всякий случай, стоило ходить между людьми со скорбным выражением лица. Пусть Господь простит меня. По крайней мере, я помогала ближнему.

Вдруг во двор вбежала Батсуин из соседнего двора. Волосы ее были распущены. Платок лежал на плечах.

– Женщины! – закричала она на джуури. – Около Дома правительства делают гирь по Сталину, оплакивают дорого

вождя. Давайте и мы пойдем вместе со всеми отдадим свой последний долг нашему парчао, кормильцу и победителю войны.

Часть женщин сорвалась и выбежала со двора. Оставшиеся немного повсхлипывали и вернулись к домашним делам.

– Но ведь он и вправду выиграл войну, – осторожно сказала Милка.

Бабуля Хивит бросила на нее недовольный взгляд.

– Для меня войну выиграла мой муж, до сих пор страдающий от боевых ранений, мои несчастные братья, мужья моих сестер, отдавшие свои жизни на войне и оставившие своих жен вдовами, детей – сиротами.

– Мы подошли к войне неподготовленными, – сообщил брат, важно взирая с табуретки на сестру с бабушкой, сидящих на полу. – Сталин не верил нашим разведчикам, что война начнется в сорок первом и начал перевооружение армии.

– Вот видишь, – бабушка выразительно показала на внука, – я неграмотная, я книг не читаю, я читаю сердца.

Вдруг на пороге кухни появились родители.

– Ничего себе! – воскликнула мама. – Можно было войти в квартиру, обчистить и выйти, а вы бы ничего не заметили.

– А мы думали, что вы уже третий сон видите, – папа покачал головой.

– Вот и бабуле поздно возвращаться домой.

– О чем беседовали хоть?

– Да так, – бабушка бросила взгляд на внуков, – про жизнь.

Она встала с пола и пошла одеваться.

Перед тем как окунуться в сон, Милка подумала, что взрослые как всегда не смогли ответить на ее вопросы. Видно придется самой искать ответы на них.

Судьба

Яфа вышла из кабинета профессора и, стараясь сохранять спокойствие, ровным шагом пересекла коридор. Она кивнула головой милой девушке из регистратуры, которая помогла ей всего лишь полчаса назад. Сколько же изменилось за эти полчаса! Нет, в жизни человечества, страны и даже города ничего не изменилось. Хотя, откуда ей знать? Может быть, за эти полчаса кто-то в целом мире, стране или даже в ее городе получил такой же смертельный приговор. Она вздохнула и вышла на улицу.

Стояла поздняя осень. Холодный, почти зимний ветер пронизывал женщину, одетую в легкое пальто, до самых костей, но она, казалось, не чувствовала холода. А тут еще начался противный мелкий дождь и ветер теперь не просто дул ей в лицо, но и промокал холодными каплями ее всю – от тонкой капроновой косынки, покрывающей голову, до открытых туфель на каблучке, которые она надела по случаю визита к известному профессору.

– И что теперь? – этот вопрос возник где-то в глубине ее сознания. Словно каждодневные мысли куда-то исчезли, чтобы она могла ответить на единственный, ставший наиболее важным, вопрос: «Что теперь делать?»

Слезы, будто предупреждая страшный ответ, полились из глаз, смешиваясь с каплями дождя.

Когда-то в детстве она слышала в разговоре взрослых, что каждый человек рождается с уже написанной судьбой. И потому в их еврейском местечке, где жили в основном верующие люди, на все превратности судьбы они пожимали плечами и говорили: «На все воля Господа!» Или просто: «Гисмет, судьба!»

Почему же ее судьба такая несчастливая? Разве мало она в жизни выстрадала? И вот, когда, все потихоньку наладилось, у нее забирают саму жизнь.

– Вы сами врач, вы понимаете, – сказал ей профессор, – опухоль стремительно увеличивается, операция неизбежна.

На следующей неделе вы должны лечь в больницу. Я сделаю все необходимое. А там, как Бог даст.

Яфа автоматически бросала взгляд на номера подъезжающих автобусов. Ее автобус все не шел. Она не любила долго ждать, казалось, что за это время она успела бы дома переделать кучу дел. Ей всегда катастрофически не хватало времени. Но сейчас необходимо было побыть одной, все обдумать, все взвесить. Она попыталась силой воли остановить слезы, но они продолжали тихо стекать по щекам. Яфа вышла из-под навеса остановки и вновь подставила лицо дождю. Пусть люди думают, что это капли дождя. Что подумают люди?.. Сколько раз в ее жизни эта мысль не позволяла делать то, что велело сердце.

Впрочем, это все гисмет. Значит, так написано в книге судеб.

* * *

Яфа росла серьезной и вдумчивой девочкой. То, что она была старшей в семье, только добавляло ее характеру ответственности. А когда в сорок третьем пришла похоронка на отца, вся забота о младших легла на ее плечи. Мать, всю жизнь прожившая в тени отца, была женщиной доброй и мягкой, и потому переложила на старшую все заботы. Распределив между сестрами домашние дела Яфа решила, что в шестнадцать лет ее учеба закончилась и пошла искать работу.

Директор школы, с которым она поделилась планами, помог устроиться библиотекарем.

Дома она никогда не читала книг. Мать считала чтение пустым времяпровождением. Но волшебный мир книг уводил ее от тесноты, горя и нищеты, окружающих в реальной жизни.

Красивые женщины с иллюстраций в шляпках с вуалью и в воздушных светлых платьях не были похожи на женщин еврейской слободки. Они не ходили с кувшинами к ручью,

не стирали в медных корытах в ледяной воде, не выскребывали и выбеливали убогие дома перед Нисану. Они красиво одевались, красиво разговаривали, а главное – красиво любили.

Внешне она оставалась той же серьезной и скупой на эмоции девушкой, но в душе ее родилось сначала робкое желание, а затем надежда, что и в ее серой жизни произойдет что-то необычно яркое и красивое.

Ему было восемнадцать. Она сразу выделила его из всех своих читателей, хотя кому-то он мог показаться и обыкновенным мальчишкой. Своей романтической и поэтической натурой он не походил на своих сверстников, и именно это привлекало ее.

Все, что было между ними – это жаркие споры. Например, о том кто сильнее любил: Ромео Джульетту или Меджнун Лейли.

Когда его забрали в армию, война уже почти закончилась. Он писал красивые письма. Называл ее нежной розой, выросшей в чистом поле рядом с полевыми цветами, а себя – маленькой серой птичкой, которая, увидев розу, залилась соловьиными трелями. Потому, что любовь делает из простого воробья соловья. Даже если его слышит только нежная роза.

Но через два года мать юноши, ставшая вдовой, забрав детей, уехала к брату в Баку. «Добрые» соседи передали, что он из армии вернулся уже в город, что родные нашли ему там и работу, и невесту.

Да... Соловей вновь стал простой серой птичкой. А нежная роза, высушив под ярким весенним солнцем слезы и убедив себя, что это просто утренняя роса, вернулась к жизни.

Лет через пять, когда она уже жила и училась в Баку, тетя попросила занести что-то ее подруге. Девушка зашла в маленький темный дворик на улице Карганова и остановилась, на секунду дав глазам после яркого солнца привыкнуть к полумраку. Знакомый образ вдруг предстал перед ней, словно выплыл из давнишнего сна: сутуловатый невысокий мужчина с маленькой девочкой на руках.

– Это ты? – прошептал он. Его серые глаза распахнулись от удивления.

– Нет, это не я, – она усмехнулась бледной копии соловья, – это та, кем стала нежная роза из твоих воспоминаний, – стальной цветок.

...Яфа шла, не поднимая глаз от своих стареньких ботинок. Кто этот высокий мужчина в военной форме, что, не отрываясь, смотрит на нее? Кажется, он военный. Это о нем его мамаша прожужжала уши всему поселку. Почему он так смотрит на нее? Боже, как стыдно! Только бы не показать своего смущения, чтобы он не подумал, что я, будто какая-то провинциальная дурочка, растаю, увидев его погоны.

А спустя несколько дней в библиотеку явилась новая читательница. Она явно была чужая среди стеллажей с книгами. Вдруг она вспомнила: это же сестра того военного офицера. Девушка выждав, когда Яфа осталась одна, затараторила без всякого вступления:

– Вчера мой брат ругался с мамой из-за тебя. Он хочет, чтобы мама послала к тебе сватов. Но она категорически не желает слышать об этом.

Яфа опустив голову, продолжала сосредоточенно записывать названия книг в журнале.

– Мама говорит, что у тебя нет ни одного плюса. Ты не слишком красивая, не слишком молодая, да и приличного приданного твоя мать дать не сможет. Ну, просто – из себя ничего не представляешь, а по слободке ходишь, словно весь мир у твоих ног. Мой брат говорит, что ты не такая как все и хочет только тебя.

– Ты не можешь говорить потише? – Яфа старалась выглядеть спокойной. Она нагнулась и вытащила стопку книг из-под стола.

– Ты действительно, как ледяная, – девушка вскинула рыжеватые брови. – Неужели тебя это не волнует?

– На все Божья воля. Что должно быть – будет, – она стала вынимать формуляры из книги. – Что мне теперь – броситься с обрыва?

Он пришел на следующий день. Постоял в сторонке, дождал пока уйдут два паренька.

– Моя сестра к тебе вчера приходила?

– Да, – она не поднимала головы от работы.

– Мать уперлась и все. Я уезжаю. Через полгода опять приеду. Если мать не согласится, я тебя просто увезу к себе в гарнизон. Там и поженимся.

Он ушел, не дожидаясь ответа. Через полгода он приехал опять.

«Какого ответа он ждет от меня?» – Яфа поглубже закуталась в шерстяную шаль. Снег валил без остановки, и мелькнула мысль, что опять придется прокладывать дорожку к библиотеке.

Неужели он не понимает, что у нее есть младшие сестры. Если она уедет с ним без свадьбы, ни одна уважающая себя мать не пошлет в их дом сватов. Сестрам останется выходить замуж только за вдовцов и разведенных. Кроме этого, ее побег ляжет пятном на честном имени отца, погибшего на фронте.

Да и мать. Как же она ее оставит? Разве мало ей горя в жизни выпало?

Его женили на молодой шестнадцатилетней девушке. Ее родители устроили веселую свадьбу, а через неделю молодые уехали в дальний гарнизон, где офицер проходил службу.

* * *

...Когда подошел автобус, желающих сесть в него оказалось больше, чем могло вместиться. Обычно она, сгибая руки калачиком, словно пытаясь в каждой из них удержать по арбузику, рассекала толпу, проталкиваясь вперед. У нее, как всегда, не хватало времени. Кроме больных, которые ее ждали, надо было заниматься хозяйством, а главное – дочкой. Яфа старалась не только вкусно покормить, одеть и обстирать малышку, но и гулять с ней, играть, развивать.

В ее детстве взрослые не слишком занимались детьми, и она старалась дать своему единственному ребенку все: и любовь, и игрушки, и заботу.

– Куда я несусь? – женщина одернула себя и разжала согнутые привычным калачиком руки. – Сэ́йчас любой нечаянный удар может привести к нежелательным последствиям.

* * *

Проплавав всю субботу в поле, она вернулась домой с твердым намерением доказать всем и прежде всего самой себе, что она чего-то стоит. И тетки, и мать были недовольны ее решением, но это ничуть не сломило ее, и уже через несколько месяцев она училась в институте в Баку.

Беспокойные тетки постоянно пытались устроить ее судьбу, знакомя ее с потенциальными женихами, но что-то не складывалось. То мужчины находили ее чересчур самостоятельной и уверенной в себе, то она не видела в них того надежного спутника, с которым стоит идти по жизни.

Яфа вздохнула. Возможно, она сама виновата. Ведь каждый раз, находясь перед сложным выбором, думала про себя: «Что скажут люди? Мол, столько лет выбирала и кого выбрала!»

Мысль о том, что можно выйти замуж за человека другой национальности, даже не приходила ей в голову. Она сразу пресекала все попытки коллег по работе или своих пациентов на какие-либо «неуставные отношения».

В какой-то момент она с отчаянием обнаружила, что ей уже тридцать пять, времени для того, чтобы родить дитя почти не остается, а человек, предлагающий в данный момент руку и сердце более некрасив, чем все мужчины, когда-либо встречавшиеся ей. Мать, к тому времени уже выдавшая замуж всех дочерей и женившая сына, с мольбой в глазах тихо сказала:

– Зато у тебя останется ребенок!

Муж оказался хуже не только внешне. Разницу в образовании, интеллекте и социальном статусе он преодолевал

рукоприкладством, бранью и выпивкой. Ни на какой работе не удерживался, да и работать не сильно стремился.

И все-таки Господь сжалился над ней и дал ей то, что наполнило ее жизнь смыслом – он подарил ей дочь.

...Следующий автобус пришел на удивление быстро и оказался полупустым. Ей даже нашлось место у окна. Она сначала без всяких мыслей следила за менявшимися за дождливым стеклом сюжетами: вот закончился Арменикенд, вот один за другим проплыли микрорайоны.

Сколько нервов стоила ей квартира в одном из новых домов девятого микрорайона. А сколько душевных и физических сил стоил ей развод! Муж не хотел выселяться из их общей квартиры, пока дружки-собутельники не довели его до скамьи подсудимых.

И именно сейчас, когда они с дочкой остались вдвоем в своем гнездышке, им бы жить да поживать и радоваться жизни, Господь посылает ей новое испытание: тяжелую болезнь.

Она знала, что если во время сделать операцию, можно после этого прожить годы, а можно сгореть за короткий срок.

– Черт со мной, видно родилась я не для счастья, а для страданий, – прошептала она, – что будет с моим цветочком?!

Гызыл-гуль – золотой цветок, Розочка, так назвала она дочь. Где она будет жить? Кто будет о ней заботиться?

Выйдя из автобуса, Яфа решительно направилась к магазину канцтоваров. Купив общую тетрадь в клеенчатой коричневой обложке, она пошла домой. Ее одолевали невеселые мысли. Так, первое: придумать как оставить квартиру на несовершеннолетнюю дочь, второе: кого оформить опекуном, третье: составить список приданого. Надо активно заняться им. Ведь до сих пор она не слишком торопилась, ее малышке только четыре.

Забрав от соседки дочь, Яфа покормила ее, почитала книжку и уложила спать.

Решив, что стоит отложить тяжелый разговор с сестрами на завтра, она поставила чайник на газ, взяла тетрадь, села за кухонный стол и неожиданно для себя начала писать:

«Если Богу будет угодно, на летние каникулы надо поехать с дочкой в Красную Слободу и пожить там пару недель, побегать с малышкой по лугам, горам, где прошло мое детство. Искупаться в речке, если она не обмелела. Показать дочери где растет инжир, яблони, азгиль, заросли малины и ежевики, что кормили нас во время войны. Дать садаго – пожертвование в синагогу, чтобы помянули отца и мать в субботней молитве. Сходить с дочерью на могилу матери, попросить прощения и проститься. Мне надо все успеть. Время уже пошло. На все воля Господа. Гисмет».

Гора с горой не сходится, человек с человеком сойдется

П алящее полуденное солнце испускало тепло и свет такой силы, что обычно лазурное небо выглядело выцветшим. Асфальт под ногами прохожих обдавал жаром, словно желтый сыпучий песок Пиршагинского пляжа в конце июльского дня.

Женщина средних лет в легком шифоновом платье медленно вышла из-под высокой арки ворот Центрального рынка. Остановившись, она поставила тяжелые сумки у ног, обутых в золотистые модные сабо, в которых ходила четверть женского населения Баку. Полные смуглые руки взметнулись к чуть опущенной голове, подхватили разваливающийся тяжелый валик черных, с рыжинкой хны прямых волос и привычным движением вкололи шпильки в «бабетту».

Нагнувшись за сумками, женщина хотела было вновь подхватить их, как, сидящий в киоске с надписью «Союзпечать», пожилой мужчина окликнул ее на джуури:

– Руз а-хай бу, добрый день Лиза! – он сверкнул золотыми зубами.

– Здравствуйте, Пинхос, – приветливо улыбнулась женщина и, подняв тяжелые сумки, подошла к будке.

– Как базар? – спросил мужчина. Почувствовав, что вопрос задан просто для вступления к беседе, женщина неопределенно передернула плечами и, махнув рукой в сторону рынка, равнодушно сказала:

– А, чтобы они сгорели! Простому человеку всякий норовит в карман залезть, а в кармане закончится – в глотку за последним куском хлеба руки протянут.

Ее дородная фигура в густом облаке французских духов «Клима», бриллиантовые серьги, блестящим светофорчиком сверкающие на толстых мочках, мало вязались с последним куском хлеба, и потому мужчина не остановился на этой теме, а продолжил:

– Вот, – он показал на стоящую возле киоска женщину, на которую Лиза сначала не обратила внимание, – это Хайка, жена моего старшего племянника – сына двоюродного брата Довида. Ей надо на Первомайскую, а она отсюда дороги не знает. Тебе ведь тоже в ту сторону. Не сочти за труд, покажи дорогу: еврей еврею всегда помочь должен.

Лиза бросила изучающий взгляд на женщину. Все в ней – от синего в мелкий горошек платка, покрывающего голову, и завязанного узлом на лбу, добротного, но сидящего мешком на поджарой фигуре темно-вишневого трикотинного платья, горящей на солнце толстой золотой цепочки, до одетых, несмотря на жару, чулок и темно-коричневых совершенно немодных туфель – выдавало сельскую жительницу.

– Хош омери! Добро пожаловать! – пропела на джуури Лиза.

Перспектива идти вместе с этой деревенщиной по городу ее мало вдохновляла, а еще больше пугало, что малознакомая гостья по сельской привычке захочет зайти к ней в дом. А она с утра еще не прибирала: решила пойти на базар, пока солнце не сильно печет, а уж потом уборку затеять. Но выбора особенно не было. Выгодное место возле Центрального базара Пинхос использовал не только для бойкой продажи сигарет и газет: сюда стекались сплетни и новости городской общины и, обогащаясь, растекались дальше.

– Вам на Первомайской какой номер нужен?

– Мне почти до конца. Давайте, я вам помогу, – Хайка нагнулась и подняла самую тяжелую из сумок.

– Что вы, это неудобно, – начала было Лиза, протянув свободную руку к спутнице, но, заметив как та легко несет почти десять килограммов фруктов, осеклась.

– Наши слободские женщины сильные и выносливые, не то, что ваши городские. Когда мой брат с семьей к нам на лето приезжает, его жена всегда днем спит! У нее, видите ли, эта, как ее, мигрень будет, если она днем не отдохнет. От такой болезни палка – лучшее лекарство. Сколько живу, никогда еще пока солнце не зайдет, голова моя не касалась подушки. Даже если она и болит: платок пониже повяжешь, потуже

затянешь, чай цветочный с медом попьешь – и за работу! Мне рассказывали, что здешние роженицы платят деньги, чтобы им обезболивающий укол сделали! А еще мне говорили, что есть такие молодухи, которые просят, чтобы их усыпили и разбудили, когда врачи сами ребенка достанут. Чтоб такие матери сгорели! – женщина выразительно послала в воздух раскрытую ладонь свободной руки. – Пусть уже проснутся, когда ребенок в школу пойдет, чтобы пеленки не стирать, коровы ленивые.

– Да нет же, – Лиза снисходительно улыбнулась, – усыпляют, только тогда, когда по медицинским показаниям нужна операция. Что касается обезболивающего, то что в нем плохого, разве мы и так недостаточно мучаемся?

Лиза остановилась, опустила тяжелую сумку на землю, помассировала затекшую ладонь с красным рубцом и тут же подняла ее другой рукой.

– Вы наших городских девушек ругаете? – продолжала она. – Тоже мне – говорила овца козе: «У тебя зад виден!» Вы бы на своих посмотрели! Вон, сестра моя, пару лет назад поехала в Красную Слободу на свадьбу родственников. Приехала оттуда и пристала к сыну: зачем тебе городские неженки и капризули, возьмем тебе простую, скромную и работающую. И уговорила – таки! И что?! До свадьбы невеста глаза на свекровь не поднимала, со свекром даже разговаривать стеснялась – прямо краской покрывалась! А после свадьбы сначала глазки открыла, затем начала их красить, как клоун в цирке, дорвалась до косметики. А как сына родила, обнаглела, как будто кусок золота мужу и его родителям подарила! Подумаешь, заслуга! Кошка тоже рожает! А рот открыла – закрыть невозможно. Если ее золовка платье новое сошьет – эта орет, что ей два полагается, а в день обручения своего деверя, она осмотрела все табахо, подносы с подарками, и без всякого стыда при гостях такой скандал учинила, бийобур на весь мир! Позор! И не нужно ее домовитости после этого! Я своему сыну сказала, что для него буду только городскую девушку искать.

– А чем ваш сын занимается, уважаемая?

– Он после армии милицейскую школу окончил. Сейчас в ГАИ работает.

– Я вам вот что скажу, Лиза, из-за одной блохи рубашку не сжигают, и вы напрасно по одной невестке обо всех судите. Плохие девушки есть везде. Но недаром у нас говорят: «Хорошая невестка – свет в доме». Вот у меня, например, девочек как хлеб горячий из тану разобрали, двух дочерей сразу после школы отдала, третью – в десятом классе прямо с выпускного на свадьбу забрали. В доме только младшая дочь. Самая умная и красивая, тьфу-тьфу не сглазить! В школе училась «на отлично». Хотела в Баку поехать, в педагогическое училище поступать, да отец не пускает. Хозяин мой, между прочим, вместе со старшими сыновьями на российских базарах в жару и в холод вкалывают, чтобы дочь с хорошим приданым в приличные руки отдать, да младшему сыну квартиру сделать и женить.

– А где ваш младший сын?

– Он у меня самый умный – чтобы миновал его недобрый глаз и злые языки. Сам в медицинский институт поступил. С третьего раза всего лишь. Вот я сейчас к нему и иду. Он пока у моего брата в доме живет, а через год как раз институт закончит, мы ему квартиру сделаем и женим.

– И то, правда, Хайка. Плохие снохи встречаются везде. Вот моя золовка взяла за своего младшего дочь двоюродного брата. И что вы думаете? Такая скандалистка оказалась, что если бы специально искала, не сразу бы нашла. Как говорит моя соседка-армянка: «Когда арбуз на базаре покупаешь, всякий тебе со своим советом лезет – все специалисты, прямо. А уж как продавец товар нахваливает! Но пока не разрежешь – не узнаешь! Так вот, выбор хорошей невестки – это как выбор арбуза: пока сватаешь, столько всего со всех сторон слышишь, но только после свадьбы узнаешь ей истинную цену». И вообще я вам скажу – мозол, удача необходима во всем: и арбуз покупать и невестку выбирать.

Вот моя дочь, к примеру, клянусь Аврамом, не хвастаюсь, кого хочешь спроси: красавица, умница. С работы – прямо

домой. Никаких подруг-модруг у нее нет. Я ей говорю: «Даст Бог, замуж выйдешь, что я делать буду?! Я же забыла, когда я в последний раз печку, ванную мыла». А полы у меня дома благодаря ей: кусок масла уронишь – можешь спокойно с пола поднять и съесть, ни одной пылинки. Сколько в дом людей заходит, я, не дай Бог, не хвастаюсь. Верите, мы даже хрустальные стаканы помыть не успеваем, как в дверь очередные сваты стучатся. Клянусь Абрамом!

– А что же вы не отдаете? – в черных глазах Хайки проскользнула усмешка.

– У нас всего одна дочь, не десять, мы за кого попало не отдадим! Мы хотим, чтобы зять у нас был культурный, воспитанный, с хорошей специальностью, – Лиза остановилась, но на этот раз не опустила сумку на землю, а просто переложила ее из одной руки в другую. – Да моей Мариночке только девятнадцать исполнилось, время еще есть.

– Да пошлет ей Господь удачное сватовство, чтобы нашла свою судьбу и в ближайшее время встала под хупу!

– Спасибо, дорогая. С твоей дочерью вместе! Со всеми теми, кто еще не нашел половинку своей души.

И они одновременно скороговоркой затянули пожелания, заканчивая традиционным: «Да не отвернется Господь от народа своего. Пусть в счастье и радости множится наш народ!»

– Вот и дом мой. В интересном разговоре и не заметили, как дошли. Подниметесь со мной, Хайка. С дороги отдохнете, чай с вареньем попьем.

– Что вы, Лиза, я в дороге как раз отдыхала: когда еще столько часов без дела просидишь? В следующий раз, дорогая.

– Моя квартира на третьем этаже, справа. Двери моего дома всегда открыты. Будете рядом – заходите.

– Обязательно. Будьте здоровы!

– Счастливо вам!

Лиза подняла обе сумки и медленно пошла в сторону дома. Улыбка сошла с ее лица. Она вздохнула.

«Ох, нелегко быть матерью взрослых детей!»

Параллельные прямые

Света стояла перед зеркалом и медленно втыкала шпильки в скрученный на затылке аккуратный валик черных вьющихся волос.

– Можешь взять ту золотистую заколку, что тетя Шошана из Израиля прислала, – крикнула мама из кухни. – И не забудь: ровно в десять папа за тобой придет.

– Ну, мама, может до одиннадцати? – Света состроила себе в зеркале плаксивую гримасу. – Я же не маленькая девочка, все-таки студентка уже.

– Вот именно, что взрослая девушка. Девятнадцать лет, Борух а-Шем. Я не хочу, чтобы потом соседи болтали о тебе невесть что.

Девушка не расстроилась. Другого ответа она и не ждала.

Золотистая заколка как нельзя лучше подошла к новому, горчичного цвета трикотинному платью. Портниха Аида была так довольна тем, как оно сидело на Свете, что даже хотела сфотографировать ее. Ну, чтобы показывать всем клиентам, какая она замечательная портниха. Мама, конечно же, не позволила фотографировать дочь – не дай Бог взглянут ребенка, но рассказала об этом всем знакомым. Даже папе понравилось это платье. Ему вообще нравилось, что в моде платья «макси», которые закрывают ноги.

Света подмигнула своему отражению в зеркале промурлыкала: «Нет, все-таки я чудо как хороша!»

Улыбка ее и впрямь была чудесной, с оригинальной ямочкой только на правой щеке. И, словно для того, чтобы ямочка случайно не перепутала свое место, над ней красовалась родинка.

Девушка собиралась на день рождения своей однокурсницы Аллы Шустер. Родители отпускали ее на студенческие вечера и дни рождения подруг очень редко, считая, что домашней, горско-еврейской девушке там делать нечего. Но обстоятельства сложились так, что папа Аллы был

главным инженером на заводе, на котором работал Светин отец, а дядя Аллы – начальником цеха в котором трудилась ее мама. Посоветовавшись, родители решили, что дружба с воспитанной девушкой из приличной ашкеназской семьи с хорошими связями может пригодиться их дочери в будущем и отпустили ее на вечеринку, но только до десяти вечера.

* * *

Вот уже полчаса Света сидела в углу комнаты, теребя изящный браслетик, золотистой елочкой огибающий ее тонкую руку. Тетя, подарившая его на восемнадцатилетие, переживала, что не угадала размер, и браслет теперь будет провисать на руке и, чего доброго, может незаметно соскользнуть. А ведь так удобно: сидеть, слегка улыбаясь, показывая всем, что тебе весело, отстукивая в такт каблучком, играть с тонким браслетиком под завораживающий голос Джо Дассена.

Этот парень напротив не сводит с меня глаз. Один раз даже на танец пригласил. Она, конечно, не пошла. Света тяжело вздохнула своим мыслям. Ну, как объяснить всем, что мама запретила танцевать медленные танцы.

А какой симпатичный парень, на итальянца похож. Точно. Марчелло Мастроянни. Даже усики такие же.

Света взяла из глиняного, в виде огромного лепестка блюда яблоко, казавшееся при приглушенном свете каким-то не вполне натуральным, из папье-маше что ли, и нехотя надкусила его...

Она потом так и не поняла, почему вдруг вот так, на пустом месте, поперхнулась и закашлялась. На секунду ей показалось, как что-то, будто пробка от бутылки, закрыло ей горло, и она вот-вот задохнется. Юноша, похожий на итальянца, мгновенно оказался рядом с ней. Он быстро поднял ее со стула, поставил на ноги, повернув ее спиной, обхватил руками, сцепленными в замок на ее животе и сделал два энергичных движения, сдавливая живот. Кусок яблока

с красной кожурой пулей вылетел из горла и шлепнулся на пол. Юноша протянул Свете стакан с водой. Музыка внезапно прекратилась. Алка, подхватив под руку высокого рыжего парня, бежала к подруге.

– Не волнуйся, Аллочка, – чуть заикаясь, говорил рыжий, – Мишка у нас отличник – что, он инородное тело из дыхательных путей не удалит?

– Все хорошо, – прошептала Света, краснея от того, что невольно оказалась в центре внимания, – я в порядке, продолжайте веселиться.

Кто-то опять врубил музыку.

– Светик, я тебя не познакомила, извини, – Алла белыми полными руками обхватила тонкие смуглые плечи подруги, – это – Миша Елизаров, – она показала на Светиноного спасителя, – друг Додика, – она кивнула на рыжего парня с которым, впрочем, Света была знакома, – и его сокурсник в медицинском институте.

Додик пригласил Аллу танцевать, Света с Мишей остались вдвоем.

Яркие лампочки светомузыкальной установки, озаряя темноту разноцветными лучиками, скакали в бешеном ритме, а вокруг них выделявали коленца студенты.

Около сдвинутого к стене небольшого стола, заставленного фруктами, тарелочками с салатами и бутербродами, стояли, словно на крошечном островке посреди бушующего океана, тонкая девушка в облегающем ее статную фигуру длинном платье горчичного цвета, кажущимся в полутьме золотым, и высокий худощавый юноша в сером костюме.

Светины щеки пылали. Она понимала, что будущий врач оказал ей, так сказать, первую медицинскую помощь. Но... минутное прикосновение мужских сильных рук смутило ее и кружило голову. Он склонился над ней и прошептал на ухо: – Давай, выйдем на балкон. Ты вся горишь. И, заметив сомнение на ее лице, неожиданно добавил на джуури:

– Не бойся меня. Я – свой.

Она кивнула в знак согласия.

Они стояли на балконе и смотрели на улицу.

Алла жила на одной из центральных улиц Баку, на улице «28 апреля». Раньше, то есть до революции, эта улица называлась «Телефонная». Говорят, что она получила свое название после начала строительства первой телефонной станции в городе еще в конце девятнадцатого столетия.

В этот час она была почти пустая. Редкие прохожие, опустив головы, скользили в темноте, словно безликие тени. Они так не были похожи на ту фланирующую здесь при ярком свете солнца публику: дам и юных красавиц, в поражающих разнообразием красок и фасонов нарядах. Эти не худенькие дамочки, обутые в купленные из под полы элегантные югославские туфли, несли себя с достоинством, не торопясь. Их, как всегда, сопровождали мужчины в кепках, шляпах, реже папахах, часть из них приходилась дамам мужьями, отцами, братьями, часть – пытались устроить прямо здесь «познакомку».

А между ними неслись, как лошадки-тяжеловозы, тетки и дядьки груженные полными авоськами, пытаясь почти рентгеновскими взглядами определить, что несут в сетках и корзинках идущие им навстречу такие же озабоченные трудяги.

Школьники и студенты, сбежавшие с занятий, веселыми шумными стайками проносились мимо всей этой толпы, боясь не успеть на дневной сеанс в кинотеатр «Низами», расположенный на этой же улице.

Автобусы, соревнуясь друг с другом и проскакивая остановки, лихо сновали по улице. А вот троллейбусы, не спеша, будто перевозят туристов, осматривающих достопримечательности города, медленно ползли, периодически останавливаясь, чтобы выскочивший наружу водитель, дергая толстую лохматую веревку, мог поставить на место вечно падающие электрические штанги-усики.

Словно отвечая ее мыслям, молодой человек сказал, усмехаясь:

– Да, это вам не Рио-де-Жанейро! Миллионный город, а ночью похож на областной центр. Вот, говорят, в Нью-Йорке

ночью на улицах так же светло от иллюминаций, как и днем, а народу еще больше.

– Это еще что, – Света улыбнулась, – у нас в многоэтажке, мы живем на Восьмом километре, один сосед на балконе кур держит. Мало того, что вонь стоит, так его петух никому спать не дает. Папа сказал ему, что если он своего петуха на Новруз байрам не зарежет, то папа его, петуха то есть, зарежет на Нисану.

– А у нас на Монтино, – рассмеявшись подхватил Миша, – один придурок огородил у себя на первом этаже кусок земли, посадил там всякую дребедень и корову завел. Выгоняет бедную скотину на пустырь. А там – одни колючки. Она же не верблюд! Вот она и мыкается по всем дворам, где травку пошиплет, где в мусорке хлеба нароет, а однажды я видел, как она жевала треугольный пакет из-под молока, ну, эти красно-сине-белые пирамидки. Света представила роющуюся в мусорке корову, и ей вдруг стало так смешно, что она залилась своим заразительным звонким смехом.

Вдруг она увидела на противоположной стороне улицы знакомую кепку. Бросила взгляд на часы: без четверти десять. Человек в кепке достал сигарету, чиркнул спичкой. Точно он!

Света выскользнула в балконную дверь.

– Что случилось? – лицо юноши выражало беспокойство.

– Мне надо собираться, – Света, стараясь не смотреть на него, повернулась лицом к танцующим, и стала выискивать хозяйку.

– За тобой пришли? – догадался парень.

– Да, папа ждет меня внизу, – Света поймала взгляд Алки и помахала ей рукой.

– Узнаю «своих», – усмехнулся Миша.

Через два дня Миша с Додиком встретили Свету и Аллу после лекций и проводили их до автобуса, на ходу рассказывая какие-то шуточные глупости. Потом они случайно

оказались вместе в огромном читальном зале Ахундовской библиотеки, где девочки писали реферат. Под взглядом строгой библиотечарши, они переговаривались между собой шепотом. В такой обстановке любая банальная фраза вызывала взрыв смеха, который они пытались заглушить, прикрывая смеющиеся рты ладонями.

Время шло. Встречи становились все чаще, и он уже даже не пытался объяснить свое внезапное появление в тех местах, где была она.

Наедине с собой она старалась доказать, что все их встречи случайны и гнала от себя мысль о том, что совершает что-то, что может не понравиться ее родителям. Ведь, в самом деле, ближе, чем на шаг, Миша к ней не подходил и о каких-либо чувствах с ней не говорил. Все приличия были соблюдены. А что смотрел на нее горящими глазами, под которыми ей в последнее время хотелось растаять, – так она не была обязана об этом кому-либо рассказывать.

А когда он случайно касался своими теплыми сильными руками ее прохладных ладошек, у нее возникало почти непреодолимое желание быть обнятой волнующими теплыми руками и не думать больше ни о чем. Но в этом ей не хотелось признаться даже себе самой.

Сколько раз порывалась она рассказать маме о новом знакомом. Здравый смысл говорил ей, что мама должна быть довольна такому жениху. Во-первых, – из «наших», во-вторых, – будущий врач и просто симпатичный и умный, что еще надо? Но внутренний голос каждый раз останавливал ее, и она уже не раз осекалась на полуслове во всех доверительных беседах, которые мать, замечавшая изменения в поведении дочери, старательно вела с ней, как минимум, раз в неделю.

У Светы всегда была сильная интуиция. Но такой развязки не могла предугадать даже она.

Как-то Алка позвонила Свете домой.

– Слушай сюда, – бросила она с ходу, услышав в трубке голос подруги, – в город приезжает самый настоящий еврей-

ский театр. Спектакли будут идти во дворце имени Ленина. Мы с Додиком бежим покупать билеты. Тебе брать?

– Не знаю, – промямлила Света.

– Это такое событие для нашего города. Мы должны поддерживать своих.

Я покупаю билеты на все спектакли. Ты можешь взять хотя бы на один.

Кстати, Додик Мишу тоже уговаривал. Тот говорит, что не понимает идиш, но если ты пойдешь, он готов купить билеты на все спектакли.

Светины родители разрешили ей пойти с подругами на один спектакль. В конце концов, театр – это не какая-то вульгарная киношка.

Так получилось, что их места были рядом. Так получилось, что у них была одна программка на двоих, и им приходилось каждую минуту склоняться над ней, невольно касаясь друг друга плечами, руками, заглушать стук собственного сердца, чтобы услышать биение любимого сердца рядом.

Спектакль был поставлен по рассказам Шалом Алейхе-ма и потому сюжет был им более или менее известен, но они заглядывали в программку каждую минуту. Зал, завороженный то ли игрой замечательных артистов, то ли музыкой родного языка, до сегодняшнего дня, звучащего только на кухне, плакал и смеялся.

Они, не понимая языка, интуитивно подключились к той семейной и в то же время торжественной обстановке царящей в зале, что безошибочно догадывались, где плакать и смеяться, и потому не выделялись среди других зрителей. Разве только смуглой кожей, смоляными глазами и черными вьющимися волосами.

Интеллигентного вида старик со старушкой, сидевшие рядом со Светой и Мишей бросали на них доброжелательные взгляды.

Но юная пара ничего не замечала.

В антракте им даже не хотелось вставать с места, но друзья вынудили их сделать это и прогуляться вместе по

фойе самого знаменитого концертного зала, заполненного улыбающейся интеллигентной публикой, своими нарядами демонстрирующей вкус и достаток одновременно.

Когда они усаживались на свои места, старушка-соседка, улыбаясь, сказала Свете:

– Ах, милочка. Мы с мужем весь вечер глаз не сводили с вас. Такая красивая пара, будто вас специально подобрали.

– И то, что вы, заранее зная, что не понимаете язык, предпочли придти сюда, а не на последний ряд кинотеатра с индийским фильмом, говорит о том, что и в ваших рядах зарождается поколение интеллигенции, – добавил ее муж.

– Ну, скажем, интеллигенция у нас тоже всегда была, – в глазах Миши блеснуло возмущение. – Моя мама, например, учительница. А отец из рода раввинов.

– Не кипятитесь, юноша, – старичок улыбнулся. – Я не хотел вас обидеть.

– А если понадобится что-то перевести, – добавила старушка, – обращайтесь к нам.

– Спасибо, – Света машинально взяла Мишу за руку и сказала тихонько на джуури: – Не злись, прошу тебя. Я с тобой полностью согласна. Но здесь не место для диспутов.

Он тут же прикрыл ее тонкую ладошку другой рукой.

– Все, попалась! – в его черных горящих глазах появился необычный блеск. – А уберешь руку, начну ругаться и спорить с соседями.

Они так и просидели весь спектакль. Ее рука оставалась в его руке, а другой рукой они придерживали программку.

Но все кончается когда-нибудь. И спектакль закончился. Почему-то заняло сердце.

– Что с тобой? – спросил Миша, заметив в ее лице перемену настроения.

– Сама не знаю, – Света пожала плечами. – Да. Сейчас родители меня встретят у выхода, поэтому нам надо выйти со всеми нашими.

Он кивнул, но ей показалось, что в его глазах мелькнула искорка, словно в голову пришла какая-то идея, он решил ее воплотить.

Она почувствовала внезапный упадок сил. Ей не хотелось ни о чем спрашивать, она вдруг четко поняла: ничего изменить нельзя.

Но вот подошли друзья и они все вместе, перекидываясь на ходу шутками, стали двигаться к выходу.

Она издалека увидела родителей. Они стояли в стороне и, чуть ошеломленные, разглядывали покидающую зал шикарную публику. Ну, еще бы! Сегодня здесь побывал весь цвет города: известные врачи и ученые, музыканты и артисты, главные инженеры и главы строительных трестов, снабженцы и руководящие работники.

Тут родители заметили в толпе богато и стильно одетых молодых людей дочь, которая, улыбаясь, махала им рукой.

– Здравствуйте, – опередила всех Алка. Ее ослепительная, уверенная в себе улыбка всегда подкупала окружающих.

– А мы тут у Светы принимаем экзамен на знание идиша. Должна же она была что-то вынести за два часа спектакля.

Родители с любовью смотрели на дочь. Одета, благодаря их немалым усилиям, не хуже других, она, по их мнению, выгодно выделялась среди подруг красотой и скромностью.

– Миша, например, экзамен уже сдал, – добавил Додик, и все засмеялись, вспоминая только что выданную Мишей фразу, из которой Света поняла только два слова: «мешигинен» и «тухес».

Миша вышел из толпы друзей и, протягивая Светиному папе руку в знак приветствия, добавил на джуури:

– Я хотел бы послушать, чтобы эти умники выдали, послушав «наших» два часа с перерывом на антракт.

Он говорил на родном языке с сильным русским акцентом, но довольно бойко.

Папа пожал протянутую руку и вопросительно посмотрел на дочь.

– Это Миша Елизаров, – тихо произнесла Света, опустив глаза в землю. – Он вместе с Додиком учится в медицинском.

Папины глаза потеплели.

– А из каких ты будешь, сынок? – в голосе папы звучала доброжелательность. – Из «кубинских» или «ширванских»?

– Из «кубинских», конечно, – Миша улыбался. Все шло по его плану.

Друзья, услышав диалог на незнакомом языке, крикнув: «До свидания!» – медленно пошли дальше.

– А знаешь ли ты имена твоих предков: дедушек, бабушек. Я сам родился в Красной Слободе и знаю там почти всех.

Продолжая улыбаться, юноша назвал имя своего дедушки...

* * *

...Света поправила прическу. Уже десять часов она летела в «Боинге», уносившем ее в Нью-Йорк.

– Представляю, на кого я сейчас похожа, – подумала она. – Нет, я так не могу!

Она решительно отключила свой телевизор, установленный на спинке кресла впереди сидящего пассажира, и сложила наушники. Затем взяла из сумки косметичку, щетку для волос и, положив сумку на колени сыну, уткнувшемуся в экран своего телевизора, показала жестом, что скоро вернется.

По логике вещей надо бы привести себя в порядок через два часа, когда они подлетят к Америке. Но Света часто поступала против логики.

Она вошла в туалетную комнату, находящуюся между салонами бизнес и эконом-класса.

Интуиция ее никогда не обманывала. Женщина вздохнула. Но и не помогала. Что толку, что знаешь, что произойдет, если не можешь ничего изменить?

Она подправила макияж и причесала свои вьющиеся волосы. Они, как и прежде, черной волной ниспадали до лопаток. Обычно Света собирала их на затылке, но сегодня заколка мешала ей опустить голову на спинку кресла.

Она тряхнула головой, давая волосам уложиться на тонких плечах.

У нее, конечно, хорошая наследственность: в сорок с небольшим ее жгуче черных волос не коснулась седина, а фигура была по-прежнему стройной. И вдруг... откуда-то из дальних уголков памяти в ее голове раздался голос, от которого сжалось сердце.

Фиалки у нее берут урок,
Как завивать искусней лепесток.
Тень с кипарисом пери хочет слить,
Жасмины белизною удивить.

Обжигающий взгляд черных глаз, смотрящих на нее, и неожиданно – звонкий голос Алки: «Лейли и Меджнун?» Мишка, как всегда, выбрал для нашего вечера поэзии отрывок из восточной классики. Низами. Ой, не люблю я эту поэму о несчастной любви. Он – сошел с ума, ее – выдали за другого». Насмешливый голос Додика: «А потом все умерли!» – и хохот всей компании.

Воспоминания, вырвавшись на волю, словно лани, сбежавшие из загона, понеслись в разные стороны и замелькали перед печальным взором женщины, отражаясь в зеркале, как на экране кинотеатра.

Вот – отец ее, каким она никогда не видела его. Сам – белый от злости, слова, вырывающиеся из бледных, трясущихся губ, словно удары хлыста, бьющие по лицу ошеломленного юноши:

– Передай своему отцу, что если бы у меня было десять дочерей, а самая старшая из них была бы кривая, косая и хромая, – и тогда никого не отдал бы в вашу семью!

Вот печальное лицо тети:

– Прадед этого юноши прилюдно оскорбил твоего прадеда. И они стали врагами. Прошли годы. Один из твоих дядей, я не назову его имени, влюбился в девушку из этой семьи. Но когда он послал сватов в ее дом, как того требовал обычай, то отец девушки сказал им: «Если бы у меня была

собака, я бы и собаки не отдал вам, не то, что дочь!» Ты должна понять своего отца. Если он даст согласие на ваш брак, все его братья отвернутся от него.

Вот заплаканные глаза матери. В белом больничном халате она кажется еще бледней и печальней.

«Я понимаю, сейчас другие времена. Современные девушки не нуждаются ни в родительской благословении, ни в достойном приданом. Ты можешь поступить как хочешь, и никто тебя не сможет принудить сделать по-другому. Но знай: профессор заявил, что отец твой чудом остался жив после инфаркта. Еще одно такое потрясение он не переживет. Если ты можешь быть счастлива, убив родного отца, это твое право».

И еще раз лицо отца.

«Наверное, твой мальчик очень хороший, я не спорю. Я не имею ничего против него. Но и ты пойми: если я дам согласие на этот брак, мои предки встанут из могилы и задушат меня! Да и его отец, я уверен, не сильно жаждет этого брака...»

Он погладил ее дрожащей рукой.

«Разве я был плохим отцом, дочка? Разве не вытаскивал я каждую зиму из шкафа свое старое пальто и не говорил: «Ничего, еще один год можно надеть. Лишь бы моей доченьке-красавице купить приличную шубку, новые сапожки, чтобы она могла ходить среди подруг, не стесняясь. Разве мы с матерью не отказывали себе во всем, откладывая по копейке, по полтинничку для твоего приданного и для подарков для будущей невесты твоего брата. Ты умная девочка, подумай сама, что такое дочерний долг».

Вот она, Света, сидит в библиотеке с учебником по математике. Заниматься дома было невозможно, и она думала, что сможет здесь, в тишине огромного зала, сосредоточиться и нагнать пропущенный материал. Она уже знает, что это бесполезно. Ее родители спешно ведут переговоры с дальними родственниками, которые собираются уезжать в Израиль. У них есть неженатый сын. «Очень приличная семья, – шепчет мама, – а молодой человек – инженер. Ты

сможешь продолжить учебу в Израиле. Что, там, где все евреи, не будет университетов?»

Света не удивилась, когда рядом с ней за библиотечный стол сел Миша. Они молчали минут десять. Потом он медленно взял ее руку в свою.

– Весь мир ополчился против нас. Бог испытывает нашу любовь. Мы должны спасти ее.

Она тихонько вынула свою дрожащую тонкую руку из его – такой теплой и такой желанной. Света покачала головой.

– Мы с тобой, – она взглянула на раскрытую страницу учебника и усмехнулась. – Мы с тобой – параллельные прямые. И нам не суждено пересечься.

– Ну, это в геометрии Евклида, – он усмехнулся в ответ, – а в геометрии Лобачевского параллельные пересекаются.

– Вот-вот, – где-то там, в космосе. Если не станем космонавтами, то только наши души после смерти смогут соединиться. А на грешной земле, где мы связаны не только силой тяготения, но и родственными узами и обязанностями, нам невозможно быть вместе.

Света стала складывать все тюбики обратно в косметичку.

Она не жалела ни о чем. У нее такие прекрасные дети! Муж? Ну что ж. Как говорила их бакинская соседка: не пьет, не бьет, не гуляет, зарплату жене вручает, – идеальный муж. Ну, а все остальное... Как говаривала та же соседка: «Все хорошо – тоже нехорошо!»

Она вышла из туалетной комнаты.

«Опять на это ненавистное жесткое кресло», – подумала она и уже собралась пойти к своему месту, как почувствовала на себе чей-то магнетирующий взгляд. Резко обернувшись, она увидела выходящего из бизнес-класса высокого мужчину в очках. Черные кудрявые волосы, серебрищиеся на висках, были аккуратно пострижены. Очки в дорогой оправе не охлаждали пламя, исходящее от черных глаз, а, казалось, только усиливали.

С минуту мужчина и женщина молча смотрели друг на друга, словно пытаясь убедиться в реальности увиденного.

– Ты не поверишь, я только что думал о тебе, – тихо сказал мужчина, подойдя к ней.

– Поверю, – прошептала она, – я тоже.

Они опять замолчали. Первая очнулась она.

– Я здесь с младшим сыном. Мы летим на свадьбу моей племянницы в Нью-Йорк. Ты прости, мне надо возвращаться, а то сын будет меня искать.

– А я отдыхал с дочерью в Эйлате. Теперь мы возвращаемся домой. Может, познакомишь нас?

Она на секунду задумалась.

– Пожалуй. Микки, – она постучала сына по плечу.

Он снял наушники. Улыбка осветила задорное лицо подростка.

– Познакомься, – это дядя Миша. Друг моей юности.

– Здравсьте, – юноша пожал протянутую руку.

– А мы с дочерью Джессикой летим в соседнем салоне, – мужчина показал в сторону бизнес-класса, – моей дочери, примерно, как и тебе, пятнадцать лет.

– Мне – шестнадцать, – сказал подросток, – а вы летите в бизнес-классе?

– Да, – мужчина улыбался.

– Здорово! А мой папа говорит, что платить лишние сотни долларов за несколько часов комфорта – это мотовство чистой воды.

Миша засмеялся.

– Твой папа, наверное, прав. Но моя дочь плохо переносит перелет. Чего не сделаешь для наших женщин? Да к тому же, я работаю старшим хирургическим медбратом в частной клинике и, хоть и не миллионер, но для меня эти деньги не последние.

– Хочешь посидеть на моем месте до Нью-Йорка?

– А можно? – юноша повернулся к матери.

– Барух а-Шем, что вспомнили и обо мне, – улыбнулась Света.

– Ну что ж, если вторая дама не против, я согласна.

Они втроем прошли в первый салон.

Высокая, стройная девушка-подросток сидела, поджав под себя ноги, и смотрела телевизор. В одной руке она держала стакан с апельсиновым соком, другой – подпирала вклоченную, в каштановых кудряшках головку.

– Джессика, – позвал ее отец. Девушка повернулась. По-знакомься. Это моя давнишняя подруга тетя Света, а это ее сын Микки.

– Хай! – девочка помахала всем белой тонкой ручкой, обвитой серебряным браслетиком в виде змейки.

– Мы со старой знакомой не виделись больше двадцати лет, – он перешел на английский, – тебе не помешает, если ее мальчик посидит пока рядом с тобой?

Девушка теперь уже с любопытством взглянула сначала на Свету, затем на Микки и радостно закивала.

– Ты смотришь «Шрек 2»? – спросил юноша по-английски, усаживаясь в кресле рядом.

– Я думаю, они найдут общий язык, – Миша коснулся рукой ее плеча. – Пойдем, посидим и мы.

Света послушно повернулась и пошла за ним.

«Боже! – подумала она. – Я думала, что все прошло и быльем поросло. Я – замужем, он – женат. Но стоило ему только легонько коснуться меня, – будто током с головы до ног пронзило».

– Ты хочешь, чтобы я заказал что-нибудь из напитков?

Она посмотрела на него искоса.

– Ну, мамаш!

– Не понял?

– Прости, я забыла, что ты не знаешь иврита. Нет, конечно, не хочу.

– Ну, рассказывай, родная, как живешь.

– Ты поосторожней с эпитетами. Мы с тобой – старые знакомые. И все!

– Все?

– Я прошу тебя, давай без всего этого.

Он молча кивнул, не отводя глаз от его любимой ямочки под родинкой на правой щеке.

– У меня, в общем-то, все хорошо, – чтобы не видеть его обжигающий взгляд, она уперлась взглядом в экран телевизора, на котором был изображен глобус, с четко обозначенной зеленой линией траектории полета «Боинга». Маленький самолетик на экране медленно двигался, оставляя за собой красную линию. Зеленая линия траектории уже вся стала красной. Полет заканчивался.

– Перевестись в университет оказалось очень сложно. Я окончила годовые курсы воспитателей детского сада. Работаю. Моя работа мне очень нравится. У меня два сына. Старшему – двадцать четыре. Он отслужил в армии, учится, работает, живет отдельно – снимает квартиру вместе с подружкой. Здесь так принято, – она горько усмехнулась.

– Здесь тоже, – он махнул рукой в сторону движения самолета.

– Это не мы – ценой своего личного счастья – выполнять пресловутый сыновний-дочерний долг.

– И среди нас не все такие были. Знаешь, как меня Алка ругала.

– Ты что? – в его глазах читалось удивление. – Ты ничего не знаешь?

Она вскинула черной ласточкой брови в немом вопросе.

– Через шесть лет после твоего отъезда твоя Алка отказалась уезжать с Додиком в Америку. У нее на руках были очень больные родители. Они с Додиком в аэропорту так прощались, что все провожающие женщины, включая стюардесс, лили слезы в три ручья.

– Не может быть! Ее родители были такими крепкими!

– Были, пока в начальниках ходили. А как началась перестройка – позакрывались все заводы, НИИ. Вот они и остались не у дел. Инсульт, инфаркт... Короче, пока она в течение трех лет их лечила – хоронила, Додик в той Америке забросил медицину, закончил курсы страховых агентов, женился на своей начальнице и пошел в гору. Купил дом, машину. Алка ему звонит вся в слезах и кричит что-то типа: подала документы, скоро еду, а он не знает, что и делать, как ей все

объяснить. Вот я по его просьбе и объяснял, как последний идиот. Век не забуду...

А подруга твоя до сих пор в Баку живет. Что там у нее и как, не знаю. Знаю, что телефон у нее прежний остался. Или цифру добавили еще одну. Додик, придурок, на сорокалетие решил поздравить ее. Он как раз в очередной раз холостой бегал. После того разговора он неделю из запоя не выходил. Звонил мне, рыдал в трубку, мол я – дерьмо на палочке и так далее.

После нашей с тобой истории я тоже запил и целый год в депрессии был. Пришлось академический отпуск брать. Потому и не доучился до конца. А затем как в Америку уехал, оклемался малость, закончил колледж, начал работать.

С моей будущей женой меня тоже Додик познакомил. Она подруга его второй жены. Не смейся, он уже и с ней успел разбежаться. Спрашивается, и за что этого рыжего заику-борова женщины любят? Короче, моя жена – еврейка из Украины. Как живем? Не спрашивай. Наш дом – два отдельных штата под одной крышей. В каждом штате своя конституция и свои законы. Когда дочь вырастет и выйдет замуж, мы наверняка разбежимся... А, может, и нет.

Он замолчал. Ей тоже не хотелось говорить. Только слышно было, как сладко посапывал во сне толстый дядька у окна. Микки всю дорогу возмущался, что толстяк у них перед носом забрал место у окна, а сам даже в него и не взглянул. Как заснул в аэропорту, так только на еду и туалет просыпался.

– Вы остановитесь в Бруклине?

Она кивнула.

– Я живу в Манхэттене. Может, встретимся где-нибудь, посидим в кафе?

Она пожала тонкими плечами.

– Зачем? Мы уже не те, что были двадцать пять лет назад.

Вдруг Микки с Джессикой вприпрыжку подбежали к ним. Они были оба такие красивые, юные, веселые, что все улыбались, глядя на них. Даже проснувшийся от их смеха толстяк невольно улыбнулся.

– Дэд, – девушка капризно надула губки, – а ты правда отвезешь нас с Микки в Диснейленд? Только не говори, что мы уже выросли из этого возраста, а то придется везти нас в Лас-Вегас.

– В страну дураков? – Миша подыграл дочери. – Ни за что! Лучше уже в страну детей.

– Е-е-с! – крикнули оба подростка, абсолютно не беспокоясь о том, что они могут кому-то помешать.

– Има, – обратился Микки к матери, – ты просто обязана поехать с нами!

И не дожидаясь ответа, повернувшись к Мише, сказал:

– Вы знаете, мама абсолютно не боится высоты. Мы с братом всегда любили ездить с мамой в Луна-парк. Она не пропускала ни один аттракцион. Уже у нас кружилась голова от всяких там горок, а ей хоть бы хны. А папу мы так и не затащили даже на «американские горки».

– В юности твоя мама мечтала прыгнуть с парашюта, между прочим, – грустно улыбнулся Миша. – Но этой мечте, как и многим другим, не удалось сбыться.

– Это что?! Мы с мамой в Эйлате катались на «бандже», – юноша прижал палец к губам, – только папа до сих пор об этом не знает. Он считает, что люди, которые выбрасывают такие деньги на это сумасшествие, имеют суицидальные наклонности.

– Я не обещаю, что поеду с вами, – Света выглядела абсолютно серьезной. – Посмотрим. И вообще, скоро посадка, желательно, чтобы дядя Миша сидел возле дочери. Вдруг ей станет нехорошо.

Миша встал. Микки нагнулся к девушке и что-то шепнул ей на ушко. Она радостно закивала, и они с отцом, попрощавшись, ушли.

* * *

Света ожесточенно терла зеркало в ванной.

Скоро на работу, а ей еще столько надо сделать! Хорошо, что у Микки каникулы, и он поможет ей побелить помещение

в садике. Экономленные на ремонте деньги она планировала отдать художнику, чтобы он нарисовал на стенах героев разных сказок.

Она побрызгала моющее средство на кафель. В душе кипело недовольство мужем. Когда несколько лет назад они делали ремонт, он убедил ее, что кухня и ванная должны быть белыми. Это – классика стиля и к тому же зрительно увеличивает помещение. Эстет, понимаете ли. Каких трудов стоит ей поддерживать этот ослепительный белый цвет, его не интересует!

Ее не было две недели, а квартира – в ужасном состоянии. Конечно, если бы шкафы в кухне не были такими белоснежными, то пятна от пальцев не зияли сейчас серыми грязными кляксами, а разводы на разделочном столе не хранили бы память обо всех стаканах чая, кофе и сока, выпитых хозяином в отсутствие хозяйки.

Это, видите ли, не мужская работа. Мужская работа – забивать гвозди. Когда они в последний раз забивали гвозди? Никто не помнит. А она уже третий день отдраивает квартиру и не может закончить.

«Чего я кипячусь, – думала она, доводя до блеска кафель, – разве я не ожидала этого? Разве за четверть века, прожитые с мужем, я не узнала его достаточно? Если я сейчас устрою скандал и подниму его с дивана, он пойдет помогать, но очень удивится. Что со мной происходит?»

Словно прочитав ее мысли, муж появился в дверях ванной комнаты.

– Светка, да хватит тебе драить! Черт с ним! Сейчас там «Кривое зеркало», новый выпуск начнется. Пойдем, посидим вместе, посмотрим. Я даже чай нам обоим налью, честное слово!

Что это с ним, интересно? Никогда такую заботу не проявлял. Даже если она лежала с температурой, чай ей носили дети, а муж ходил по квартире и дулся на всех как обиженный ребенок, о котором все забыли.

– Хватит! Он взял ее за руку и потянул за собой. Блестит, как в рекламе. Следующим летом будем делать ремонт – и

не уговаривай меня еще раз делать все белого цвета! Ни за что не соглашусь. Ты же просто рабыня этой кухни, ванной и полов.

Она удивленная шла за мужем.

Просто чудеса, да и только!

– Ладно, – она вырвала руку и остановилась, – я же вся грязная. Сейчас приму душ и приду, а ты ставь чайник и положи сладости на стол.

Она стояла под теплыми струями, закрыв глаза. Стоило ей на секунду оторваться от каждодневных забот, как воспоминания, которые она гнала все это время, захлестывали ее.

Жена брата навязала им с Микки свою одиннадцатилетнюю дочь. Ребенок, мол, ни разу в Диснейленде не был и когда, мол, будет еще такая возможность. Наверное, это к лучшему, потому что девчушка, вырвавшаяся от скуповатых и занудных родителей, радовалась всему: самолету, на котором они летели в Лос-Анджелес, гостинице, в которой остановились. А в самом Диснейленде она не давала Свете и Мише ни вдохнуть, ни выдохнуть. Микки с Джессикой, схватившись за руки и крикнув: «Будем на связи», – откололись в первую же минуту. И обижаться на девочку было невозможно, столько счастья и восторга было в ее глазах. Светин брат, разглядывая потом десятки фотографий, которые Миша сделал в парке, усмехаясь, сказал: «А Лили-то наша вся сияет, как котенок, который дорвался до миски со сметаной».

Они почти не разговаривали наедине. Вечером, когда вся их компания сидела в баре-ресторане, он всего один раз решил пригласить ее потанцевать. Почувствовав на себе взгляд, она обернулась, чтобы помахать детям рукой, и... уткнулась в три пары удивленно-восторженных глаз. Чуть отодвинувшись от партнера, она с трудом дотанцевала до конца танца.

Только, когда в Нью-Йоркском аэропорту они ждали своих чемоданов на пока еще пустой ленте транспортера, он

неожиданно повернулся к ней и спросил по-азербайджански – нашел-таки язык, который никто из детей не знал:

– Когда мы встретимся в следующий раз?

– Разве ты забыл: в космосе! – она с трудом вспоминала слова на языке своей юности. – Там, где параллельные прямые пересекаются...

Продолжая смотреть куда-то вдаль, он вдруг продекламировал:

– Уходишь ты, явиться не успею:

Ты пожинаешь не окончив сев.

Одной душой мы были на беду,

Что ж наши души ныне не в ладу?

Хорошо, что никто из детей не понимал языка, да и переполненные впечатлениями, они тихонечко болтали между собой.

– Мы сходны с миндалем в своей судьбе,

Два ядрышка в единой скорлупе.

Она никогда не радовалась так звонку мобильного телефона. Брат сообщил, что уже выехал за ними.

– А где же чай? – в голубом банном халате с завязанным в виде чалмы белым полотенцем она появилась в салоне.

Муж в восхищении посмотрел на нее:

– Садись, Шемахинская царевна. Ты же любишь чай такой температуры, чтобы в стакане булькало.

– Не царевна, а царица, – она присела в кресло, втирая ароматный крем в кожу тонких, смуглых рук.

Перелет в Тель-Авив показался ей короче втрое. Она даже не заснула ни на минуту. Да и Микки почти не болтал, хотя балаболка еще тот, а только раскладывал виртуальный пасьянс на своем экране. Они оба думали о чем-то своем.

Когда объявили о том, что самолет идет на посадку, сын вдруг повернулся к Свете и, будто продолжая давно начатый разговор, сказал на иврите:

– А ты знаешь, мама, Джессика рассказывала, что отец иногда называет ее Светик, – увидев, как вспыхнул румянец сквозь смуглую кожу матери, он отвернулся и, выждав паузу, добавил:

– И я ей, кстати, рассказал, что мое имя – Микки – производное от моего настоящего имени – Михаэль.

Они сидели перед телевизором. Муж, как всегда, полужал на диване. Рядом на журнальном столике лежала серебряная коробочка пульта управления телевизором, на которую он периодически нажимал в рекламные паузы.

– Мама, там на мессенджере тебя папа Джессики что-то хочет спросить.

– Ну вот, опять с половины передачи срываешься, – обиделся муж.

– Я быстро, – бросила она и вышла из комнаты.

Прочитав послание, она на минуту задумалась. Вдруг она вскочила и, крикнув сыну, что сейчас подойдет, быстрым шагом пошла в свою комнату.

Найдя в библиотеке томик Низами, она вернулась в комнату сына. Быстро отыскав нужный отрывок, она переписала его на экран компьютера. Затем задумалась, дописала несколько строк и послала сообщение.

– Если он меня еще раз спросит, – я умерла. И никаких вопросов!

– Окей, – в глазах сына играли чертики.

Придя с работы, он в который раз за последнее время включил компьютер. Если бы экран компьютера был бумажный, он бы стерся до дыр от частого пользования, но он, как обычно, радостно засветился, и на голубом экране появилась до боли знакомая переписка.

Миша:

Любимая, ты есть, пусть не со мной,
Но ты живешь, и в этом смысл земной.
Коль в сердце я тебя не сберегу,
Пускай оно достанется врагу...

Света:

Мы с тобой не параллельные прямые, нет. Мы – пересекающиеся прямые, которые пересекаются лишь однажды, а затем бегут каждая своей дорогой. Им не суждено встретиться вновь. Прощай...

Я чувствую, что гибель мне грозит –
Любовь грехопаденья не простит.
Возвышенная книга мне дана, –
Грехом не запятнаю письма,
Чтоб от стыда не мучиться потом
И непорочной встать перед Судом.

* * *

Света обмакивала шницели в желтые сухари, и они становились похожими на смешные желтые облака. Она обжа- ривала их до румяной корочки и складывала в миску. Муж зашел в комнату.

– Свет, ты представляешь, я сегодня проходил мимо бу- киностического, смотрю они выставили на лотке книги на русском языке. И знаешь, что я там нашел: «Хамсэ» Низами Гянджеви!

Шницель на сковородке стал коричневого цвета.

– Но у нас же есть Низами, – она старалась не выдать себя голосом.

– Я тебе забыл сказать. У нас же один том потерялся. Я уверен, что это произошло после ремонта, когда пропали несколько вещей.

– Что ты говоришь? – она не смотрела на мужа.

– Так я тебе купил как раз этот том. Твоя любимая поэма «Лейли и Меджнун».

Он протянул ей знакомый томик Низами, который она неделю назад отнесла букинисту.

Жизнь прожить – не поле перейти

Лея подставила голову под тонкие струи, лениво льющиеся из решетки душа. Напор воды такой, будто бабушка сверху из лейки поливает. Все-таки чувствовалось, что пару часов назад появление первых трех звезд возвестило о завершении субботы, и жильцы их старенького дома вместе с остальными жителями страны стали готовиться к началу новой рабочей недели.

– Нет, Зорик прав. Надо продавать эту старую квартиру и покупать другую – в новом доме.

Лея с удовольствием соорудила на голове белую, словно из мягкого снега, шапку из пены своего любимого шампуня с ароматом мяты, и запах свежести и легкости заполнил ванную комнату. Она, улыбаясь, оглядела ее.

– Ну, разве в новых домах сейчас строят такие? Может, только в частных коттеджах.

Она любила свою квартиру за старую планировку. Ведь в новых, построенных на американский манер домах, кухни буквально являлись частью огромных салонов, а ей так нравилась ее уютная отдельная кухня, выходящая на просторный балкон. Да и спальне комнаты в новых домах мацепу-сенькие, будто люди действительно в них только спят. Но это же не так! И не только для детей, которые в своих комнатах проводят почти все время. У нее, например, в спальне свой туалетный столик с пуфиком и письменный с удобным креслом, за которым она читает книги, стучит подружкам электронные письма, путешествует по любимым сайтам.

Лея не понимала людей, которые читают книги или смотрят телевизор лежа. Это все равно, что сидя стирать.

Бабушка когда-то приучила всю работу выполнять стоя, повторяя:

– Сидя на мягком месте лень лишний раз встать и проверить, не убежало ли молоко, не подгорает ли лук, не набе-

жала ли пена на обеде? И потому у таких хозяек все валится из рук. Только лентяйки работают сидя.

Конечно, в дальнейшем она убедилась, что бабушка не совсем права, но продолжала по привычке делать всю домашнюю работу стоя на ногах, сколько дочь не убеждала ее, что гладить, например, намного удобнее сидя. Лея порхала по кухне, забегала на балкон, где была установлена гладильная доска, пронеслась по комнатам, на ходу поправляя все, что лежит неправильно, совершенно не чувствуя усталости. И только когда она присаживалась на диван, ощущала легкое гудение в ногах.

Промокнув волосы полотенцем, Лея вышла из ванной, подошла к зеркалу и внимательно вгляделась в свое отражение. Краска легла гладко. Ее родной темно-каштановый цвет выглядел вполне естественно на все еще густых вьющихся волосах.

Когда Лея решила их подкрашивать, ей пришлось долго подыскивать различное сочетание красок, пока не достигла точно такого оттенка, что был у нее в молодости. Она не поддавалась на уговоры парикмахера Шмулика поменять свой обычный цвет на что-то новенькое, яркое и интересное, ведь найдя его, она добилась цели. Теперь люди давно не видевшие ее, при встрече с удивлением качали головой:

– Тебя что, твой муж, в холодильнике держит? Ты же за эти годы совсем не изменилась! Даже волосы не поседели!

– Почему в холодильнике? – она довольно смеялась. – Просто он так меня холит и лелеет, что старость боится приблизиться ко мне.

Она с удовлетворением потрянула головой. Ее глаза цвета коньяка с лимоном, блеснули в зеркале, словно хрусталь рюмки с дорогим коньяком, отражающий лучик солнца.

Зазвонил телефон. Лея подошла к аппарату. На определителе высветился номер телефона дочери. Странно. Они уже сегодня целый час болтали. Неужели внучка опять заболела?

Женщина в беспокойстве сняла трубку.

– Да, Ривка.
– Мама, – в голосе дочери звучали слезы.
– Что-то случилось? – перебила ее Лея. – Ребенок заболел?

– Да нет, – раздраженно сказала дочь. – Ноа давно спит. Представляешь, мне позвонила какая-то женщина и сказала, что мой муж встречается с другой. И что роман у них длится уже целый месяц! Ты слышишь – целый месяц! Негодяй! А по нему и не скажешь. Ходит довольный, рот до ушей, цветы домой тащит, за продуктами в супермаркет ходит, прямо примерный муж, хоть на стенку грамоту вешай. Вот сейчас поехал в Лондон на конференцию. Небось, эту свою с собой взял.

– Не руби с плеча, девочка моя. Люди разные бывают. Может эта, так сказать доброжелательница, неправду говорит, – Лея старалась быть спокойной. – Но ты же сама в Бен-Гурион Ави твоего отвозила. И еще рассказывала, что кроме него там были начальник и три сотрудника.

– Ага. И одна из них – баба. Эта точно она! С каким бы удовольствием я расцарапала наглые рожи обоих!

– Успокойся дочка. Не стоит торопиться с обвинением. Надо подождать.

– Тебе легко говорить, мама. С таким мужем, как мой папа, ты всю жизнь – как редкий цветок в теплице у заботливого садовода. Ни снег, ни дождь, ни даже легкий ветерок не доходили до твоих нежных лепестков под стеклянным куполом.

Лея помолчала с минуту.

– Ты только себя не накручивай, Ривка. Я знаю твою буйную фантазию. Ложись спать, дочка. Утро вечера мудренее. Завтра я к тебе приеду. Только прошу тебя, – своим подругам пока ничего не рассказывай. Все. Целую тебя. До завтра.

Она взяла фен и стала укладывать почти высохшие волосы перед зеркалом.

– Цветок в теплице, – усмехнулась она своему отражению. – Много ты знаешь...

Лея возилась с маленьким Вовочкой. Как всегда, когда вся младшая группа уже давно встала после сна и сидела в столовой в ожидании полдника, Вовочка умывался. Этот толстенький спокойный малыш ложился спать раньше других детей и вставал позже всех. Ни у кого из воспитательниц не было на него терпения, только у Леи.

Вовочка все делал очень медленно. И никакие крики и шлепки не помогали. Он даже просыпался постепенно. Сначала смотрел на всех сквозь прищуренный взгляд, через минуту раскрывал свои серые круглые глаза полностью и несколько минут разглядывал потолок. Затем садился на кровать и только через пару минут вставал. За это время Лея успевала заправить все двадцать пять кроватей в спальне. Пока Вовочка доходил до умывальника, она заправляла его двадцать шестую кровать и шла проверять, как этот медвежонок-ленивец умывается. А умывался он так же: с толком, с расстановкой. Намывливал с удовольствием руки, а затем аккуратно смывал под струей воды каждый палец, каждый раз серьезно сосредоточенно разглядывая, словно маленький хирург перед операцией.

Она с Вовочкой заходила в столовую, когда ее окликнула заведующая Вера Андреевна.

– Леечка, тебя к телефону. Только, пожалуйста, не больше пары минут. Ты же знаешь, полдник. Наргиз Мамедовна без тебя не справится.

– Алло, – Лея поправила свой сбившийся белый платок нянечки. – Я слушаю.

– Лея, – незнакомый женский голос говорил с придыханием.

– Здравствуйте, вы меня не знаете. Но это не имеет значения. Я вас знаю. Вы такая славная: скромная, красивая, хозяйственная. Все родители водят своих детей в группу этой крикливой Наргиз только из-за вас. Но эти мужики разве понимают хорошее? Я просто обязана раскрыть вам глаза.

– Если это сплетни, то я не хочу их слушать, – неприятное чувство легкого беспокойства серым облачком накрыло ее.

– Милочка моя, это не сплетни, это жизнь. Я работаю на том предприятии, на котором ваш муж заведует столовой. Так вот: одна из буфетчиц – его любовница. Причем уже, по крайней мере, год, если не больше. Если вы хотите проверить – ее зовут Карина.

Лея в волнении расстегивала и застегивала верхнюю пуговицу на своем кипенно белом халате.

Серое облачко становилось темно-серым и густым.

– Я вам все равно не верю, – она старалась не расплакаться, – мой муж не такой. И вообще – у нас двое детей.

– А у нее один ребенок. И люди говорят, что это дитя их любви. Но за это не ручаюсь. Свечку, как говорится, не держала.

– Лея, солнышко, я же тебя просила, – мягко, но с укоризной сказала вошедшая в кабинет заведующая. Она любила и ценила молоденькую няню, в душе считая, что у той – таланта работы с детьми куда больше, чем у всех воспитателей ее детского сада.

– Извините, – выдохнула Лея в трубку, – я на работе, у детей полдник, мне надо возвращаться в группу.

– Всего вам хорошего, милая, – проворковала незнакомка еле слышимым голоском, – вы заслуживаете лучшей судьбы.

– Все, что происходит в жизни, все от Бога, – она не знала, почему вдруг перевела на русский язык эту фразу, которую ее бабушка в таких случаях произносила на джуури.

Лея принесла из кухни огромный никелированный чайник с какао. Проходя между столами, она разливала напиток. Не моргая, следила она, как носик чайника опускался над чашкой, пока молочно-коричневая жидкость заполняла ее, и поднимался, будто это делал кто-то другой. В голове у Леи не было ни одной мысли.

Невидимое окружающим темное облако поглотило ее с ног до головы. Оно источало холодок, который не давал ей сосредоточиться, замедлял биение сердца, сковывал волю.

Внешне Лея оставалась такой же, только взгляд карих с желтизной глаз казался немного отрешенным, и все ее действия выглядели так, словно женщина совершает их автома-

тически, подчиняясь чужой воле.

Она помогла поварихе намазывать на ломтики хлеба баглажанную икру, а потом раздала детям по два печенья.

– Тетя Ея, – позвал Вовочка, – ты мне нужна, помоги мне.

Она подошла к нему.

– Вам, мужикам, – подумала она, вытирая салфеткой испачканный в икре пухлый ротик малыша, – мы только и нужны: приготовить, убрать, подтереть. А для красивой любви нужны другие.

Вечером, забрав дочь из старшей группы, а сына из средней, она пошла домой.

Стенные часы с маятником пробили девять. Мужа все не было. Он часто приходил поздно. Она никогда не задумывалась о том, где он.

– У мужчин свои дела, – учила ее в свое время бабушка. – Они должны семью кормить, а для этого надо крутиться-вертеться. Никто тебе в дверь не постучит и денежки на блюде не поднесет. А наше женское дело: чтобы дом блестел, чтобы дети были накормлены, обстираны. Чтобы мужа ждал горячий обед и чистая рубашка.

– Кажется, она безнадежно отстала от жизни, и я отстала вместе с ней, – с горечью произнесла Лея вслух.

Она взяла мусорное ведро и вышла во двор.

Как только Лея закончила школу, бабушка стала беспокоиться о ее замужестве, постоянно посылая в их дом каких-то теток. Женщины, фальшиво улыбаясь, зыркали по сторонам, оглядывали девушку с ног до головы, просили стакан воды, внимательно осматривая его на свет, и уходили с той же фальшивой улыбкой. Лея не очень обращала на них внимания, она была занята подготовкой к вступительным экзаменам в институт. Когда же она со слезами на глазах рассказала бабушке, что не прошла по конкурсу в педагогический, та подняла голову к небу и послала воздушный поцелуй.

– Мои молитвы дошли до Всевышнего! – сказала она улыбаясь. – Зачем девушке учиться? Главная карьера в ее жизни – это удачное замужество. Ты у меня красавица, – она с гордостью посмотрела на внучку. – Правда, немного худа, – бабушка критически оглядела ее точеную фигуру, но ничего: родишь – поправишься.

И опять вереница теток потянулась в дом, пока, наконец, две из них после второго посещения сообщили, что хотят привести будущего жениха для знакомства.

– У меня сын – красавец, – глаза невысокой полной женщины с золотыми зубами загорелись, – высокий, симпатичный, стройный. Закончил техникум, отслужил в армии, сейчас работает и учится в Нархозе на заочном.

– Образованный будет, – с гордостью добавила тетя жехниха.

Юноша действительно был симпатичен: высокий, худощавый, с густыми каштановыми вьющимися волосами и карими глазами. Лее показалось, что он страшно смущается, хотя старается выглядеть уверенным.

Что ее подкупило в нем – это серьезность и сдержанность. Она не любила молодых людей, которые много трепали языком. Особенно тех, кто в беседе с девушкой, любое предложение начинали со слов «я», «мне», «меня».

Зорик, так звали юношу, был немногословен, но внимательно слушал собеседника. «Разговорить» его было нелегко, особенно если речь заходила о том, в чем он не был уверен, например, о будущей отдельной квартире, он уклончиво говорил, что у него есть кое-какие планы, но жизнь покажет.

Самое странное было то, что Лея и Зорик были настолько похожи внешне, что часто незнакомые люди думали, будто они брат с сестрой. А Леина бывшая учительница, встретив их однажды вместе, потом по телефону выговаривала ей, что замужество с двоюродным братом чревато нежелательными последствиями. Сколько девушка ее ни убеждала, что они даже не родственники, старая учительница обиженно сказала:

– Словам можно верить и не верить, а глазам своим я верю всегда.

Первые годы после свадьбы они жили вместе с родителями Зорика, его братом и сестрой. Эти несколько лет пролетели для нее незаметно, наверное, потому, что были заполнены двумя беременностями, рождением детей и заботой о них.

Все эти годы у них почти не было возможности посидеть вдвоем, поговорить по душам.

В первое время, когда Зорик возвращался вечером с работы, Лея согревала ужин, накрывала на стол и садилась рядом, пытаясь поговорить с мужем. Но ее попытки редко заканчивались тихой супружеской беседой, потому что всегда кто-то из их большой семьи находился в доме и считал своим долгом участвовать в ней.

Тогда, именно тогда, она дала себе слово, что сделает все, чтобы ее дети, создав семью, жили отдельно. Родители мужа были люди простые и в общем-то хорошие, и они жили дружно, не доводя мелкое недовольство и недопонимание до размеров скандалов и стычек.

Через шесть лет после свадьбы они получили отдельную двухкомнатную квартиру. Теперь они могли быть вместе, разговаривать по душам. Но что-то было утрачено. Их беседы имели, как правило, семейный, житейский оттенок. Та душевная связь, которая налаживалась между ними, когда они встречались до свадьбы, исчезла. Оба научились скрывать свои чувства. Каждый замкнулся в себе.

Зорик сумел получить место сначала заместителя, а позже и должность заведующего столовой на одном из городских предприятий, а она, отдав детей в садик, устроилась туда же нянечкой.

Стараясь не наступать на уличных кошек, кормившихся у мусорки, Лея опорожнила ведро в контейнер, затем промыла его под краном во дворе и медленно пошла к подъезду.

– Ночью мусор бросать, – услышала она вдруг старушечий голос, – плохая примета.

Лея оглянулась и увидела на лавочке у соседнего подъ-

езда соседку.

– Добрый вечер, Зинаида Ивановна, – поздоровалась она.

– Что, не спится, молодуха? – старуха улыбнулась, но светло-голубые глаза ее оставались серьезными. – Мужика своего поджидаешь? Придет, куда денется, – старушка, молча показала на лавочку, приглашая Лею сесть рядом.

Молодая женщина почти физически почувствовала холодное дыхание давнишнего облака, которое не покидало ее. Неужели, даже эта почти незнакомая старуха все знает, а она еще надеется, что все это слухи.

Она молча подошла к скамейке и села.

С минуту обе молчали.

– А ты не торопись со словами, а тем более с поступками, – произнесла спокойно соседка, так, словно продолжала уже начатый разговор. – Женщина – она берегиня – она очаг бережет. А ты свой очаг еще и не построила до конца. Не руби с плеча, подумай. Разве скандалы когда-нибудь решали проблемы? Только людей озлобляли, да детей пугали. А они у тебя вон какие славные, тьфу-тьфу не сглазить: дружные, веселые. Из дома – за руки со смехом, в дом за руки с улыбкой. Не губи деток. Скандалы смех детский из дома вытравливают, да и счастья не приносят. Ты совета ничего не спрашивай, разные истории, что были с другими, – не слушай. Слушай только сердце свое.

Лея ничего не ответила, только вздохнула с горечью.

– А что ты думала, – продолжала старуха, – жизнь пройти – не поле перейти, а она любит испытывать нас на прочность.

Лея понимала, что надо что-то ответить, но не могла сконцентрироваться и слова не шли на язык. Тут она увидела, что муж быстрой походкой подходит к дому. Она хотела окликнуть, но он, словно услышав ее, резко повернулся и, увидев ее со старушкой, поклонился той в знак приветствия и остановился, поджидая жену.

Лея взяла пустое ведро и, попрощавшись с соседкой, не торопясь, направилась к мужу. Он ничего не спросил, а просто, приоткрыв дверь подъезда, пропустил ее вперед.

Разогревая ужин, она обдумывала, как озвучить услы-

шанную новость. Ей неважно было, как он отреагирует, ей хотелось просто увидеть его глаза в этот момент.

От тарелки с супом уже поднимался дымок к белому в желтых разводах после очередного «залива» соседями потолка, а Зорика все не было. Лея вышла из кухни в коридор. Квартира была небольшая, и искать его долго не пришлось. Она нашла его в детской. Он стоял у кроватей детей и... улыбался. Женщина бросила взгляд на детей и увидела, что они тоже улыбаются во сне.

Она тихонечко тронула его за рукав.

– Суп стынет, пошли.

Пока Зорик ел, она возилась у плиты, подбирая слова для разговора.

– Ты выглядишь усталой, – вдруг сказал муж. – Может, тебе уйти с работы? Твоей зарплаты даже на шпильки для твоих прекрасных волос не хватает. Что, я семью не прокормлю?

Она с ужасом представила эту перспективу с утра до вечера сидеть одной дома и думать о том, где ее муж и с кем.

– Нет, нет, – сказала она поспешно, – мне не тяжело. Да вот только я думаю, поехать ли с садиком на дачу летом? Ривочка перед школой здоровья наберется, в море искупается. Под моим присмотром, конечно. Да Давид меньше болеть будет зимой.

С минуту он ел молча, опустив взгляд в тарелку.

Вдруг муж поднял голову и произнес.

– А знаешь что, езжайте. Я за это время ремонт в доме сделаю.

Лея так и не сказала мужу ни слова.

На следующий день он принес с работы большие картонные коробки.

– Для чего это? – удивилась Лея.

– Как для чего? – Зорик непонимающе посмотрел на нее. – Мы же собираемся ремонт делать. А для этого надо бы всю посуду из буфета сложить в коробки. Эти сервизы и хрусталь из твоего приданого очень дорогие. Жалко будет, если мастера их побьют.

И золото свое отнеси на время твоей матери, не стоит рисковать.

Она похолодела.

– Кажется, когда мы вернемся с дачи, мы не узнаем ни квартиры, ни хозяев.

А может, оно и к лучшему, – думала про себя, складывая обернутые в газету хрустальные стаканы в коробку, – по крайней мере, тихо и без скандала. Хотя выяснения отношений, конечно же, не избежать.

Лея с детства ненавидела скандалы. Родители ее жили дружно, а если и возникал какой-то конфликт, то в самом его начале отец хлопал дверью и уходил на улицу. Появлялся он через несколько часов. За это время у обоих родителей конфликт проходил все стадии: обида, обвинение другого, беспокойство, недовольство собой, поиск компромиссного решения. Наверное, они любили друг друга, но в семье не принято было говорить об этом.

Впервые она увидела настоящий скандал, когда ей было лет десять.

Мама, Лея и ее младшая сестра возвращались с «Елки» в Доме пионеров. Настроение у всех троих было прекрасное. В подъезде Лея вырвала свою руку из маминой и помчалась вперед. Девочка уже предвкушала, что расскажет папе с братом о том, как она читала стихи перед детьми и получила игрушку от самого Деда Мороза.

Лея уже взбежала на свою лестничную площадку, как раздались крики, с грохотом распахнулась соседская дверь. На пороге появилась бабушка Бела, которую Леина бабуля называла Брильянт. Старушки дружили и часто сидели у них на кухне, пили чай с кизилковым вареньем и болтали на джуури.

– Люди! – кричала бабушка Бела... Платок, всегда аккуратно покрывающий ее голову, был сбит, на ногах ее были только вязанные джорабы. Она бегала от одной двери к другой, громко стучала, вызывая соседей. Люди, привлеченные шумом, сгрудились на лестничной площадке и

с удивлением задавали друг другу один и тот же вопрос: «Что случилось?»

Лея в испуге прижалась к стене. Мама в это время уже поднялась и остановилась возле папы, вышедшего на крики.

Убедившись, что набралось достаточно публики, бабушка Бела встала посередине площадки и, театрально потрясая согнутыми в локтях и вздетыми кверху полными руками, прогремела:

– Люди! Вы будете свидетелями! Я, – она сделала паузу, чтобы вздохнуть поглубже воздух, – выгоняю сегодня из дома мою невестку. Я терпела ее ради внука, но сегодня эта негодяйка еще открыла свой поганый рот для каких-то претензий. Люди, я хочу, чтобы видели: не она уходит – я ее выгоняю! – с этими словами бабушка Бела открыла дверь своей квартиры и все увидели уже одетую в пальто плачущую молодую женщину. Ребенок на ее руках, увидев толпу людей, заплакал.

– И ребенка у тебя через суд заберем! – кричала бабка. – А сейчас возвращайся к своим родителям, не сумевшим воспитать дочь! – она взяла молодую женщину за руки и вытянула ее на лестничную площадку.

В этот момент то ли от испуга, то ли от чужого неподдельного горя, Лея заплакала. Папа подтолкнул маму в дом и крикнул:

– Иди домой, нечего детей пугать. Эта старая артистка думает, что она в родной Красной Слободе! Устроила тут театр, Ермолова тоже мне. Я отвезу девочку на такси к родителям и быстро вернусь. А ты сиди и ни во что не вмешивайся.

Папа ушел, мама дала Лее теплого молока, затем устроилась с дочерьми на диване и стала рассказывать сказку.

Шум за дверью постепенно утих. Когда папа вернулся, она уже спала.

Второй раз Лея наблюдала скандал уже подростком.

Однажды, в тихий воскресный день, когда они всей семьей сидели за обедом, раздался звонок в дверь. Мама пошла

открывать. Из коридора вдруг послышались резкие голоса. Вся семья встала из-за стола и помчалась туда. Тетя и дядя выглядели возбужденными. Тетины глаза были заплаканы.

– Этот негодяй ее бьет! – крикнула она папе вместо приветствия. – Собирайся, мы идем в дом его деда. По дороге возьмем сестру. Мы им там устроим! – тетя послала в воздух две раскрытые ладони, приправив этот многозначительный жест проклятиями на джуури.

Лея догадалась, что речь шла о двоюродной сестре, которая уже год как была замужем.

Когда родственники с папой ушли, Лея спросила мать:

– Если Дора не ладит со своим мужем, почему же тетя с дядей идут ругаться не с ним, а с его дедушкой?

– У нас так принято, – сказала мама, – за молодых отвечают старшие в семье.

Лея задумалась.

– А если старшие хорошие, а молодой внук негодяй, почему они должны за него отвечать?

– Ну, это как в армии. Если ошибка солдата привела к неприятным последствиям, то наказывают и ругают прежде всего командира, а тот, в свою очередь накажет солдата.

– Но если солдат не любит свою жену, то разве командир может его заставить любить?

Мама задумалась.

– Любить – нет, а терпеть и продолжать жить с ней ради детей и доброго имени семьи, может. А такое у нас сплошь и рядом.

– А почему из-за этого дурака Изика, тетя обругала всех его предков и каждого в отдельности, не забыв его несчастных дядю с женой, погибших недавно в автокатастрофе? Они-то в чем виноваты?

– Ни в чем, конечно же. Я сама ненавижу эту нашу привычку по каждому пустяковому делу проклинать живых и мертвых родственников. Но ничего невозможно поделать!

Отдых на детсадовской даче выдался на редкость удачным.

На этот раз с ними вместе поехала Татьяна Мартиросовна, которая раз в неделю приходила в садик для проведения музыкальных занятий с детьми. Шумная и веселая, она заполняла песнями и весельем даже дождливые дни, когда детей нельзя было вывести погулять.

Раньше Лея никак не реагировала на погоду и радовалась любому времени года. Но в последнее время в ее душе что-то произошло. Может, облачко, с которым она теперь не расставалась, грустило и просилось в небеса. Ненастная погода стала наводить на Лею грусть и необъяснимую жалость к окружающим и самой себе. Глядя на прозрачные капли дождя, грустно поливающего покинутые людьми дорожки и беседки, ей хотелось плакать вместе с ним.

Два раза к ним в Пиршаги приезжала мама и два раза – свекровь. Обе они привозили с собой полные сумки фруктов и сладостей, рассказывая, что все это передал Зорик. И что он очень скучает, но по горло занят ремонтом, как говорится, без выходных.

Однажды ночью Лея проснулась от необычного звука. Ей показалось, что кто-то тревожно стучит в окно. Она в испуге вскочила и отодвинула занавеску. Сильный ветер раскачивал деревья в саду и ветка раскидистого тополя за окном мерно била по стеклу.

Спать не хотелось. Лея вдруг четко поняла, что по возвращению домой, ей придется решать проблему, от которой она на месяц убежала. Надо принимать решение самой, пока родители не навязали ей свое мнение.

Итак, первое: если по приезде в город она достоверно выяснит, что у мужа есть другая, то она для начала потребует для себя и детей квартиру и выбьет алименты. Впрочем, Зорик, который обожает Давидика и Ривочку, сделает все это добровольно. Может, он и любит другую женщину, но он не негодяй и детей своих без помощи не оставит.

А потом она пойдет учиться в педагогический институт на дошкольное отделение. Ведь ей всего лишь двадцать шесть лет. Она еще молода и полна жизни.

О новом браке, конечно, придется забыть. Кому она нужна с двумя детьми на руках? Да и сама она не хотела бы своим детям отчима. А если честно: сама мысль о том, что другой мужчина дотронется до нее, вызывала отвращение.

Ливень барабанил за окном. Она уже не могла сдержаться. Окутавшее ее серое облачко стало черным. Боль и горечь, скопившиеся внутри нее, просились наружу. Накрывшись одеялом с головой, чтобы не разбудить спящую на соседней кровати старую нянечку, она зарыдала.

– Почему он так с ней поступил? За что? Что она сделала не так? Для чего ему нужна другая женщина? Ведь ей же не нужен другой мужчина!

Ливень перешел в морозящий дождь. Рыдания перешли в редкие всхлипывания. Вскоре она заснула.

Лея проснулась от пения птиц. Сквозь отодвинутую ночью штору был виден кусочек голубого, абсолютно чистого неба. Она одернула занавеску. Ярко голубое небо искрилось светом и теплом. И ни одного воспоминания о ночном ливне.

Может, ей все приснилось вместе с тем треклятым звонком?

Лея взглянула на тополь. Мокрые ярко-зеленые листья слегка колыхались, будто здоровались со старой знакомой. Солнечный свет, отражаясь в застывших на ветках и листьях каплях прошедшего дождя, придавал дереву сказочный вид.

– Ну, что скажешь, старый тополь, земной женщине? Есть любовь и верность на земле, или все это выдумки рыцарей, которые еще не овладели сердцем прекрасной дамы? Но когда они получают руку, сердце и все что к ним прилагается, она становится не прекрасной и не дамой, а так – скучным приложением к дому в застиранном халате без пуговицы, в старом тренировочном костюме с обвисшими коленками и вязанных из остатков разноцветной шерсти джорабах.

Значит, так. Не важно, есть у Зорика женщина или нет: всю домашнюю одежду – в мусор. Дома одежда должна быть хоть и удобной, но подчеркивающей красоту хозяйки.

– Берегиня, говорите, – она вспомнила старушку на ла-

вочке, – значит, буду берегиней. Мужчина может ночевать в гостиницах, обедать в ресторанах. Но, в конце концов, он вернется к своему очагу. Ведь в родном доме и ломоть чурека вкуснее чужих пирогов, а простая циновка мягче чужой перины. Надо только, чтобы он почувствовал, что это – его дом и у этого очага его ждут.

Тополь весело зашелестел, стряхивая последние воспоминания о ночном дожде.

Когда они вернулись в город, их ждал сюрприз. Оказывается, Зорик купил кооперативную трехкомнатную квартиру и за месяц сделал ремонт и обставил мебелью. Все коробки были перевезены в новый дом и ждали, чтобы хозяйка разложила их содержимое.

– Хорошо, что я не послушала эту телефонную сплетницу, – думала Лея, с любовью вытирая новенькую чешскую «стенку».

И все-таки она выбросила все старые вещи. Накупила недорогих тканей и пошила себе удобную домашнюю одежду, связала свитера себе, Зорику и детям. Зорикины украсила ромбами и жгутами. Пусть носит и постоянно помнит о ней.

Выходные платья Зорик покупал ей у спекулянтов, даже не примеряя. На ее сорок четвертый размер это было несложно сделать.

Жизнь вошла в новую колею. Дочь пошла в школу. Лея родила еще одного сына и ушла с работы.

Она продолжала по-прежнему придерживаться своих принципов, и в любое время дня выглядела так, словно собралась выйти с детьми в парк погулять. И хотя муж утром выходил на работу и поздно вечером возвращался, Лея несколько раз в день подходила к зеркалу и подправляла легкий макияж.

Но жизнь продолжала испытывать ее на прочность.

Как-то вечером Зорик пришел домой очень расстроеным. Он отказался от еды, сел за стол и закурил, хотя раньше курил только на балконе.

– У тебя проблемы? – спросила она тихо.

– Да, – он не смотрел на нее.

Лея ощутила холод на сердце, словно на него вылили миску ледяной воды. Чувство холода медленно спускалось вниз. Вскоре она почувствовала, что ноги превращаются в лед.

– Может, поделишься? – почти прошептала она.

– А зачем, – он равнодушно пожал плечами, продолжая смотреть куда-то в угол гостиной. – Ты ведь все равно помочь не сможешь.

– По крайней мере, буду знать.

– У меня проблемы на работе. И очень серьезные. Меня подставили.

– Зачем?

– Мой начальник давно хотел посадить на мое место своего племянника.

– Тебя могут посадить?

– Легко.

– Нужны деньги?

– Безусловно. И очень большие. У нас таких нет.

На несколько минут в доме воцарилась тишина. Только слышно было, как старые стенные часы отстукивают десять часов.

– Подожди. А как же квартира? – она вскочила. – У нас же кооперативная квартира. Можно продать ее!

Он посмотрел на нее так, словно впервые увидел. Его похоже на Леины карие глаза округлились.

– Этих денег, конечно, хватит. Но где мы будем жить с тремя детьми? На новую квартиру я не скоро заработаю. И потом: неужели тебе не жаль нашу квартиру?

– О чем ты говоришь? – в ее глазах сверкнули слезы. – Разве можно твою свободу сравнить с квартирой? Мы можем первое время пожить у твоих родителей. А потом... Потом, может, вообще уедем. В Израиль или в Америку. Неважно. Твой брат ведь уехал и доволен.

В его взгляде удивление сменилось восхищением, он вдруг резко поднялся и подлетел к ней. Утопая в его жарких

объятиях, она почувствовала, как замерло сердце, словно в дни их первых свиданий.

Жизнь закружилась в вихре новых событий, как сорвавшийся вдруг после тихой погоды сумасшедший бакинский ветер.

После того памятного вечера поведение Зорика по отношению к жене изменилось. Раньше он даже в присутствии родителей и детей старался не приближаться к жене слишком близко, общаясь с ней на почтительном расстоянии. Это был результат классического воспитания горских евреев, у которых считалось неприличным показывать свои чувства и говорить о любви. Что-то вдруг изменилось в Зорике. Он не замечал, как во время самого незначительного разговора внезапно брал ее руку, накрывал узкую ладошку двумя своими, будто хотел обогреть. Или вдруг – даже при гостях! – нежно опускал руку на талию и придвигал к себе.

И пусть у них уже не было квартиры, была продана большая часть ее приданого и подарков, в эти минуты Лее казалось, что она самая счастливая женщина в мире.

Несмотря на суету и чемоданное состояние, она чувствовала носящуюся в воздухе тревогу. Нагрывшаяся перестройка сорвала привычные рамки повседневной жизни, обнажила старые, запрятанные глубоко, но незабытые обиды. Незнакомое чувство свободы пьянило людей, манило новизной и давало ощущение вседозволенности.

Проблема Нагорного Карабаха, вначале казавшаяся бакинцам далекой и чужой, постепенно приближалась, разогревая атмосферу в городе. Как в котелке с водой, поставленном на костер, появлялись первые пузырьки, предвещающие скорое закипание.

...До отъезда оставались буквально считанные дни. Они доживали их в ставшей уже чужой квартире по соглашению с новыми хозяевами.

Дети спали. Зорик с Леей сидели на уже чужом диване и обсуждали свои планы. Резкий звонок прозвучал настолько неожиданно, что они в первую минуту не мог-

ли понять: это звонок в дверь или телефон. Зорик снял трубку.

– Карина? – брови его поползли вверх. – Почему ты звонишь? Мы же с тобой до...

Он запнулся на полуслове.

В наступившей тишине были слышны только тиканье старых настенных часов с маятником и плачущий женский голос, доносящийся из телефонной трубки.

– У тебя же были деньги... На какие лекарства? Почему не в поликлинику, а к частному врачу?.. Ну и что? Сколько уже стоят билеты до Пятигорска? Не может быть!

Лея вдруг отчетливо представила женщину-армянку с пожилой больной мамой и маленьким ребенком, в спешке пытающихся выехать из ставшего вдруг чужим и враждебным родного города.

Она пошла в спальню, вытащила из сумки косметичку. Вынула из нее золотое кольцо и молча положила на столик перед телефонным аппаратом.

– Что это? – Зорик отодвинул телефонную трубку от уха и с удивлением посмотрел на жену.

– Вот, – сказала она, – отдай ей, пусть продаст, купит билеты на самолет и улетает как можно быстрее. Две женщины и ребенок. Мы должны помочь им.

– Я скоро подъеду, – сказал Зорик в трубку и словно в замедленной съемке стал опускать ее на поблескивающий в полутьме белый аппарат, не отрывая взгляда от жены. Затем резко встал и вышел из гостиной.

Вернулся он через два часа. Лея сидела на диване. Самоучитель иврита, который она держала в руках, уже больше часа был открыт на той же странице. В голову лезли страшные мысли.

– Ну что? – она подняла на него глаза.

– Взял два билета и детское место на поезд на завтра утром.

Он взял книгу из ее рук, захлопнул ее и положил в сторону.

– Ты не попрощался с ребенком?

– Зачем, – Зорик пожал плечами, – пусть его отец с ним прощается. Ты лучше скажи: тебе не жалко было кольца?

– Жалеть железку? Вместо одного красивого кольца всегда можно купить другое, а если пройдешь мимо чужой беды, сам окажешься в такой же ситуации.

Он взял ее руки за запястья, поднес постоянно прохладные ладони к губам и поцеловал их по одной.

Они шли по вечернему городу. Завтра в такое же время самолет увезет их далеко отсюда. Последний день на родной земле...

Они оба молчали, понимая, что любые слова будут лишними. Ноги сами вели их к Приморскому бульвару. Всегда шумный и людный, он в тревожное время казался почти вымершим. Они просто шли и вдыхали пряный воздух, пахнущий морем и мазутом.

Лее было немного страшно от непривычной безлюдности бульвара, но мысль о том, что она, возможно, больше не увидит его, словно магнитом тянула к любимым местам. Вон там, вдали на пирсе, в кафе «Садко», они однажды в девятом классе впервые пили настоящий черный кофе с пирожными. До этого она пила только растворимый. Они тогда всем классом сбежали с урока географии и были в восторге от своей смелости. Правда, потом они получили нагоняй от завуча и родителей. А Лее еще досталось за то, что заходила без родителей в кафе.

А вот и огромная раковина знаменитого приморского ресторана «Жемчужина Азербайджана». Всегда окутанная белым дымком мангала и распространяющая сладкий аромат шашлыка из осетрины, она была почти пуста. Светло-коричневый силуэт Девичьей башни возвышался, словно вылепленный из песка и глины вечный памятник верности и любви.

У Зорика, наверняка, были свои воспоминания.

Подойдя к дому, Лея впервые за вечер прервала молчание:

– Ну что, будем считать, что мы как в школе: одну тетрадку закончили, а с завтрашнего дня начнем новую.

– Да, – Зорик улыбнулся, – только постараемся не забывать старых ошибок.

На новой родине им пришлось нелегко. Новая тетрадь их жизни начиналась с чистого листа. Сколько в ней было написано, перечеркнуто, сколько клякс и жирных пятен поставлено...

За почти два десятилетия они многое успели: родить четвертого ребенка, окончить различные курсы, получить несколько специальностей, сменить немало работ, пока Зорик, наконец, не открыл с другом на паях прачечную и химчистку. При этом он продолжал работать бухгалтером в небольшой фирме.

Все эти годы были совсем нелегкими. Но никогда... никогда они не говорили о той женщине. Лея так точно и не знала: что было у мужа с ней и было ли вообще. Как и почему они расстались.

Лею это даже не интересовало, ведь ее Зорик был рядом. А она была занята важным делом: созданием домашнего очага и поддержанием в нем огня. Старшие дети уже семьями приходили отогреться у него.

– Завтра же, как заберу внучку из садика, отведу ее не к нам домой, а к ним. Когда Ривка вернется с работы, поговорю с ней серьезно. Я расскажу ей все о себе. Пусть знает, прежде чем принимать какое-то решение.

Зорик быстро вошел в квартиру.

– Ты готова? Хорошо, что я все-таки уговорил Шломо открывать прачечные на исходе субботы. Столько народу приходит, ты не представляешь! Через полчаса нам выходить. Нам нельзя опаздывать!

День рождения, на который их пригласил друг Зорика, справляли в ресторане торгового центра Герцелии. Дорога из Нетании была на удивление пустой и потому они приехали на полчаса раньше назначенного времени.

– Давай прогуляемся немного, – Зорик приподнял согнутую в локте руку. Лея просунула внутрь свою, и они мед-

ленно двинулись вдоль витрин шикарных магазинов.

– Может, лучше выйдем на воздух? Сейчас не жарко.

Со стороны моря у небольшого пирса были пришвартованы прогулочные катера. Возле яхт-клуба стояли небольшие суденышки. На некоторых из них были прикреплены таблички о продаже, данные яхты и телефоны владельцев.

Лея с интересом разглядывала объявления.

– Ты хочешь яхту? – удивился Зорик.

– Да ни за что! Просто хочу понять, почему для многих людей эти суденышки, предлагающие сомнительный отдых на неустойчивых волнах, являются символом респектабельности?

– Вах! Какая ты умная! – Зорик засмеялся и обнял ее за талию. – Я-то с тобой согласен. Но не выглядим ли мы, как наш бакинский сосед дядя Петя, который все время удивлялся: «Почему люди так умирают за осетрину? Что может быть вкуснее каспийской селедочки с картошечкой или жареного хека?»

– А Мустафа ему отвечал азербайджанской пословицей: «Ишаку не понять вкус шафрана». Конечно, помню.

Вдоль берега были расположены небольшие ресторанчики. В такое время они всегда были заполнены до отказа.

– Вот видишь, как культурные люди субботний вечер проводят, – Зорик показал рукой на ресторанчики. – А ты в субботу как уткнешься в свой «Ледниковый период» по российскому каналу – ни о чем слышать не хочешь.

Лея проследила за рукой мужа и хотела уже ответить, как вдруг за одним из дальних столиков увидела знакомое лицо. Перед мужчиной и женщиной лежали почти не тронутые тарелки с едой. Оба были увлечены беседой, которая, судя по серьезным лицам, была очень важной для обоих. В мужчине Лея узнала зятя Ави. Ужин в ресторане выглядел скорее деловой, а не романтической встречей. Раньше бы у нее даже не было бы в этом сомнения.

Ее смущал только один факт. Ави должен быть еще за границей в командировке. Ее взгляд упал на необычные часы над вывеской ресторана.

– Ой. Зорик, да что же это мы загулялись. Опаздываем!

Она развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла быстрым шагом в сторону, противоположную от злополучного места, уводя за собой мужа.

Они сидели в небольшой уютной компании. Зорикин друг рассказывал что-то смешное, и Лея улыбалась вместе со всеми гостями. Но если кто-нибудь попросил пересказать услышанное, то вряд ли ей это удалось.

Мысли ее были далеки. Она не пыталась понять или объяснить увиденное. Жизненный опыт показывал, что ты можешь представить тысячу разных запутанных версий, а реальное объяснение может быть наипростейшим, просто лежащим в другой плоскости. Женщина думала только об одном: рассказать дочери об увиденном или нет?

Лея вдруг отчетливо поняла, что если даже расскажет завтра дочери о своей жизни, то никак не повлияет на мнение той. У нее другой характер, другое воспитание и другие жизненные обстоятельства. Она всегда поступала в жизни так, как считала нужным, независимо от мнения других и всегда выигрывала.

Отучившись в университете пару лет, Ривка вдруг решила, что это не ее призвание, хотя училась на отлично. Как только родители не уговаривали, что жаль денег и времени, потраченных на обучение, и что стоит доучиться последний год и получить первую степень, дочь возражала им:

– Так что, прав тот крестьянин из анекдота, который вместо яблока в темноте купил луковицу и ел ее, обливаясь слезами, приговаривая: «Пусть мои глаза выйдут из орбит, но я доем эту луковицу, потому что отдал за нее деньги как за яблоко?»

Ривка перешла на другой факультет, успешно закончила учебу и теперь работает и пользуется большим уважением, потому что любит свое дело и постоянно придумывает новые проекты.

Разве она поймет мать? Разве она – такая успешная и независимая – закроет глаза на измену мужа? Разве не ушла

она с предыдущей работы потому, что начальница разговаривала с ней недостаточно уважительно? Сколько они упрашивали не оставлять такую хорошую государственную работу! А что начальница хамка – так что? Жизнь такая. Как говорят по-русски: «Ты начальник – я дурак. Я начальник – ты дурак». Но кого она слушала? Да и другие их дети ее поддержали. А в результате? Она таки нашла работу, на которой ее уважают и ценят, даже назначили начальником проекта и дали в подчинение несколько человек.

На следующий день Лея после работы отвела внучку домой, накормила ее, положила спать.

Когда дочь заехала за ребенком, девочка еще спала.

– Жалко будить малышку. Садись пока пообедай, – сказала Лея, приглашая дочь на кухню.

– Да нет, спасибо мам, мне сегодня некогда. Я и на работе сегодня не задержалась. Мой Ави вернулся из командировки утром. Звонил, просил, чтобы я домой пораньше пришла. Он нам с Ноа какой-то сюрприз приготовил.

Она помолчала немного.

– Ты знаешь, я долго думала и решила ему пока про тот звонок не рассказывать. Я готова уже ко всему, но не буду опережать события и поэтому решила подождать. Если у него любовь, он уйдет не задумываясь. А если это просто мимолетное увлечение, то отталкивая его – я сама заставляю его уйти к ней.

Я, наверное, неправа: нельзя прощать измены. Но я вдруг подумала, что найти другого мужчину мне будет нетрудно, а найти другую любовь? Не говоря о том, что другого отца у моего ребенка уже не будет. Ты ведь знаешь, какой Ави заботливый отец и внимательный муж. Может, дело во мне?

Она вздохнула.

– Как все сложно, мама. У меня голова кругом идет. Почему ты молчишь?

– Что тебе сказать, доченька, жизнь прожить – не поле перейти.

Отчего болит сердце

Ему опять снился тот же сон. Будто бежит он по родной слободке. Зеленая трава попеременно с неброскими полевыми цветами влажным, мягким ковром стелется под его босыми ногами. Горчичные холмы, покрытые изумрудным паласом, отражаются в капельках росы на кустах ежевики.

Все вокруг такое, каким он помнит со своего довоенного детства. Он боится, что попадет от мамы и потому бежит изо всех сил. Сердце бешено стучит, словно пленник, колотящий по всем стенам опостылевшей темницы. Ему не хватает воздуха, он зовет на помощь мать с отцом, которые вдруг, будто из-под земли, оказываются прямо перед ним. Но они молча смотрят на него и не приближаются. Ему больно, ему страшно, он кричит, а из набухших уст раздается только стон. Он протягивает руки к родителям, но они также молча, качают головой...

Он проснулся от сильной боли в груди, будто кто-то невидимой раскаленной шпагой проткнул его старое больное сердце. Опять сердечный приступ! Превозмогая боль, стараясь никого не разбудить, он взял с тумбочки еле видный в слабом свете ночника спасительный кружочек, снял со стакана с водой перевернутое блюдце и запил таблетку.

Тяжело дыша, словно обежал родную слободку из сна, он опустил на высокую подушку. Боль нехотя отступала.

Все-таки надо соглашаться на операцию. Половина его знакомых стариков из парка уже делали шунтирование и ничего – не только продолжают жить и играть в шахматы и домино, но и с удовольствием обсуждают полуодетых женщин, что с желанием похудеть бегают трусцой по парковым дорожкам.

Сегодня же надо пойти к врачу.

Он даже не заметил, когда уснул.

– Эй, женщина, где моя шляпа? – Натан просунул недовольную физиономию в проем двери салона.

Его жена – маленькая кругленькая Малка – гладила перед включенным телевизором. По доносившимся из него голосам безошибочно узнавались наскоро озвученные бразильские сериалы.

– В прихожей, – крикнула она, не отрывая взгляда от телевизора.

Белоснежные, еще советские простыни, с прошитыми по краям на израильский манер резинками, словно белые паруса были натянуты на огромный стол, по которому Малка водила тяжелым старым утюгом.

– А, может, оторвешься от этой шампуни и проводишь мужа, как полагается жене?

– Не шампунь, а мыло, – Малка с недовольно поджатыми губами проскользнула в прихожую и протянула мужу лежащую на верхней полке гардероба шляпу.

– Мыло? – Натан, не торопясь, приладил асфальтового цвета фетровую шляпу на свою почти гладкую, с вьющимся лишь на висках серебристым каракулем, голову.

– Нет, мыло – это русские сериалы, а твои бразильские – самый дешевый синтетический шампунь. Он бросил взгляд на свое отражение в зеркале, провел маленькой расческой по густым седым усам, отделяющих крупный, прямой, с небольшой горбинкой нос, от его четко очерченных красивых губ. – А где мой посох?

– Не посох, а трость, – Малка протянула ему деревянную, украшенную гравировкой, красивую трость – подарок друга.

– Тебе лишь бы перечить. Черт с тобой, пусть будет трость, только мой отец называл ее посохом. Тебе что-нибудь на базаре надо?

– Ну, куда тебе доковылять до базара со своей ногой? – жена укоризненно покачала головой. – Ты же до поликлиники будешь идти – от лавочки до лавочки – целый час!

– Молчи, женщина! Кто тебя спрашивает: как? Я спросил: надо?

– Ну, зелень нужна, – она пожала плечами. – Я собиралась в магазине под домом купить. Там пучки маленькие и

дорогие, но не погоню же я уставших после работы детей за одной только зеленью на базар.

Он присел на лавочке возле акации, вытянул вперед правую ногу. Сильная боль, отдающая из колена к стопе, на мгновение притупилась, а затем перешла в ноющую.

Когда-то, когда он был еще подростком, они с товарищами дразнили соседского хромого мальчишка. У Натана лучше всех получалось копировать его скачущую походку. Он тогда еще сочинил стих, где в шутливой форме описывал как ленго Исроил – сын кечала Евдо в лес за ягодами ходил. Все слободские ребята, даже те, что были старше него, смеялись.

Однажды старушка соседка услышала их дразнилку, покачала головой и сказала: «Грех смеяться, дети. Ну и что, если Исроил хромым, а его отец лысый? У каждого из нас только одна душа и одно тело. Тот, Кто видит все, – она показала на небо, – ничего не забывает. Все, над чем смеешься в молодости, – к тебе вернется в старости».

Как в воду глядела, ведьма старая. Может, потому он сейчас и лысый, и хромым.

Натан с трудом встал и, не торопясь, продолжил путь. Сейчас ему предстоит серьезный разговор с доктором.

Она, конечно, очень хороший врач. Он вспомнил, когда приехав в Израиль, впервые пришел к ней на прием. Невестка специально записала его к русскоговорящему доктору, чтобы было легче объясняться. Он усмехнулся.

...Молодая красивая женщина в белом халате внимательно слушала его обстоятельный рассказ о характере его головных болей, о слабости в течение всего дня. Ее серые, подведенные карандашом глаза, сквозь тонкие оптические очки выражали крайнюю серьезность и заинтересованность, а голова в каштановых кудряшках ободряюще кивала.

Давно молодые женщины так пристально не смотрели на него...

Когда же он закончил свой длинный, почти художественный рассказ, врач приоткрыла свои изящные губки и произнесла всего одну фразу:

– Вы пьете?

Ну, он ей тогда и выдал...

Натан снова усмехнулся. Его до сих пор мучил стыд.

Как она смеет называть его пьяницей! Он пьет только по праздникам и только в кругу семьи. Известно, что у нас на Кавказе алкоголиков почти нет, не то, что у вас в России. Его дети старше нее, а она его так оскорбляет! Он пойдет жаловаться к главврачу и, если понадобится, дойдет до комиссии по правам человека! Пусть не думает, что мы – дикие кавказцы, с гор спустились и нас можно с грязью смешивать. У него все дети с высшим образованием, между прочим...

Он остановился, потому что прочитал в серых, ставших почти круглыми глазах недоумение и сострадание.

Она встала, вышла в коридор и вернулась со стаканом воды.

– Выпейте, – она протянула ему пластиковый стаканчик и снова села напротив.

– В Израиле надо обязательно пить, – сказала докторша назидательно. И он вдруг услышал, что она говорит по-русски с сильным израильским акцентом, – летом надо в день выпивать не меньше двух литров, – продолжала она. – К тому же, мне кажется, что у вас повышенный сахар. Я обязательно пошлю вас на полное обследование, и она принялась стучать по клавиатуре компьютера.

– Что пить, доктор? – спросил он растерянно.

– Вам – только минеральную, даже не содовую, то есть, – она на секунду задумалась, подбирая нужное слово, – негазированную. И, уж конечно, не кока-колу.

Он понял. Привезенная в Израиль ребенком, молодая докторша училась на иврите, а русский знала только на бытовом уровне. И потому понятия не имела, что по-русски «пить» без уточнения означает «пить спиртное».

Потом он уже не удивлялся, когда на курсах иврита для пенсионеров учительница Двора постоянно повторяла: «В Израиле надо больше пить!» и не понимала, почему пожилые ученики начинают похлопывать себя по рукам, словно спасаясь от холода, притоптывать и повторять скороговоркой:

«Надо больше пить. Пить надо больше!» Учительница иврита тоже приехала в страну ребенком и «Иронию Судьбы» никогда не смотрела. Вот уж точно – пробел в образовании!

Он уже почти доковылял до поликлиники, как услышал за спиной насмешливый голос:

– Все болячки лечим, уважаемый товарищ?

Он обернулся. Перед ним стоял полный старичок с коляской для базара, которую вез за собой. Его раскрасневшееся круглое лицо освещала открытая улыбка, солнечные зайчики искрились на золотых зубах. Это был Сема – один из его парковых приятелей.

– Да нет, – махнул рукой Натан, – просто иду поговорить с молодой, красивой и к тому же умной женщиной о своих болячках. Что поделаешь? Больше никто не соглашается послушать о них. А тебя что, опять старуха погнала на базар?

– Не, – Семен вытер платком лысину. – Совершая утреннюю пробежку, решил совместить полезное с приятным.

– Меня тоже моя хозяйка просила пару пучков зелени на базаре купить. После визита к докторше и пойду.

– Куда уж тебе – рубль двадцать, полтора, – до рынка доплестись! Скажи, какой зелени, и я на обратном пути занесу – тебе ж в очереди не меньше часа торчать.

– Да пошел ты... – Натан незло выругался и вяло погрозил в воздухе тростью. Вот уже несколько лет как болит нога, а он никак не привыкнет к этим шуткам о хромоте. Хотя нет, раньше бы точно огрел обидчика тростью. А сейчас отреагировал просто по привычке.

– А я сам знаю, – Сема, не убирая улыбку, начал медленно отходить в сторону рынка. – Небось, укроп и эта – киндза воносячая, как вы ее едите, не знаю.

Натан презрительно усмехнулся и пробормотал что-то на азербайджанском.

– Что ты там бормочешь? – Сема уже отошел на несколько метров.

– Народная мудрость гласит: ишаку не дано понять вкус шафрана!

– И это говорит человек, который никогда в жизни не ел

сала! – засмеялся Сема, и, повернувшись к Натану спиной, сравнительно легко для своей грузной фигуры пошел вперед, весело гремя пустой коляской по брусчатке.

Что-то вспомнив, он, замедлив шаг, крикнул:

– Не забудь, сегодня в клубе пенсионеров при ВИЦО выступает актриса вашей Русской Драмы.

– Как же помню, – сказал Натан тихо – почему-то не было сил говорить громко, – красавица наша – Дина Тумаркина. Мы с Малкой придем.

Скорее поняв знак согласия, чем услышав ответ, Сема кивнул и продолжил свой путь.

Натан медленно поднялся по ступеням, ведущим к поликлинике. Сема. Ведь неплохой, в сущности, парень. А как было в начале тяжело найти общий язык со всей пенсионерской парковой группой.

Он сразу выделил шумную группу пожилых мужчин, оживленно обсуждающих что-то в выкрашенной в синий цвет деревянной беседке в конце парка, и неторопливой походкой направился к ним.

– Ты мне будешь говорить? – верещал молодеватым тенорком худенький старичок с густой взлохмаченной шевелюрой. – Он умер в семьдесят пятом, я помню хорошо – я тогда в больнице лежал. Помню еще: жена пришла меня проведать. Так нет, чтобы спросить о моем здоровье, она прямо с порога: «Веня, ты знаешь, что вчера по телевизору объявили? Ты не поверишь, кто умер!» Я таки думал, что Брежнев. Оказалось, нет. Я хорошо помню, что я ей тогда сказал: «На что мне их китайский цурес на мой еврейский тухес? Ты лучше скажи: за повышение цен ничего не говорили?»

– О ком речь? – негромко спросил Натан полного лысого старичка, сидящего рядом.

Но Веня, презрительно оглядев новенького с ног до головы, опередил толстяка:

– Мы тут Мао Цзэдуна обсуждаем. Вы, дорогой товарищ, вообще знаете кто это? Или вы только в ценах на помидоры и гвоздики разбираетесь?

Еле сдерживая гнев, Натан в полный голос ответил:

– Ну, если разговор идет не о вашем соседе по психбольнице, а о «великом кормчем» Китая, то мы, специалисты по помидорам, даже знаем точную дату его смерти – девятого сентября 1976 года.

Натан встал.

– А если вас заинтересует даты смерти Наполеона или Авраама Линкольна, например, можете свободно обращаться ко мне, меня зовут Натан, я живу вон в том доме, – он махнул рукой в сторону дома и поднял ногу, чтобы опустить ее уже за пределами беседки.

– Натан, ты из Баку? – остановил его высокий старик с седыми усами.

Натан вскинул на него удивленное лицо и кивнул.

– Меня зовут Соломон. Я – с Чадровой, – мужчина, искренне улыбаясь, протянул ему сразу две руки для приветствия.

Спасибо Соломону, не то бы Натан никогда не сделал еще одной попытки подружиться с этими людьми.

А было бы жаль. Сколько потом ими было сыграно партий в шахматы, нарды и домино. А сколько политических споров разворачивалось горячими седыми старичками под синей резной крышей. А какие травили анекдоты! Тут уж Веня из Одессы был непревзойденный мастер.

И еще. Он рассказывал им о великих восточных поэтах и мыслителях: Насими, Низами, Физули, о которых, кроме Соломона, никто и не знал. Натану это было очень важно.

Для этого он, не лениясь, перебрал переводы на русский известных ему с юности стихов и декламировал перед этой, к слову сказать, очень, благодарной аудиторией. В эти дни их беседка была полна и мужчинами, и женщинами.

– В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.

Я – суть, я не имею места, и в бытие я не вмещусь.

Все то, что было, есть и будет, – все воплощается во мне.

Не спрашивай. Иди за мною. Я в объяснения не вмещусь.

Звучали в душном израильском воздухе мысли–бунтари великого Насими, и никто уже не замечал его, Натана, акцент.

В субботу вечером Натан поведал своим детям о первом дне знакомства в парке. С минуту над столом висела тишина. Никто из детей и внуков почему-то не возмущался. А затем невестка вдруг сказала: «А Вам не кажется, папа, что Вы подходите к людям с невидимой боксерской стойкой, – она неумело сложила перед собой маленькие кулачки, – и как только слышите, что кто-то покусился на ваше достоинство и честь, бьете правой боевой без предупреждения, – она резко выбросила вперед правую кисть, – словами, разумеется».

Он немного обиделся на эти слова, но виду тогда не подал. Им легко судить, молодым. Что ни говори, в многонациональном Баку они не слишком чувствовали себя чужими, совсем не такими, как все. А внукам, привезенным в Израиль в юном возрасте этого вообще не понять.

Натан присел на скамейке возле лифта и, в который раз, вытянул вперед большую ногу.

Он родился в небольшом поселении в Кубинском районе Азербайджана, которое до революции называлось Еврейской Слободкой. Коммунисты назвали его Красной Слободой, но, по сути, оно оставалось еврейским, потому что почти все его жители были горские евреи.

Натан учился отлично. Науки давались ему легко.

Но после окончания слободской школы-семилетки, ему пришлось продолжить учебу в районном центре – городе Кубе. И тут он впервые понял, что в ином окружении мало только запоминать формулы и даты или решать трудные задачи. Зачастую ученики из райцентра, а порой и учителя посмеивались над акцентом «слободских».

А сколько драк вспыхивало за презрительно брошенное в лицо: «Джууд баласы!» И хотя чаще были биты «слободские», к концу десятого класса они завоевали уважение учителей и учеников.

И никто не знал, сколько часов он проводил у речки Кудиял-чай, под шум ее быстрого течения, повторяя сложные

слова и пытаюсь произносить их правильно. Что он тогда знал о разной фонетике языков? Он просто пытался вытравить еврейский акцент, но тот, как приложение к его семитскому имени и внешности, так и остался у него до конца жизни.

В техникуме в Баку он был единственный еврей в группе азербайджанского сектора. Однажды, в самом начале учебы, один из учителей хотел вызвать его к доске, но забыл фамилию. Нагнувшись к одному из учеников, он спросил: «Как фамилия этого джууда?» Как Натан орал! Даже завуч сначала позвала директора, потом вместе с ним зашла в класс разбираться.

«Я – ехуди, еврей, а не жид! – кричал он. – Мы живем в Стране Советов, а не в гитлеровской Германии!»

После этого случая, его имя сразу же запомнили все учителя и старались не связываться.

Тут выработаешь боксерскую стойку!

Натан в техникуме заставил-таки уважать свой народ! Он спорил с учителями гуманитарных предметов и указывал на ошибки в выкладках на доске учителей точных наук.

Натан усмехнулся. Знайте наших!

Но иногда боксерская стойка выстреливала понапрасну.

Как-то к нему в общежитие пришел незнакомый парень.

– Ты – еврей? – спросил он, с детской непосредственностью разглядывая его с ног до головы, словно пытаясь найти какое-то отличие от обыкновенного человека.

Натан сначала врезал ему так, что юноша, отлетев на пару метров, впечатался в зеленые стены общаги – изобретение коменданта, пытавшегося замазать художества предыдущего выпуска, – а потом крикнул:

– Да! И что?

В конце концов, выяснилось, что парень приехал из какого-то высокогорного села одного из отдаленных районов Азербайджана. Евреев он никогда не видел, но много читал о них. И ему всегда было интересно узнать: за что Гитлер уничтожал их? А тут ему в общежитии сказали, что у них на втором этаже живет настоящий еврей. Вот тот и пришел посмотреть на него.

Потом они подружились.

Натан медленно вышел из лифта и сел на скамейке возле кабинета врача. Ждать действительно предстоит долго. Молодая израильтянка рядом с ним, не смущаясь окружающих, низким прокуренным голосом громко выясняла с кем-то отношения по мобильнику. Приторно сладкое облако ее духов – по полфлакона на себя выливает что ли? – неприятно кружило ему голову и вызывало легкую тошноту. Что-то опять ноет сердце. Надо попытаться отвлечься. На чем он остановился? Да, боксерская стойка. А что оставалось делать? За пределами родной республики ему приходилось вдвойне трудно. Ведь он был похож и на тех, кто «Понаехали тут!» и на тех, кто «Продали Россию!».

Лицо кавказской национальности с еврейским именем, с кавказским ранимым самолюбием и мудрым еврейским сердцем. Всю свою жизнь ему приходилось доказывать окружающим, что он – не хуже многих и имеет право на то, что другим достается просто так, без всякой борьбы.

Однажды, когда Натан работал на одном полувоенном производственном объединении, его с одним из толковых инженеров – Вагидом послали в командировку на смежное предприятие в Ленинград.

Они сидели в приемной начальника производства и тихо-нечно разговаривали между собой на азербайджанском.

– Вот, прислали нам смежники, – прошептал сидящий напротив них русоволосый мужчина рыжему, – чурок чернозадых, как будто они что-нибудь в производстве понимают?

– А что, уважаемый, – угрожающе тихо начал Натан, – знание русского языка приравнивается к знанию производства или уровню интеллекта, – голос его крепчал, – и какой-нибудь пьяница дядя Вася умнее нашего академика только потому, что он по-русски без акцента говорит?

В приемной наступила тишина.

Натан уже хотел было высказаться по поводу великорусского шовинизма, но вовремя спохватился и, внезапно улынувшись, сказал:

– А вот вы, уважаемый, «Евгений Онегин» Пушкина хорошо знаете?

– Я знаю наизусть весь роман, – откликнулся рыжий.

– Я тоже знаю, но в переводе Самеда Вургунга, ведь я учился на азербайджанском языке, – и, заметив пренебрежение на лицах собеседников, добавил, – вы, к примеру, Шекспира тоже не на английском проходили, верно?

Так вот, пока мы с вами ожидаем товарища Тихомирова, я предлагаю соревнование. Вы – он указал на рыжего, – начинаете первую строфу, я продолжаю следующую на азербайджанском.

Проиграет тот, кто забудет свои слова.

Когда через двадцать минут, заместитель директора вышел из кабинета, он с удивлением обнаружил, что главный технолог декламирует Пушкина на пару со смуглым незнакомцем, который читал великого поэта на каком-то другом языке, но, судя по музыке стиха, это тоже был Пушкин...

Через пару недель, заедая селедочкой иваси, объединяющую наравне с великим поэтом весь советский народ, прозрачную жидкость из всем известной бутылки под названием «Столичная», они обмывали принятый досрочно проект и вспоминали эту встречу.

А на прощание рыжий, нагнувшись к нему, прошептал:

– Слышишь, Натан, я еще раз убедился, что еврей – он и в Африке еврей, – и уже почти неслышно выдохнул в самое ухо, – зайнгезунд!

Да... Он сейчас недалеко от Африки. Только здесь он понял, что лица еврейской национальности могут так отличаться друг от друга. Старые прожженные кадровики, легко определяющие эти лица независимо от записанного в пятой графе анкеты, потеряли бы здесь свою квалификацию.

А его, Натана, хамоватые крикливые базарные торговцы, когда он с ними спорил, посылали обратно... в Россию.

Круг замкнулся.

Белая дверь кабинета открылась и на пороге показалась маленькая ухоженная старушка в соломенной шляпке. Она продолжала что-то быстро говорить провожающей ее

до дверей докторше. Молодая женщина рядом с Натаном вскочила и подбежала к двери кабинета, явно намереваясь зайти.

– Простите, госпожа Хамами, – высокий голос врача прозвучал немного неожиданно. Очередь с интересом посмотрела на нее.

Отстукивая по больничным плиткам уверенную дробь, ее каблочки остановились напротив него.

– Здравствуйте, Натан, – докторша внимательно сквозь очки посмотрела на него. – Пройдите в мой кабинет, – она махнула тонкой ручкой в сторону двери.

Он приподнял ставшую свинцовой голову:

– Здравсьте, доктор, вы хороши как никогда, – Натан с трудом растянул свои красивые губы в улыбку. – Но, простите, моя очередь только через два человека.

Она помогла ему встать:

– Я здесь врач, и мне лучше знать, кому из пациентов нужна моя помощь раньше.

Не глядя на начавшую было возмущаться молодую женщину, докторша бросила фразу на иврите и закрыла перед ее носом дверь.

– Вот доктор, пришел сдаваться, – стараясь не показывать боль, попытался пошутить Натан.

Она быстро надела ему на руку черный рукав тонометра и вставила в уши серебряные шнуры стетоскопа.

– Шутки кончились, Натан Яковлевич, – серые глаза блеснули сталью сквозь стекла очков. – Я звоню Вашему сыну и вызываю Маген Давид.

Он упорно не хотел ложиться на каталку.

– Ногами вперед меня только на кладбище отнесут, – упрямо шептал он непонимающему санитару.

Врач что-то сказала на иврите, и спинку носилок установили на позиции «полулежа».

Перепуганный Сема заглянул внутрь кареты скорой помощи:

– Натан, а я тебе зелени купил.

– Отнеси Малке... – прошептал тот.

– Да черт с ней, с зеленью! Ты это... Держись, друг. Не бойся, джигит, наша с тобой еврейская медицина очень сильная. И вообще, у нас тобой еще матч-реванш не сыгран в шахматы.

– Джигиты не боятся ничего. Даже если они говорят с еврейским акцентом, – одними губами произнес Натан.

Дверь скорой закрылась. Врач начал подключать его к каким-то приборам, санитар несколькими мягкими движениями опустил спинку носилок.

Ошен парковая

«Ошен парк-вэй». Океанский проспект. Он начинается почти от самого океана, того самого Атлантического, пересекает Брайтон, тот самый, знаменитый, спокойно и величаво протекает почти через весь Бруклин и подводит прямо к Проспект парку.

На несколько километров тянется эта улица и вдоль нее с обеих сторон проходят утопающие в зелени парковые полосы с велосипедными дорожками, скамейками, столами с лавочками для любителей настольных игр.

В том месте, где Ошен парк-вэй пересекает район, где проживают религиозные евреи, по утрам и вечерам по велосипедным дорожкам гоняют мальчишки в кипах и с пейсами. А рядом с ними вышагивают спортивным шагом дамы в беретах и шляпах. Из-под широких юбок видны спортивные кроссовки дорогих фирм. Из-под косынок и шляпок тянутся провода наушников. Лица их серьезные и сосредоточенны. Видно дамы и во время спортивной ходьбы успевают слушать лекции. За игровыми столами молодые мамы с маленькими детками. Они ведут между собой оживленную беседу на английском языке, успевая при этом кормить малышей из бутылоч, одергивать заигравшихся мальчишек постарше и отвечать на звонки мобильных телефонов.

Но если вы пройдетесь по Ошен парк-вэй, то поймете, что в основном здесь проживают «наши» люди: из России и Украины, из Ташкента и Баку и других городов нашей бывшей коммунальной квартиры. Они привезли сюда свои привычки и традиции, языки и культуру, смешали с местным колоритом и... Что получилось? Что получилось, то получилось!

Здесь, по обе стороны проспекта, на лавочках и скамеечках сидят женщины и обсуждают всех проходящих мимо, вспоминая по одному всю их родню. Здесь же за игровыми столами проводятся соревнования по шахматам и нардам. Рядом «за так» и «на интерес» режутся в карты и домино.

Сами обитатели Ошен парк-вэй называют свою улицу Ошен парковая. А местные, что пока еще попадают в этом районе, называют ее Рашен парк-вэй.

Для стариков эта улица – место общения, где они чувствуют себя почти как на родной улице.

– Сара, – зовет соседку приехавшая недавно из Баку Хана, – пойдем, посидим на Балаханской.

– Где-где? – улыбается та.

– Ну, на этой, – Хана морщит лицо, Ошен парковой.

Им даже не нужно учить английский. Они прекрасно справляются и без него. Так они, по крайней мере, считают.

– А что, Арон Абрамович, – спрашивает один старичок со стуком выкладывая на стол костяшку, – вы таки смотрели тот апартамент, что вам эта ваша рилэстейерша показала? И что? Немало, конечно. А сколько бедрумов? Два? Ливингрум большой? Что вы говорите? А дайнингрум есть? Китчен удобный? Так я вам вот что скажу: гоните ее подальше. Она вас дурит.

– Хай, Софа Ильинична, далёко вы в такое время? Ах, у вас апойнтмент к психиатру. А шо такое? Депрессия? А, понятно. Хотите получить эсэсай, а затем социальное жилье со всеми вытекающими. Жаль, что я не врач. Я бы вам без всякой волокиты дала бы справку психа.

И им невдомек, что людям не проживающим в Штатах, не понять, что речь идет о доме или квартире – столовой, гостиной, спальнях, кухне... А эсэсай – это социальная программа, мечтать о которой никому не запрещено.

Ошен парковая не только место общения, но и место, где можно спокойно посидеть, повздыхать, повспоминать прожитую там, за океаном, жизнь, какой она у них была, а как правило, какой хотелось бы чтобы была.

– Вы верите, Миша, как я жил там, – говорит старик в панамке, показывая тросточкой куда-то вдаль. – Вы когда-нибудь были в моем городе? Нет? А жаль. Вам каждая собака рассказала бы обо мне. Я, вы не поверите, был главным инженером завода. У меня же в подчинении шесть с половиной тысяч человек было. И это только рабочих! А сколько техно-

логов и инженеров! Меня ж все боялись, прямо тряслись как зайцы, когда я вызывал кого «на коврик». Да-да, – его светло-голубые, почти прозрачные глаза засветились. – Люди говорили, что на коврик в моем кабинете они идут с большим страхом, чем на ковер в кабинет директора.

– Я, конечно, вам верю, Самуил, – второй старичок восточного типа с густыми усами и абсолютно лысой головой закивал в знак согласия, – у меня в Баку в самом центре киоск был, – он вдруг замахал одной рукой, словно отгоняя муху перед глазами, – что я говорю киоск, – магазин! Так вот, честное слово, Самуил, в конце дня мне оставалась целая пачка денег. Клянусь, даже в кошелек не помещалась. А сейчас я старый человек, что мне надо? В кармане только фудстам. Хаматенет приходит, приготовит что-нибудь, уберет как-нибудь. День прошел – хорошо.

Они, конечно же, привирали немного. И завод, на котором работал Самуил, был в несколько раз меньше, и работал он не главным, а рядовым инженером. Да и малюсенький киоск Михаила находился на окраине города. И после того, как в конце дня он отстегивал всем нахлебникам из своего кошелька, домой доносил всего несколько бумажек.

Но все это было сейчас неважно. Неважным было даже то, что на Ошен парковой были люди, которые жили с ними рядом в той жизни, и потому настоящая правда была тоже известна всем.

Несбывшиеся мечты, нереализованные планы выдавались здесь, на Ошен парковой, как не подлежащая сомнению истина.

– Ты думаешь, вот я сейчас работаю хаматенет, – женщина предпенсионного возраста в соломенной шляпе что есть силы трясла пластмассовым китайским веером, – и каждая мымра из Шепетовки может мне сказать: «А ви знаете, что после вашего последнего прихода у меня трапочка пропала. Красивая такая трапочка, я их целую пачку в 99-центровом магазине покупала?» Да чтоб она уже с собой в могилу взяла все свои трапочки! А ведь у меня в Союзе своя домработница была. Вы Мусика моего спросите, он не даст соврать.

У меня маникюр на руках месяцами держался! А здесь приходится вот так работать. А что делать? Надо же до пенсии дотянуть.

– Ой, и не говорите, Мария, – ее соседка в черной с блестками шифоновой косынке, завязанной на лбу узлом, глубоко вздохнула. – Мы так там жили. Веришь, все мои платья, – для убедительности она подергала красными натруженными пальцами свое темное в белую горошину китайское платье, – пахли шашлыком, столько мы его ели. Не какой-нибудь, как здесь, турку-мурку, или, не дай Бог, порк-морк – настоящий баранина! Где шашлыки и где индюшатины или, не дай Бог, свинина? – женщина язвительно усмехнулась. Да только это? Здесь ходишь каждой дуры капризы выполняешь. Сегодня заставила меня всю квартиру убирать. Даже комнату дочки и внучки. Веришь, у ее внучки нижнее белье, неудобно говорить даже, по всей комнате разбросано. Такую девушку кто замуж возьмет, грязнулю? Мне что? Я убрала, на завтра она меня за это отпустила. Завтра хочу на внутреннем дворе ковры помыть. Мне наш супер ключи обещал дать. У меня знаешь, какие ковры? Настоящей ручной работы. Большие деньги стоят. За ними уход как за ребенком нужен.

Все это была правда. Почти. Если не считать, что домработницей была спившаяся соседка Лидуся, которую не держали ни на одной работе. За бутылку портвейна и тарелку обеда два раза в неделю она убирала у нескольких соседок. А шашлыком считался купленный по дешевке на мясокомбинате бараний джиз-быз и баклажаны с помидорами на шампуре.

Здесь же, на Ошен парковой, проходят такие политические обсуждения и споры, что даже знаменитый сын юриста не смог бы вставить ни единого слова. А какие предложения вносятся! Иногда радуешься, что эти горячие головы не стоят у штурвала власти. Иначе, куда мы сейчас заплыли бы, неизвестно.

– Вы слышали: израильскую территорию опять обстреляли «Касамами»? Да что они там думают в ихнем прави-

тельстве? Да зашли танковой дивизией, да «зачистили» бы пару-тройку деревень, чтоб и колючки от них не осталось. И не надо объявлять заранее по радио. К черту гуманизм! Все они, в сущности, террористы: и бабы, и старики, и дети. Одни их рожают, другие их науськивают, а третьи ими становятся. Так что же мелочиться?

– Как вы не понимаете, что это методы прошлого тысячелетия. Мы не должны опускаться до их уровня. Мы должны пропагандировать всем недоразвитым странам другие, демократические методы. Ведь можно всего добиться путем переговоров.

– А я вообще не понимаю, что это за дурацкий конфликт? Земли они хотят. Так отдайте уж им. Пусть успокоятся. Не стоит этот клочок земли столько пролитой крови. Я бы на месте Америки отдал израильтянам один из штатов. Да им и половины хватило бы. Пусть себе живут тихо, спокойно. А что земля святая, или какая, ерунда все это. Словоблудие одно.

– Вот такие, как вы, суки в ботах, нашу великую державу и профукали! Так отдайте вашу квартиру соседям по лестничной клетке, пакистанцам. А сами убедите Дональда Трампа отдать вам один из его шикарных домов. У него же их много.

– Да вы не поняли...

Представляете, сколько нужно было бы апельсинового сока, чтобы остудить этот накал страстей.

А сколько сплетен рождается на этих лавочках и скамейках, скольким людям эти сплетни ломают судьбы!

И вот уже вы слышите как пожилая женщина, отчитывая за что-то своего сына, говорит:

– Ты хочешь, чтобы завтра обо мне вся Ошен парковая говорила?

А бывает и наоборот: здесь находят своих будущих спутников жизни молодые, а иногда и не очень молодые, но очень одинокие люди.

А сколько родных, знакомых и просто соседей, потерянных после коловорота эмиграций, браков и разводов и иногда

просто превратностью судеб, было найдено здесь буквально за полчаса.

Так что же она Ошен парковая?

Клуб настольных игр или сборище пикейных жилетов, бюро знакомств и находок или клубок сплетен, лавка древностей или корабль желаний?

Сколько таких «Рашен парковых» разбросано по всему миру, где наши люди смеются и плачут, спорят и мирятся, сплетничают и помогают друг другу. И не надо на них обижаться и тем более осуждать. Просто нужно всегда помнить кто мы, откуда пришли. И это поможет нам, принимая новое, не забывать прошлого.

Ведь нам есть чем гордиться и чего ждать.

Мириам Хейли —
член Союза писателей
Израиля. Родилась
и выросла в Баку.
Выпускница мехмата
Азербайджанского
Государственного
университета.

В 1990 году репатрировалась с семьей
в Израиль. Работает в муниципалитете
Тель-Авива.

Публикуется в русскоязычных газетах
Израиля и США. Печатается в литературно-
публицистических альманахах «Мирвори»,
«Русское слово», «Наши звезды».

В 2007 году в Нью-Йорке издательство
«Новый Рубеж» выпустило в свет ее первую
книгу «Душа народа».

Данная книга в рассказах повествует о
жизни горских евреев с начала XX века и до
наших дней.

ISBN 978-0-578-06659-2

50000

9 780578 066592